ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 4 (16) 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Токарева Д. В. Конституционно-правовые концепции государственных преобразований в программных документах Белого движения 3

Бугаев Д. С. «Сакартвело» в официальных документах рубежа XVIII и XIX вв. относительно Картли-Кахетии 11

Шевнина О. Е. Провинциальное дворянство: стереотипы мышления и образ действий (на примере высшего сословия Среднего Поволжья конца 1850-х – 1870-х гг.) 17

Тетерина Е. А., Ульянов А. Е. К вопросу о продовольственном положении в Среднем Поволжье в конце XIX – начале XX в. 26

Пожилов И. Е. «Чтобы богатели все вместе» (Чжу Дэ о проблемах социально-экономического строительства в КНР) 34

Даутова Р. В. Границы свободы слова в годы хрущевской «оттепели» 43

ФИЛОСОФИЯ

Гордова Э. Е. Философско-методологические контексты этики бизнеса..... 55

Маслянка Ю. В. Язык, генеалогия и генерирование смысла..... 63

Парменов А. А. О проблемах становления и развития личности в нестабильном обществе 70

Горюнов А. В. Архитектоника философско-исторического знания 78

ФИЛОЛОГИЯ

Напцок Б. Р. К вопросу о генетической связи англосаксонского эпоса «Беовульф» и английской «готической» традиции XVIII в. 90

Жаткин Д. Н., Яшина Т. А. Художественное своеобразие восприятия «Ирландских мелодий» Томаса Мура в России XIX – начала XX в. (на материале интерпретаций стихотворения «Не произносите его имя…»)..... 98

Морженкова Н. В. Эволюция портретного видения в литературных портретах Гертруды Стайн 107

Чепанова Е. И. Презентация акта молчания
в немецкоязычном художественном тексте 115

Осьмухина О. Ю. Специфика освоения набоковских приемов
в романах А. Битова и В. Пелевина начала XXI в. 122

ПЕДАГОГИКА

Мещеряков А. С., Бехтер А. Ю. Формирование творческой готовности
к профессионально-личностному саморазвитию будущих
инженеров средствами иностранного языка 130

Попов Н. И., Токтарова В. И. Функциональные асимметрии человека
и психолого-педагогические особенности усвоения
математической информации 139

Наземнова Н. В. Аналогия в обучении учащихся приемам
распознавания геометрических образов 147

Ивошина Т. Г., Шварева Л. В. Педагогические условия
как источник самоизменения школьников 153

Пашин А. А. Структурно-динамические и типологические характеристики
субъективного отношения к физической культуре и спорту 161

Вишневская Г. В. Управление самостоятельной работой
студентов-заочников в условиях дистанционного образования 170

ИСТОРИЯ

УДК 94(470+571)

Д. В. Токарева

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу конституционно-правового наследия Белого движения, изучению программных документов конституционного характера, посвященных решению проблемы будущего политического устройства и формированию государственной системы новой России по окончании Гражданской войны, а также рассмотрению причин нереализованности конституционного законотворчества Белого движения.

Ключевые слова: Белое движение, программные документы, Гражданская война, конституционно-правовые концепции, государственное устройство.

Abstract. Given clause is devoted to the analysis constitution-legal heritage of White movement, to studying of program documents of the constitutional character, devoted to the decision of a problem of the future political system and formation of the state system of new Russia upon termination of Civil war. And as to consideration of the reasons нереализованности the constitutional lawmaking of White movement.

Keywords: White movement, program documents, Civil war, constitution-legal concepts, a state system.

Круг источников для изучения поставленной программы весьма ограничен, так как единой политической программы Белого движения не существовало, тем более разработанного проекта Основного закона Российского государства. Документы официального происхождения (законодательные акты, политические декларации), источники мемуарного и эпистолярного характера, эмигрантские издания позволяют выявить лишь основные идеи и направления конституционно-правовых преобразований в рамках Белого движения. В то же время отказ его лидеров принимать конкретные программы конституционного устройства России до победы над большевиками создает определенные трудности при рассмотрении проблемы конституционного законотворчества Белого движения.

Проблема конституционно-правового наследия российского Белого движения вызывает пристальный интерес отечественных исследователей в современных условиях формирования гражданского общества и создания правового государства. Различные аспекты данной проблемы рассмотрены в работах О. А. Кудинова, Я. А. Бутакова, В. Ж. Цветкова, В. Д. Зиминой и др. [1–10].

Говорить о конституционном характере Белого движения следует с известными оговорками, ибо условия Гражданской войны не позволяли в полном объеме гарантировать права и свободы личности и избирать представи-

тельные органы власти достаточно демократическим путем даже на территориях, контролируемых белыми. Тем не менее проблема будущего политического устройства новой России приобретала исключительно важное значение в целях осуществления последующего государственного строительства.

В концепции Белого движения решение данной проблемы предусматривало в первую очередь ответ на вопрос о постоянной форме правления, которая должна быть установлена после свержения советской власти; далее – разработку политико-правовых механизмов учреждения и гарантий будущей формы правления; наконец – ориентацию на определенный партийно-политический спектр органов новой государственности. Способность Белого движения выдвинуть конкретную программу по названным вопросам зависела от согласованности позиций поддерживавших его общественно-политических сил [4, с. 41].

В программных документах конституционного характера Белого движения были отражены два характерных принципа: соблюдение прав и свобод личности, насколько это было возможно в условиях войны, и «непредрешенчество» конституционно-правовой системы будущей России до победы над большевиками и выборов нового Учредительного собрания. Конституционно-правовая и социально-экономическая платформа белых должна была сплотить различные антикоммунистические силы – от крайне правых монархистов до умеренных социалистов. Это создавало условия для широкого объединения всех противников коммунистического режима. Но в этом и заключался самый большой недостаток идеологии белых – внутренняя аморфность и слабость их идейных установок и организации и, как следствие, постоянная угроза раскола.

Лидеры Белого движения с момента его зарождения старались избегать четких заявлений по вопросу о той форме правления, за которую они борются. Официально эта позиция уклонения от ответа на коренной запрос всего общества мотивировалась стремлением не предрешать волеизъявления российского народа. Впоследствии концепция «непредрешения» стала считаться основой идеологии Белого движения. Главным содержанием ее, по мысли генерала А. И. Деникина, являлось «уклонение от радикальной ломки государственного и социального строя с предоставлением этой работы будущим правомочным органам народной воли» [11, т. 3, с. 263].

Программные установки конституционного характера Вооруженных сил Юга России были изложены в Декларации Добровольческой армии, написанной П. Н. Милюковым, одобренной тогдашним Главнокомандующим генералом М. В. Алексеевым и опубликованной 27 декабря 1917 г. в «Донской речи». Но Декларация содержала лишь общие принципы, в частности, в ней отмечалось, что после победы над большевиками будут проведены новые свободные выборы в Учредительное собрание, которое и должно будет окончательно решить судьбу страны [3, с. 30].

После января 1918 г. последовательная антибольшевистская оппозиция перестает связывать с эсеровским Учредительным собранием какие-либо надежды на будущее российской государственности. В программном послании генерала Л. Г. Корнилова, адресованном в феврале 1918 г. антибольшевистским организациям Сибири, отмечено: «Сорванное большевиками Учредительное собрание должно быть созвано вновь. Выборы в Учредительное собрание должны быть проведены свободно, без давления на народную волю и

во всей стране». Там же подчеркивалось, что «Учредительное собрание, как единственный хозяин земли Русской, должно выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй» [4, с. 43]. Но впоследствии лозунг Учредительного собрания был исключен из программных документов Добровольческой армии, что было связано с настроениями тех сил, которые поддерживали Белое движение. Так, например, генерал А. С. Лукомский, ближайший сподвижник Л. Г. Корнилова и А. И. Деникина, в письме последнему от 14 мая 1918 г. критиковал выдвинутые лозунги Учредительного собрания и «народоправства» и допускал единственно приемлемой формой правления – конституционную монархию [11, т. 3, с. 132; 12, с. 116].

В августе 1918 г. генерал А. И. Деникин поручил отразить в разрабатывавшемся «Временном положении об управлении местностями, занятыми Добровольческой армией» следующий главный принцип: «Временная власть должна быть неограниченной, в виде единоличной диктатуры» [11, т. 4, с. 270]. В конечном итоге Белое движение на юге России утвердилось в необходимости именно единоличной диктатуры – это была внешняя копия неограниченной монархии, с тем отличием, что ее существование оправдывалось исключительными условиями Гражданской войны и рассматривалось как переходная мера к представительной демократии. Власть, которая после свержения большевиков должна была опираться на правомочность народной воли, А. И. Деникин называл «национальной диктатурой» [11, т. 4, с. 201].

В целях подготовки перехода к конституционному правлению идея «национальной диктатуры» была всесторонне развита в программе «Тактического центра», представлявшего ядро общественно-политических сил, группировавшихся вокруг руководства Вооруженных сил Юга России.

Представители «Национального центра», «Союза возрождения России» (СВР) и «Совета общественных деятелей» образовали в начале 1919 г. в Москве подпольный комитет на паритетных началах для взаимного осведомления по политическим вопросам и выработки общей тактической платформы (откуда и название). «Тактический центр» (далее – ТЦ) налаживал связи с единомышленниками на юге России, через которых руководству «Вооруженных сил Юга России» (ВСЮР) направлялись теоретические разработки и практические рекомендации. Проекты ТЦ представляют интерес хотя бы потому, что в них была осуществлена попытка зафиксировать принципы государственного строительства, общие для широкого спектра политических групп антибольшевистского лагеря.

Общегосударственная власть, по замыслу ТЦ, установленная после свержения большевистского правительства, не должна ограничивать свою задачу доведением страны до «Национального собрания», но обязана «рядом проводимых ею общегосударственных мероприятий создать... условия, при которых Национальное собрание вообще возможно, и передать власть лишь тому государственному установлению, которое явится результатом определения Национальным собранием формы правления». Принципиальное отличие Учредительного собрания от Национального в том и заключалось, что последнее не обладало государственной властью и функционировало при наличии независимого от него правительства. Полномочия Национального собрания ограничивались принятием основного закона о государственном устройстве и форме правления, после чего Национальное собрание распуска-

лось. Переходное правительство, созданное военным командованием, слагало свои полномочия лишь после того, как сформированы высшие органы государственной власти согласно конституции, принятой Национальным собранием [4, с. 51, 57].

Но в целом в 1918–1919 гг. единой конституционной программы в ВСЮР не существовало. Несколько позднее по этому поводу Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России в тот период генерал А. И. Деникин отмечал: «...Какой государственный строй приняла бы Россия в случае победы Белых армий в 1919–1920 гг., нам знать не дано. Я уверен, однако, что после неизбежной, но кратковременной борьбы разных политических течений в России установился бы нормальный строй, основанный на началах права, свободы и частной собственности» [13, с. 8].

В телеграмме А. И. Деникина от 2 января 1919 г. подчеркивалось: «Мы не предрекаем ни будущего государственного устройства, ни путей и способов, коими русский народ объявит свою волю» [14, с. 51]. Он видел свою программу устроения России на началах областной автономии и широкого местного самоуправления, и в то же время вся полнота власти должна сосредоточиться у Верховного главнокомандующего, однако при этом необходимо соблюдать незыблемость гражданских свобод. Одновременно предлагалось сохранить в силе законодательство дореволюционное и Временного правительства, кроме тех случаев, когда новая власть отменит или изменит какие-либо установки.

В сентябре 1918 г. была создана Уфимская Директория с центром в Омске. Политический блок, на который опиралось Сибирское правительство, включал широкий спектр партий – от монархистов до социалистов (эсеров и меньшевиков). На территории Сибирского правительства было временно воссоздано Учредительное собрание, обсуждавшее вопросы, поставленные им еще в январе 1918 г. Были восстановлены земские и городские органы самоуправления, мировые суды, профессиональные союзы и общественные организации, а также действие нормативных актов, принятых до октября 1917 г. [3, с. 31].

Но из-за затянувшейся Гражданской войны возобновить работу Учредительного собрания в полном объеме не удалось. С точки зрения и конституционного права, и здравой логики после победы над большевиками в новой исторической обстановке предполагалось провести выборы нового Учредительного собрания. К тому же условия войны требовали централизации власти.

В ноябре 1918 г. адмирал А. В. Колчак упразднил Директорию и принял титул Верховного правителя. Разъясняя свою политическую программу перед представителями печати 28 ноября того же года, А. В. Колчак, в частности, отметил, что после ликвидации большевистской власти в России должно быть созвано Национальное собрание «для воцарения в стране закона и порядка» [3, с. 31]. Однако он не мог отрешиться от старой, до него созданной системы управления государством. Да это и не удивительно – ведь большинство из его окружения состояло из дореволюционной номенклатуры уездного и губернского масштаба, которая не знала других методов управления, кроме тоталитарно-бюрократических. Засилье в государственной системе касты статских, надворных, коллежских советников вело к тем же плачевным результатам, что и в дореволюционные времена.

В связи с окончанием мировой войны правительство А. В. Колчака опубликовало 6 декабря 1918 г. декларацию, в которой объявляло о своем стремлении «к воссозданию государственности на началах истинного народовластия, свободы и равенства». Существенным пробелом программы колчаковского правительства, по мнению управляющего делами Г. Гинса, «была неясность его политической физиономии» [15, с. 30].

Наиболее трудным для антибольшевистского движения был аграрный вопрос. В Декларации колчаковского правительства от 8 апреля 1919 г. население заверялось в том, «что урожай будет принадлежать тем, кто сейчас пользуется землей», даже если они не являются собственниками и арендаторами. Правительство обязалось принять меры «для обеспечения безземельных и малоземельных крестьян и на будущее время», используя для этого в первую очередь частновладельческую и казенную землю, уже фактически перешедшую крестьянам. Этот шаг, наиболее радикальный в аграрной политике Белого движения, был направлен против дворянского землевладения в поддержку мелких трудовых хозяйств, владеющих землей как частной собственностью. Окончательное же решение этого вопроса откладывалось на неопределенное время – до созыва Национального собрания, а самовольные захваты запрещались [16, с. 89].

Внутренним противоречием была отмечена и национальная политика правительства Колчака. Действуя под лозунгом «единой и неделимой» России, оно не отвергало, по заявлению министра иностранных дел Ю. В. Ключникова, «самоопределения народов» как идеал. Но в том же заявлении подчеркивалось, что «крайние выводы из него» (образование самостоятельных государств) «не привлекают уже больше общественное внимание России» [17, с. 195].

На Версальской конференции представители делегаций Азербайджана, Эстонии, Грузии, Латвии, Северного Кавказа, Белоруссии и Украины потребовали предоставления им независимости, но Колчак предложил подождать до Учредительного собрания. Отказавшись от создания из освободившихся от большевизма регионов противобольшевистской конфедерации, он проводил политику, обреченную на неудачу [16, с. 94].

На северо-западе страны Белое движение во главе с генералом Н. Н. Юденичем придерживалось конституционных идей, аналогичных Белому движению на востоке и юге страны. Так, в обращении к населению русской территории Северо-Западного фронта в августе 1919 г. отмечалось: «...Решительный отказ от возврата к старому режиму; воссоздаваемая Всероссийская власть должна быть укреплена на основе народовластия; единство Великой России должно сочетаться с утверждением за всеми народностями, обитающими на ее исторической территории, права развивать свою национально-культурную жизнь; административное управление государства должно быть усовершенствовано путем становления ближайшей и органической его связи с местным земским и городским самоуправлением; все граждане государства Российского, без различия национальностей, вероисповеданий и классов, равны в правах и обязанностях перед законом; всем обеспечивается по восстановлении государственно-правовой жизни неприкосновенность личности и жилища и гражданская свобода: религиозной совести, слова устного и печатного, союзов, собраний и стачек; земельный вопрос решается со-

гласно с волей народа; земля будет передана трудящемуся земледельческому населению для закрепления в собственность…» [18].

После поражения зимой 1919–1920 гг. армий А. В. Колчака, Н. Н. Юденича и А. И. Деникина 22 марта 1920 г. в Крыму генерал П. Н. Врангель принял на себя всю полноту военной и гражданской власти с санкции правительствующего Сената [19, с. 15]. Он принимал меры по укреплению южнорусской государственности. С этой целью разрабатывался и осуществлялся комплекс важных конституционно-правовых и социально-экономических мероприятий. Правительство Юга России разработало «Правила о восстановлении волостных и уездных земств» [2], в которых предусматривалось создание системы крестьянского самоуправления с участием представителей всех других категорий землевладельцев. Таким образом, закладывался фундамент будущего возрождения Российского государства, основанного на самодеятельности народа снизу.

Конституционно-правовая политика правительства Юга России была сформулирована в августе 1920 г. и основывалась на следующих базовых положениях: будущий государственный строй России; равенство гражданских и политических прав; предоставление в полную собственность земли обрабатывающим ее крестьянам; защита интересов рабочего класса и его профессиональных организаций; объединение различных частей России «в одну широкую федерацию, основанную на свободном соглашении»; восстановление производительных сил России «на основах, общих всем современным демократиям, представляющих широкое место личной инициативе»; признание международных обязательств, заключенных предыдущими правительствами России.

В январе 1920 г. в Париже был опубликован проект Основ Конституции Российского государства [20, с. 263–287], который обсуждался в среде российских политиков различных направлений и правоведов в Ростове, Крыму и Париже (Г. Е. Львов, П. Б. Струве, Б. В. Савинков, П. И. Новгородцев и др.). Главные идеи проекта заключались в следующем: форму государственного устройства должно определить Учредительное собрание; глава государства избирается общим собранием двух палат простым большинством голосов; все акты, издаваемые главой государства, скрепляются подписью канцлера; глава государства назначает и увольняет высших чиновников, созывает палаты и областные съезды. Законодательная власть осуществляется двумя палатами: Государственной думой и Государственным советом. Государственная дума избирается на основе всеобщего и равного избирательного права, Государственный совет – областными сеймами [3, с. 32].

Анализ материалов Белого движения конституционно-правового характера периода Гражданской войны позволяет прийти к следующим выводам. Конституционное законотворчество Белого движения основывалось, по большей части, на проектах периода Временного правительства, в чем проявлялась шаблонность правотворчества либеральных кругов, а реализация либеральных концепций устройства власти на местах находилась в руках более консервативно настроенных политических сил.

Отказ Белого движения принимать конкретные программы конституционного устройства России, откладывание решения этого вопроса до победы над большевиками, да и невозможность решить эту проблему демократическим путем в условиях Гражданской войны с точки зрения либеральной

доктрины права было совершенно правильным. Процесс принятия конституции должен был быть гарантирован от негативного вмешательства экстремистских сил. С этой целью военное руководство Белого движения намеревалось сохранять в своих руках рычаги эффективного воздействия на государственную власть впредь до сформирования таких гражданских органов, которым можно было бы вверить управление страной.

Белое движение стремилось к отстранению левых радикалов от влияния на политическую жизнь и к реализации в воссозданном Российском государстве принципов конституционной демократии западного типа. В нем воплотились нереализованные после Февраля 1917 г. возможности развития России по либерально-конституционному пути.

Список литературы

1. **Кудинов, О. А.** Российский конституционализм в годы революции, гражданской войны и в эмиграции (1917–1940-е гг.) / О. А. Кудинов. – М., 2001.
2. **Кудинов, О. А.** Белый конституционализм России в годы Гражданской войны и в эмиграции (1918–1940-е гг.) / О. А. Кудинов // Патриот (Москва). – 2002. – 28 января. – С. 101–110.
3. **Кудинов, О. А.** Конституционные проекты Белого движения в годы Гражданской войны в России / О. А. Кудинов // История государства и права Советской России. – 2006. – № 2.
4. **Бутаков, Я. А.** Белое движение на юге России: Концепция и практика государственного строительства (к. 1917 – нач. 1920 г.) / Я. А. Бутаков. – М., 2000.
5. **Бутаков, Я. А.** Гражданская война в России: альтернативные модели государственного строительства и управления / Я. А. Бутаков. – М., 2001.
6. **Зимина, В. Д.** Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны : моногр. / В. Д. Зимина. – М., 2006.
7. **Зимина, В. Д.** «Падения» и «взлеты» Белого движения в отечественной историографии : моногр. / В. Д. Зимина, П. И. Гришанин. – Пятигорск, 2008.
8. **Зимина, В. Д.** Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны / В. Д. Зимина. – Волгоград, 1997.
9. **Цветков, В. Ж.** Белое движение в России / В. Ж. Цветков // Вопросы истории. – 2000. – № 7.
10. **Цветков, В. Ж.** Петр Николаевич Врангель / В. Ж. Цветков // Вопросы истории. – 1997. – № 7.
11. **Деникин, А. И.** Очерки русской смуты / А. И. Деникин. – Париж, 1922 (М., 1991).
12. **Лукомский, А. С.** Воспоминания / А. С. Лукомский. – Берлин, 1922. – Т. 2.
13. **Деникин, А. И.** Кто спас советскую власть от гибели / А. И. Деникин. – Париж, 1937 (М., 1991).
14. **Деникин, А. И.** Очерки русской смуты / А. И. Деникин. – М., 1989.
15. **Гинс, Г. К.** Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент в русской истории / Г. К. Гинс. – Пекин, 1921. – Т. 1. – Ч. 1.
16. **Трукан, Г. А.** Антибольшевистские правительства России / Г. А. Трукан. – М., 2000.
17. **Иоффе, Г. З.** Колчаковщина и ее крах / Г. З. Иоффе. – М., 1986.
18. Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. – М., 1992. – Ч. 2.
19. **Карпенко, С. В.** Крах последнего белого диктатора / С. В. Карпенко. – М., 1990.
20. Основы Конституции Российского государства // Архив русской революции, изданный Г. В. Гессеном. – Берлин, 1922. – Т. I.

Токарева Диана Валерьевна
аспирант, Орловский государственный технический университет

E-mail: aprella@mail.ru

Tokareva Diana Valeryevna
Postgraduate student,
Orel State Technical University

УДК 94(470+571)
Токарева, Д. В.
Конституционно-правовые концепции государственных преобразований в программных документах Белого движения / Д. В. Токарева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 3–10.

УДК 930.22+003.072+81.272

Д. С. Бугаев

«САКАРТВЕЛО» В ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ РУБЕЖА XVIII И XIX вв. ОТНОСИТЕЛЬНО КАРТЛИ-КАХЕТИИ

Аннотация. Статья посвящена изучению развития в Картли-Кахетии на рубеже XVIII и XIX вв. общегрузинского самосознания, которое позиционировалось через принадлежность к Сакартвело. Утверждается, что власти Картли-Кахетинского царства и Российской империи на рубеже XVIII и XIX вв. во время своей юрисдикции прибегали к схожему использованию образа Сакартвело в деле социальной пропаганды.

Ключевые слова: Сакартвело, Грузия, Картли-Кахетинское царство, Ираклий II, мориге, перевод.

Abstracts. In this article the thing-making of the common Georgian self-comprehension through the attributing to the Saqatvelo is argued. The Author takes up position, that the government of the Kingdom of Kartli-Kakheti and the Administration of the Russian Empire used the image of the Saqartvelo Kingdom in their social propaganda the same way.

Keywords: Saqartvelo, Georgia, Kingdom of Kartli-Kakheti, Irakli II, morige, translation.

Введение

Одной из основных проблем в науке является проблема лингвистической номинации предметов исследования [1, с. 184–185]. В статье речь пойдет об истории функционирования термина «Грузия» и примыкающего к нему по смыслу грузинского понятия «Сакартвело» применительно к Картли-Кахетинскому царству (1762–1801), идейным вдохновителем, активным реформатором и наиболее значительным правителем которого был царь Ираклий II (1762–1792). В 1744–1762 гг. Ираклий II правил в царстве Кахети, а в 1762 г. унаследовал от своего отца царя Теймураза II (1744–1762) также царство Картли. В 1801 г. царство вошло в состав Российской империи.

Неточный перевод с грузинского языка на русский язык ключевых терминов, по мнению автора, значительно искажает смысл и затрудняет работу исследователя. Саморазоблачающие примеры искаженного перевода термина «Сакартвело» можно найти в книге Ю. С. Гаглойти «*Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах*». В книге приводятся транслитерация названия источников и их общепринятый, но некорректный перевод на русский язык, например: Мокцевай Картлисай – Обращение Грузии, Матиане Картлиса – Летопись Грузии и т.д. [2, с. 3, 4, 6, 9, 11].

1

Согласно словарю Фасмера, слово «Грузия» является в русском языке новообразованием и происходит от первоначального слова «грузин», «гурзи» [3, с. 464], идущим от арабоязычного наименования провинции «Гурджестан». Появление слова «грузин» датируется XII в., а слова «Грузия» – XVIII в.

В большом титуле российского императора Александра I (1801–1825) вхождение Грузии как этнографического ареала и других южнокавказских

территорий в состав Российской империи в начале XIX в. было отражено во фразе «Повелитель и Государь Иверския, Карталинския, Грузинския и Кабардинския земли и Армянския области». Ареал Грузии представлен здесь трехчастно: как Иверская, Карталинская и Грузинская земли. В составе Российской империи наименование «грузинский» в 1801–1840 гг. было представлено в названии Грузинской губернии, а после кампании по укрупнению губерний в 1840–1846 гг. – в наименовании Грузино-Имеретинской губернии, примерно охватывавшей территории исторического «Сакартвело».

В грузиноязычных источниках второй половины XVIII в. – первой половины XIX в. Картли-Кахетинское царство именовалась как «Картли», «Картли-Кахети» и «Сакартвело». Рассмотрим сферы употребления данных грузиноязычных обозначений. Словом «Картли» обозначали Картли-Кахетинское царство исходя из наименования лидирующей в политическом смысле культурно-исторической области, а обозначение «Картли-Кахети» отражало реальную политическую обстановку теснейшего союза и объединения двух царств.

Термин «Сакартвело» представлял собой в первую очередь обозначение легендарного государства XII–XIII вв. на Южном Кавказе, существование которого связано с именами таких выдающихся правителей, как Давит IV Строитель (1089–1125), Георгий III (1156–1184) и царица Тамар (1166–1209/1213). Термин «Сакартвело» в его связке с русским переводом «Грузия» в основном использовался в политическом, религиозном и этнографическом значениях. Рассмотрим каждый из данных пунктов более подробно.

Как государственно-политическая единица «Сакартвело» в XVIII в. на территории Южного Кавказа не существовала, однако имело место философское осмысление роли Картли-Кахетинского царства в качестве продолжателя традиций легендарного «Сакартвело». Данному вопросу посвящен, например, труд Омана Херхеулидзе *«Царствование Ираклия второго, сына Теймураза»* [4].

Другим значением слова «Сакартвело» является обозначение грузинской религиозной общности, что ставит его выше локальных обозначений «карты», «кахи», «иверы» и др. Так, в Уставе регулярных войск *мориге* 1773 г. [5] в пункте 16 о продовольственной повинности упоминаются «карты» и «кахи», а в пункте 9 говорится о том, что месячная воинская обязанность является «картвельской» обязанностью, т.е. всеобщей, а «картвелы» по отцу могут исполнять ее в добровольном порядке. В данном случае образ «Сакартвело» использовался для пропаганды службы в армии, поскольку тот, кто считал себя причастным к великому прошлому «Сакартвело», должен был исполнять воинскую обязанность.

«Сакартвело» использовалось также в этнографическом смысле, где общее пространство «Сакартвело» делилось на «западное» и «восточное», которые уже распадались на мелкие этнонимы. Так, свое видение этнографической карты Грузии дает Платон Иоселиани в труде «*Историческое и географическое описание Древней Грузии*» [6], где исследователь указывает следующие основные этнографические группы, населяющие территорию Грузии: грузины, месхи, имеры, армяне, армяне торгующие, магометане, католики, евреи, евреи-магометане, евреи торгующие. В предлагаемой исследователем этнографической картине современной ему Грузии за вычетом месхов как исповедующих ислам грузин остается оппозиция западных (имеры) и восточных (грузины) грузин.

Очередной всплеск пропагандистской роли образа «Сакартвело» начался с присоединения Картли-Кахетии к Российской империи в условиях деятельности российской Администрации. Одним из проявлений прихода новой власти в Картли-Кахетию явилось изменение устоявшегося за века зачина официальных документов с простого упоминания имени Христа и вариативного упоминания адресата/адресанта[1], на фразу «Милостью его императорского величества императора Всея Руси и прочая, и прочая, и прочая нашего Всея Сакартвело Правителя и Государя генерал-майора России и кавалера Гиоргия XIII сын Давит» [9].

Смена формуляра государственных документов послужила одним из поводов для волнений, которые имели место в 1801–1802 гг. в начале присоединения Картли-Кахетии к Российской империи. Указанное выше изменение формуляра вызывало внутреннюю правовую коллизию, которая решалась повторным заверением текста документа традиционной формулировкой [10]. Такую перемену можно рассматривать в качестве попытки возвращения в лоно устоявшейся письменной традиции заверения официальных документов.

В такой формуле официальных документов российская Администрация, во-первых, заявляла о своей власти над новыми территориями, во-вторых, позиционировала семью Багратиони как законных правителей всех стран бывшего «Сакартвело» и подчеркивала его роль светского главы грузинской церковной общины. Десятью годами позднее (в 1811 г.) автокефалия Грузинской православной церкви была упразднена в пользу Русской православной церкви, что по времени совпало с вхождением единоверного по Грузинской православной церкви Имеретинского царства и территорий Западной Грузии в состав Российской империи.

2

В числе инструментов развития общегрузинского самосознания в пределах его восточной ветви – в Картли-Кахетии – можно также назвать военную реформу *мориге* 1773 г., которая в отношении населения носила массовый и универсальный характер. Программным документом военной реформы является *Устав и список личного состава мориге (регулярных войск)* [11] (далее – *Устав*).

Документ представляет собой свиток из девяти составов, вверху первого состава виднеются следы обрыва документа. Печать Канцелярии картли-кахетинского двора, которая ставилась с обратной стороны документа и заверяла места скрепления листов документа, представлена в этом месте *Устава* лишь частично, что также свидетельствует о факте обрыва первого состава и, вследствие этого, о неполноте текста рассматриваемого документа. Содержание оставшегося текста документа состоит из трех частей: окончания расписания службы в *мориге* семей тавадов, преамбулы и двадцати шести пунктов.

Расписание дежурств начинается с обрыва на октябре и оканчивается мартом. В преамбуле содержится указание на епископов Картли-Кахетии как заинтересованную в реформе силу и ставится основная задача войска – оборона от набегов леков. В двадцати шести пунктах в общих чертах регламен-

[1] Например: «(О,) Х(ристос), о, моурав Паншави Вахтанг Цициашвили» [7]; «(О,) Х(ристос), милостью и волею государь и царь Ираклий второй» [8].

тируется деятельность формирований *мориге*. Первые три пункта из двадцати шести являются общедекларативными, поскольку в них говорится о всесословности воинской обязанности, обеспечении ополченцев провизией и о сроках службы, а остальные двадцать три носят уточняющий детали прохождения службы *мориге* характер.

Собрание рукописей царевича Иоанна (Грузинского) отдела рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ. Ф. 941) (далее – Собрание) является частью библиотеки царской семьи Багратиони, которая была продана в 1880 г. царевичем Иоанном Багратиони (1826–1880). Семейное собрание изначально содержало много печатных изданий произведений европейской мысли, которые по причине наличия в фонде Российской национальной библиотеки дуплетов должному учету с момента поступления не подвергались, поскольку не отвечали библиографическим ожиданиям восточной экзотики (как прямо говорится в описании поступления, в Собрании ожидалось найти образцы арабской каллиграфии) и в результате были распределены по общему фонду, обменены или проданы [12, с. 23–31].

В Собрании были также первоначально представлены работы философской тематики в рукописном формате исполнения. По описанию Собрания реконструируется наличие в библиотеке 9 рукописей философской тематики из числа переданных советской властью в рамках децентрализации научных исследований и развития региональных национальных научных центров Тбилиси в 1923 г. [13, с. 39, 155, 177, 216, 239, 240, 289, 310, 326, 360; 14] и до 19 рукописей находится сейчас в составе Собрания [15].

Точное определение числа произведений греческих авторов невозможно из-за нечеткой датировки и не всегда известных обстоятельств поступления документов в библиотеку царевича Иоанна. Значимым для нас в данном вопросе является отсутствие в Собрании работ по исламской философии как в рукописном, так и в литографическом формате и информированность картли-кахетинского двора о социальных преобразованиях в Российской империи [16].

Заявленная цель реформы *мориге* состояла в том, чтобы каждый способный держать оружие мужчина приобрел за свой счет, или за счет господина, и хранил при себе оружие и снаряжение. Раз в году в течение месяца он должен был проходить военную службу. На время службы осуществлялось различное в зависимости от происхождения человека материальное обеспечение.

По правовому положению в ополчении картли-кахетинское общество разделялось на три категории: тавадов, азнауров и крестьян. Правовые различия касались в основном трех вопросов: отправляющей на службу инстанции, соотношения обеспечения за государственный счет и за счет призываемого, оснований для предоставления отсрочек и отпусков.

Как видно из расписания дежурств представителей семей тавадов, предваряющего основной текст документа, была сделана попытка экстерриториальной организации системы власти. Так, принадлежавшие в мирное время одному таваду, азнауру крестьяне во время несения службы *мориге* должны были подчиняться не их владетелю, а другому лицу, что шло вразрез с народным менталитетом.

По идейной направленности проект создания войск *мориге* близок идеям Аристотеля о вооруженном народе, когда все допущенные к управлению государством граждане имеют право ношения оружия и защиты государственного строя своего общества [17, с. 424–425], за исключением того, что картли-кахетинские граждане подчинялись авторитетам князей, а не идеалам

государства. Экстерриториальность и универсализм обязанности сплачивал картли-кахетинское этническое единство населения, жившего под сугубо локальным руководством влиятельных родов в трех формах: тавадов-князей, эриставов-воевод и мамасахлисов-управляющих территориями царского домена. Перемены в форме управления территориями (например, переподчинение Ксани из эриставства в царский домен в 1773 г.) имели место, но не упраздняли принцип наследственного управления территорией влиятельным родом.

В Картли-Кахетии ситуация в обществе была такова, что до и после реформы *мориге* на первый план выходило происхождение человека, а военная служба не образовывала социального института в обществе и не влияла на продвижение гражданина по социальной лестнице. Не стоит, однако, умалять роль института *мориге* как объединявшего картли-кахетинское общество, создававшего общее коммуникационное и административное пространство вне привязки к локальным авторитетам в критическом вопросе жизни и смерти.

Заключение

Подводя итоги исследования, следует сказать, что для рассматриваемого периода второй половины XVIII в. – первой половины XIX в. некорректная передача обозначений государственно-политических образований западной части Южного Кавказа носила частый характер. Как видно из рассмотренных материалов, Картли-Кахетинское царство и Российская империя намеренно и схожим образом использовали образ «Сакартвело» в качестве объединяющей население Грузии идеи.

Список литературы

1. **Степанов, Ю. С.** Язык и Метод. К современной философии языка / Ю. С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 784 с.
2. **Гаглойти, Ю. С.** Алано-Георгика / Ю. С. Гаглойти. – Владикавказ : Ир, 2007. – 238 с.
3. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка. Т. I (А–Д) / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1964. – 576 с.
4. ИВР РАН. Е 66 (Е 81). Херхеулидзе О. Царствование Ираклия второго, сына царя Теймураза. Тбилиси, вт. пол. XVIII. (в тексте – Санкт-Петербург, 1838 – Д. Б.). (на груз. яз.).
5. РНБ. Ф. 941. Оп. II. № 6. Ерекле II. Устав и список личного состава мориге (регулярных войск). 01.01.1774. 1 свиток, 9 составов (на груз. яз.).
6. ИВР РАН. Н17 (G [15]). Платон Иоселиани. Историческое и географическое описание Древней Грузии. 1836–1838 (на груз. яз.).
7. РНБ. Ф. 941. Оп. 2. № 21. Георгий, царевич. Приказ Вахтангу Цицишвили, моураву, чтобы жители Кокоджали служили его невестке. 19 ноября 1792. 1 л. (на груз. яз.).
8. РНБ. Ф.941. Оп. 2. № 7. Ереклэ (Ираклий) II. Грамота населению Чуртисхеви об их освобождении от ксанского эристава Георгия и об их подчинении царю Ираклию. 1778. 1 л. (на груз. яз.).
9. РНБ. Ф. 941. Оп. 2. № 65. Давид, царевич. Дарственная грамота брату Иоанну на Большую Шулавери с жителями. 18 февраля 1801. 1 л. (на груз. яз.).
10. РНБ. Ф. 941. Оп. II. № 31. Георгий XII. Дарственная грамота сыну Иоанну на земли в нескольких уездах (деревни Ксани, Сапашети и др.). Приписка царевича Давита с подтверждением от февраля 1801 г., 17 ноября 1800 г. (на груз. яз.).
11. Собр. Цар. Иоанна. Оп. II. № 6. Ираклий II. Устав и список личного состава мориге (регулярных войск). 1774. (на груз. яз.).

12. Отчетъ Императорской Публичной библіотеки за 1880 годъ. – СПбъ : Издательство Императорской Публичной библіотеки, 1882. – 376 с.
13. Собр. Цар. Иоанна. Оп. I. № 366. Материалы по рукописям, переданным в 1923 г. в Тбилиси. XIX–XX.
14. РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 366. № 39. Категория Аристотеля. Полный перевод католикоса Антония I. 1767 г. Писано в 1782 г. 1802 – принадлежало царевичу Георгию; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 366. № 155. Марк Аврелий Гайоса. 1795 г. 92 л.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 366. № 177. Хронограф (пер. с греч.), выполнен по приказанию царя Арчила. 1794 г.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 366. № 216. Перевод Философии. 1762. Антоний католикос. 168 л.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 366. № 239. Основные правила метафизики. 8 л.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 366. № 240. Метафизика Антона католикоса. 1792 г. 304 л.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 366. № 289. Диалектика в вопросах в вопросах толкования армянского философа Давида; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 366. № 310. Пергамент, одна из книг философских Аристотеля, объясненная и истолкованная армянским философом Давидом. 1799 г.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 366. № 326. Философская книга седого старика Аристотеля. 131 л.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 366. № 360. Философия под именем Кодишири, древний перевод с греческого языка. 1761.
15. РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 34. Эзопес цховреба (Жизнь Эзопа). XIX. 85 л.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 38. Баумейстер. Логика. XIX. 93 л.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 41. Кондилиаки. Логика. 1805. 14 л.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 54. Сакратиса да Мелитас саубари (Беседа Сократа и Мелита). XIX. 18 л.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 121. Метафизика. 1781. 145 л.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 122. Этика. 1780. 138 л.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 124. Кавширта риторебитта (Риторика). 1803. I+88 л.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 128. Логика. 26 л.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 127. Сочинение по логике. 246 л.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 136. Философское сочинение. Фрагмент рукописной книги. XVIII. 9 л.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 137. Философское сочинение. Фрагмент рукописной книги. XVIII. 2 л.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 138. Философское сочинение. Фрагмент рукописной книги. XVIII. 2 л.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 158. Михитар Севастиели. Риторика. 1764. 168 л.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 172. Аристотель. Философия. 1788. I+102+I; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 175. Параклитон. XVIII. 236 л.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 183. Философия. Отрывок. XIX. 27 л.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 188. Философия (Отрывок о видах и родах). XIX. 27 л.
16. РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 46. Екатерина II. Азнаурта упиратесобис шесахеб (О преимуществах дворянства). 1785. 22 л.; РНБ. Ф. 941. Оп. I. № 166. Русетис са христиано титулис шесахеб (О христианских титулах в России). XIX. 29 л.
17. **Аристотель.** Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – М., 1983. – Т. 4. – 830 с.

Бугаев Денис Сергеевич
переводчик, магистр востоковедения, африканистики, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого («Кунсткамера»)

Bugaev Denis Sergeevich
Interpreter, master of oriental and African studies, Peter the Great museum of anthropology and ethnography (“Kunstcamera”)

E-mail: denisbugaev@yahoo.com

УДК 930.22 + 003.072 + 81.272

Бугаев, Д. С.

«Сакартвело» в официальных документах рубежа XVIII и XIX вв. относительно Картли-Кахетии / Д. С. Бугаев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 11–16.

УДК 94 (470+571)

О. Е. Шевнина

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ДВОРЯНСТВО: СТЕРЕОТИПЫ МЫШЛЕНИЯ И ОБРАЗ ДЕЙСТВИЙ (НА ПРИМЕРЕ ВЫСШЕГО СОСЛОВИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ КОНЦА 1850-х – 1870-х гг.)

Аннотация. В статье рассматривается облик провинциального дворянства Пензенской, Самарской и Симбирской губерний конца 1850-х – 1870 х гг., эволюция его экономического, правового, политического статуса, влияние данных характеристик на менталитет высшего сословия, пути его адаптации в рамках российской модернизации.

Ключевые слова: дворянство, модернизация, экономическое положение, правовой статус, корпоративная организация, менталитет, эволюция.

Abstract. There is a look to the provincial nobility of Penza, Samara and Simbirsk provinces of the end of 1850th – 1870th in the article, it includes its evolution of economic, legal, political statuses, influence of these descriptions on mentality of the nobility, ways of his adaptations within the framework of Russian modernization.

Keywords: nobility, modernization, economic position, legal status, corporate organization, mentality evolution.

Современные социально-гуманитарные исследования ориентированы на рассмотрение психики и личности человека в макро- и микровремени. Предметом исторической психологии является изучение психологического склада отдельных исторических эпох. При этом психология выступает как теоретический фундамент всех знаний о человеке и обществе, а история располагает эмпирическим материалом для анализа. Опыт подобного сотрудничества полезен для изучения эволюции социального мировоззрения в кризисные периоды и периоды масштабных модернизаций – их потенциальных способов воздействия и последствий влияния на общество. Таким образом, социокультурный анализ основан на признании психологического фактора как равноценного в исторической системе.

В основе данного исследования – психологический облик провинциального дворянства в контексте меняющейся конкретно-исторической ситуации конца 50-х – 70-х гг. XIX в. Первичный этап адаптации дворянства в новой пореформенной реальности определял весь спектр последующих изменений его социального статуса: механизмы эволюции менталитета, образ жизни, корпоративное сознание, гендерные отношения.

Применение методов двух смежных дисциплин осуществляется в ходе сравнительного анализа вертикальных (дореформенная и пореформенная эпоха) и горизонтальных (центр – регион – губерния) исторических связей.

Анализ соотношения новых и старых стереотипов мышления и поведения провинциального дворянства, его социального самочувствия в условиях реформирования деревни, степени готовности к организации собственного хозяйства существенно обогащает привлечение новых источников. К их числу относятся воспоминания, мемуары, записки дворян, частная и служебная переписка, представляющие собой богатейшее мемуарно-эпистолярное на-

следие. Разработка данного материала позволяет полнее представить положение дворянства на переходном этапе развития России, рассмотреть его отношение к реформам, царю и службе, определить социально-психологический облик русского помещика, выяснить, какое влияние оказали западные идеи на изменение представлений и взглядов русской деревни.

Рассмотрим данную проблематику на примере трех губерний Среднего Поволжья – Самарской, Симбирской и Пензенской.

К наиболее «дворянским территориям империи» принадлежали Симбирская и Пензенская губернии. Здесь дворянство и в пореформенный период сохранило прочные позиции, имело сильную корпоративную организацию, оказывало влияние на внутриполитический курс России [1, с. 158; 2, с. 16].

Особняком стояла Самарская губерния, которая в силу незавершенности процесса колонизации и общей малочисленности дворянского сословия «не могла назваться вполне дворянскою». Поэтому местное дворянство не имело там сильного влияния [3; 4, с. 552].

Общими для дворянства данных губерний стали проблемы, которые поставил XIX век – проблемы психологической адаптации в условиях проведения Великих реформ.

Главным событием, к которому в своих воспоминаниях возвращалось большинство дворян, являлась отмена крепостного права. Поэтому важно рассмотреть настроения в дворянской среде накануне преобразований, изучить, насколько осознавалась необходимость самой реформы и какие проблемы волновали помещиков в связи с изменениями.

В пореформенный период провинциальное дворянство пребывало в тревожном состоянии духа. Наиболее последовательно смена настроений отражена в мемуарах П. П. Семенова-Тян-Шанского. По его наблюдениям, в провинции дворянство было в это время сильно возбуждено, «и большинство его не только не сочувствовало вопросу об освобождении крестьян, но даже прямо относилось враждебно» [5, с. 3].

В Самарской губернии в 1858 г. после рескрипта об организации комиссий по подготовке реформы в «Самарских губернских ведомостях» появился циркуляр губернатора «О случаях, когда дворяне-помещики пожелают принять участие в собраниях дворян как для обсуждения об устройстве быта помещичьих крестьян, так и для выбора членов в комитеты» [6, с. 134].

Эти документы заставили местное дворянство загудеть как пчелиный улей. За несколько дней до открытия дворянского собрания начались частные вечера и обеды, которые проходили с прениями о предстоящих выборах, о предстоящей перемене отношений между помещиками и крестьянами. Далее последовало открытие дворянского собрания.

Поволжское дворянство изъявило готовность «…исполнить волю Государя относительно устройства и улучшения быта помещичьих крестьян». Таким образом, «мысль о выражении перед государем желания освободить крестьян от крепостной зависимости высказали все и никто. Все – как подданные самодержца и никто – по убеждению» [7, с. 103, 105–106].

Симбирское дворянство в основном выступало против реформ. Здесь «Комитет по устройству и улучшению быта помещичьих крестьян», состоящих из 19 самых крупных помещиков, получил название «Комитет по улучшению быта помещиков» [1, с. 159].

В мемуарах дается подробное описание опасений дворян. Из заметок И. В. Пушечникова узнаем, что «…дворяне, проживающие в своих имениях, трепещут от страха сделаться жертвами буйства крестьян»; другие помещики боялись, «чтобы у них всей земли не отобрали»; третьим «уничтожение крепостного права казалось шагом к республике, само имя которой внушало ужас» [8, с. 585; 9, с. 36; 10, с. 78].

Важные дополнения к воссозданию общей картины вносят письма, которые передают мысли и чувства автора непосредственно в момент написания. Многие письма свидетельствуют о том, что реформа явилась полной неожиданностью. Н. А. Милютин из Петербурга сообщал графу Киселеву: «Здесь все мысли, все заботы поглощены великим вопросом, который так неожиданно возбужден в России» [11, с. 271].

Носившиеся в народе слухи о «черном переделе», о «золотой грамоте», о «сокрытии настоящей воли» захватили и помещиков. «Сделайте милость, – писал Ю. Ф. Самарин из Самары Н. А. Милютину, – внушите Вашему министру, чтобы он хоть конфиденциально сообщил нашему губернскому предводителю дворянства копию с речи, произнесенной Государем в Москве. Они считают ее возможною, верят всяким вздорным слухам и не хотят убедиться в твердом намерении правительства» [11, с. 270]. Таким образом, незнание, подпитанное слухами, порождало лишние опасения, внося «сумятицу и напряженность в умы» [12, с. 46].

Один из современников заметил, что помещики как бы даже радовались слухам о надвигающемся взрыве народного возмущения. «По-видимому, на этот взрыв возлагались немалые надежды в радужном для помещиков смысле регрессивного движения в деле совершившейся воочию реформы». Один из помещиков Чембарского уезда Пензенской губернии сделал замечательное по наивности суждение относительно освобождения крестьян: «Эмансипация эта только на время дана мужикам в наказание русскому дворянству за то, что оно во время крымской войны мало делало пожертвований» [13, с. 321; 14, с. 306].

С реформой 1861 г. раздались голоса о близящейся гибели сословия из-за мобилизации земли. Правительство и просвещенная публика запугивались перспективой исчезновения опоры российской государственности. Первые два пореформенных десятилетия для дворян были особенно тяжелыми. «Объявление Положений 19 февраля, одинаково близко коснувшихся материального и нравственного быта всех помещиков вообще, произвело на них впечатление чрезвычайно разнообразное, и в своих поисках за лучшее устройство будущего они разошлись по разным дорогам», но «…вскоре очень многие стали убеждаться, что жить все-таки можно, если примириться с тем, что отныне мужиков нельзя наказывать… и все может уладиться, если завести новое «рациональное хозяйство» [15, с. 29].

Существенной особенностью психологии поместного дворянства в пореформенный период продолжало оставаться сознание своей сословной исключительности. «Настоящее состояние помещичьего хозяйства есть переходное и сопряжено с довольно ощутительной потерей в доходах от имений. В таком положении… помещик должен был изыскивать временные средства для установления такой системы хозяйства, которая по возможности уравновесила бы прежние доходы или, по крайней мере, сделала бы ущерб в доходах менее ощутительным», – писал в 1868 г. автор военно-статистического

обследования Симбирской губернии [16, с. 521]. В сознании многих помещиков в первые десятилетия после реформы повышение доходности усадебного хозяйства связывалось с ростом его производительности через сохранение дохода от эксплуатации крестьян, причем умение получить как можно больший доход таким образом считалось среди помещиков основой «искусства» хозяйствования.

Многие дворяне ждали, когда у них появятся «выкупные деньги» с крестьян. Но эти денежные средства были использованы ими крайне непроизводительно. Помещики сами признавали: «Лишь малейшие крохи этой массы денег коснулись земли, большая же часть была обращена на псевдокоммерческие предприятия, сулившие большие барыши, и на поддержку завещанного предками образа жизни». «Выкупные… были приняты многими как временное пособие, которое тотчас же было пропито... проиграно в карты… или проедено за границей», а впоследствии они продолжали жить за счет Общества поземельного кредита, которое «все более и более затягивало их в кабалу» [17, с. 16; 18, с. 782].

На многих висели путы дореформенных долгов. В дворянской среде существовало представление о том, что в самом долге нет ничего предосудительного. Слово «долг» связывалось не с бедностью, а, как ни парадоксально, с богатством помещика. Продажа по долгам, перезалог были уделом отнюдь не беднейших. Мелкие и средние провинциальные хозяева усадеб входили в долги и прибегали к разорительным финансовым операциям реже, чем богатые помещики, привыкшие «швырять деньгами». Последнее вошло в «плоть и кровь» так называемых «истинных дворян», привыкших тратить не по средствам [19, с. 219, 491].

Традиционное желание провинциальных помещиков жить в атмосфере, далекой от забот о материальном состоянии, в первые десятилетия после реформы было довольно распространенным явлением. Как и ранее, на последние средства приглашались гости, время «убивалось» в прогулках, на охоте и в других барских забавах.

Подобными действиями отличались многие симбирские дворяне. Некоторые из них после пожара в 1864 г. в Симбирске поселились в Казани и «…продолжали там ту же роскошную и веселую жизнь, которую вели в Симбирске, чем вызвали в Казани немалое оживление. Казанские дворяне, считавшие себя почему-то выше симбирских, не желали отставать, – и вот явилась… любопытная «бальная конкуренция». Более всего соперничали туалетами и обстановкою. Конкуренция эта, как и следовало ожидать, окончилась полнейшим оскудением и тех, и других… в течение трех зимних сезонов (1864–1867), наступила реакция: как симбирские, так и казанские помещики поспешили уменьшить расходы…» [20, с. 17, 18].

Такая праздная жизнь, не подкрепленная экономической деятельностью самого хозяина, сурово наказывала. Первопричину своих бед многие дворяне видели в реформе 1861 г., которая вынудила их «бросить свои земли, бежать от них, сдав в аренду или вовсе продав в чужие руки» [21, с. 238, 239]. Дворяне были сильно обеспокоены начавшимся обезземеливанием, оскудение представлялось многим безостановочным процессом. Эти опасения были справедливы лишь отчасти, поскольку «дворянство, хотя и являлось главным продавцом на русском земельном рынке... оно же являлось и главным покупщиком на том же рынке» [22]. Таким образом, в жалобах дворян того времени

очень много преувеличений; мобилизационный процесс в первые пореформенные годы в основном шел внутри сословия.

Художественная литература с беспощадной правдой описывала бездеятельность помещиков, не вписавшихся в новую российскую действительность пореформенной эпохи и потому давших себя охватить «душевной пустоте». Они считали идеальным периодом русской истории «конец царствования императора Николая I», когда «…дворянство представляло собой резко очерченное земледельческое сословие». Прогнозы на будущее, когда «…обезземелевшее дворянство будет рассеяно по земле русской», были неутешительны [23, с. 56].

В пореформенный период возникали различные планы «спасения» дворянского сословия, которые подчас сводились к «маниловским» мечтаниям изъять часть дворянского землевладения из сферы рыночных отношений. Иногда доходило до курьезов. Так, в журнале «Дневник провинциала в Петербурге» был опубликован проект отставного корнета П. Толстолобова: «На каждых пяти верстах поставить особого дистанционного начальника из знающих обстоятельства местных землевладельцев… Дистанционному начальнику поставить в обязанность быть праздным, дабы он, ничем не стесняясь, всегда был готов принимать нужные меры» [23, с. 60, 61].

Многих помещиков новая эпоха заставила взглянуть на имение глазами рационального хозяина. Но не все из них, даже имея желание, знали, с чего начать.

Многие лишились имений не по лени, а из-за неспособности ориентироваться в новой обстановке, из-за отсутствия практических и научных знаний. Нередко проведение сельскохозяйственных экспериментов по «рациональным рецептам» вело к разорению. «При неимении запасных капиталов часто один неурожайный год или пожар в имении до того расстраивали дела помещика, что не было другой возможности извернуться, как заложить имение…». Новое время породило «новый тип людей», для которых наряду с «большой деловой энергией» была характерна доверчивость, шедшая от общей неподготовленности (особенно это касается военных) [24, с. 515].

Если ранее большинство помещиков считали, что панацеей от всех бед является «хороший управляющий», то вскоре мнение об этом стало круто меняться. Многие дворяне говорили об управляющих как о «весьма пестрой толпе людей всех возможных сословий и степени образованности», которые «не заслуживали ни уважения, ни значения» и дали немало примеров «невежества и безнравственности». Вольные управляющие немилосердно крали, поэтому в сознании помещиков укоренялась мысль самостоятельно вести хозяйство [18, с. 790; 25, с. 40].

Некоторые дворяне, жившие до этого в столице и приезжавшие в имение лишь на лето, по разным причинам вынуждены были теперь жить в деревне и непосредственно заниматься своим хозяйством. «Я теперь постоянно с 1864 года нахожусь в имении своем Пензенской губернии Саранского уезда… и вдался в агрономию», – писал Дмитрий Дурново В. И. Чарыкову в 1866 г. Причиной вынужденного проживания в поместье часто служило «запутанное состояние имений» [26].

Представители высшего сословия вынуждены были учиться экономить. Самарский помещик Д. А. Путилов на страницах своих мемуаров по этому

поводу рассуждал так: «Хотя бы весьма любопытно было посмотреть на небывалый фейерверк, на обед в 300 тысяч гостей и на бал и освещение в такое же количество огней, но, во-первых, все это было бы слишком дорого, а, во-вторых, воображение может нарисовать картины не менее великолепные… Каждогодно шестимесячная зима наша в деревне мне крепко наскучила, а ездить в зимнее время в город: Москву или Самару… те же морозы, только страшный расход, дефицит каждодневный, а время и жизнь без жизни бегут!» [27]. Таким образом, как точно подметил Н. Ф. Дубровин, «многие из них [помещиков – О. Ш.] ни за какие блага в мире не решились покинуть хотя бы на время своих имений, где жилось так сытно и тепло, что они не любопытствовали знать, что делается вокруг…» [28, с. 30–31].

В пореформенный период изменилось отношение дворян к службе. Если в начале XIX в. провинциальное дворянство вожделело обрести статус московского дворянина, то к середине века оно предпочитало заниматься внутренними корпоративными делами. М. Н. Покровский писал: «Да, дворянина не интересовал состав Сената и его права, но не всегда он был равнодушен к тому, кто будет назначен губернатором в его губернию или кого выберут предводителем» [29, с. 59]. Губернатор часто был единственной нитью, связующей правительство, столичное дворянство с провинциальным. По отношению к императору сохранялись патриархальные отношения. В пореформенный период в многочисленных адресах и петициях дворянство Поволжья многократно выражало верноподданнические чувства, подчеркивая свою преданность самодержцу [30–32].

Изменяется отношение к военной службе – постепенно для дворян она теряет былую привлекательность в силу появившихся новых источников получения дохода. Таким образом, «статский чиновник начал в определенной мере претендовать на общественное уважение рядом с офицером» [33, с. 25].

Продав большую часть земли, дворяне стремились поступить на государственную службу, тем более что созданные в результате реформ новые земские и другие учреждения нуждались в грамотных людях. Государственная служба обеспечивала дворян минимальными средствами для жизни, а иной раз давала возможность улучшить свое положение. В непривычной обстановке города они зачастую тяготились новым социальным положением чиновника, мечтали о возвращении в родное гнездо. Разница в материальной обстановке, а главное – сословные предрассудки проводили резкую границу между дворянами-землевладельцами и чиновниками-непомещиками и делали из этих людей, имеющих одинаковый уровень образования и пользовавшихся одинаковыми привилегиями, «две враждебные корпорации» [24, с. 259].

Если была возможность, провинциальное дворянство предпочитало заниматься своими личными вопросами, а не службой. «А по-настоящему хорошо было бы, если бы ты, друг мой Валерий, бросив бесполезную, ничего доброго русскому дворянину не представляющую службу, уехал ко мне в деревню и жил, утешаясь воспоминаниями», – писал Д. А. Путилов своему зятю В. И. Чарыкову в Москву [34].

Крестьянская реформа усилила стремление помещиков к консолидации, созданию сельскохозяйственных ассоциаций, например, Петербургского собрания сельских хозяев, именовавшегося первоначально Сельскохозяйственным клубом. Свидетельством того, что помещики действительно задумы-

вались над переустройством своего хозяйства, служат их письма в редакции сельскохозяйственных журналов, в которых они не только высказывали местные нужды, но и делились практическим опытом применения вольнонаемного труда и новых машин.

Иной характер приобрел интерес дворян к аграрной революции на Западе: они размышляли об аграрном строе Европы и Америки, пытались приложить западный опыт к российской ситуации, всерьез говорили о возможности ведения нового хозяйства по типу фермерского. От вопросов технологии сельского хозяйства они переходили к открытому обсуждению социально-экономических и, наконец, философских проблем хозяйства [13, с. 321].

В зеркалах внутренних интерьеров усадебный мир отражался иначе, чем он представлялся по закладным, копиям счетов и т.д. Дворянские усадьбы и в пореформенный период представляли центры образования и культуры провинции. Даже при продаже земли помещики предпочитали сохранять усадьбы за собой – здесь находились могилы предков, символизируя приобщение к роду. При полном разорении и прощании с домом прежде всего забирались портреты родственников – они хранились как драгоценные реликвии.

Во многих усадьбах были библиотеки. В них имелись подборки «толстых» журналов – «Собрание романов», «Русский вестник», «Отечественные записки», «Модный магазин», которые владельцы получали по почте. Предпочтение отдавалось литературе духовного содержания, книгам по различным отраслям наук, а также журналам мод. Подписная цена на издания была высокой: газета стоила пять рублей экземпляр, журнал – семь. Из газет выписывали «Московские ведомости», «Русский вестник», «Сын отечества», «Воскресный досуг» [35, с. 218, 341; 36, с. 218]. О местных событиях, происшедших в губерниях, указах и постановлениях администрации дворяне узнавали из изданий местных «Губернских ведомостей».

Таким образом, глобальные перемены, происходящие в стране, подвергли серьезной перестройке человеческое сознание. Во второй половине XIX в. под прямым воздействием государства посредством проведения реформ 1860–1870 гг. происходит смена стереотипов мышления и поведения у дворян. Высшее сословие в пореформенный период находилось в переходном состоянии, что отразилось на его сознании, для которого была характерна апелляция как к старым ценностям, так и к новым веяниям времени. Дворяне не могли сразу расстаться с традиционными устоями жизни, которые формировались в течение столетий. Приспособление к новой экономической реальности зависело не только от удачной конъюнктуры рынка, но и от гибкости, умения лавировать и, в конечном счете, от желания дворян. Данный процесс был значительно усложнен, многообразен вследствие социальной дифференциации внутри самого Высшего сословия. Различные социальные группы дворян в новых условиях ставили разные цели, строили разные прогнозы на будущее и обладали разной степенью психологической готовности к изменениям, проводимым «сверху».

Провинциальные помещики, как наиболее консервативная часть дворянского сословия, болезненно переживали все потрясения в ходе и после реформ. Традиционализм провинциального дворянства, с одной стороны, препятствовал легкой адаптации к новым условиям, а с другой – таким образом сохранялись нравственные нормы, устои, система ценностей, которые веками определяли не только лицо дворянства, но и облик нации.

Список литературы

1. Ульяновская-Симбирская энциклопедия : в 2 т. – Ульяновск, 2000. – Т. 1.
2. **Пазухин, А. Д.** Современное состояние России и сословный вопрос / А. Д. Пазухин. – М., 1886.
3. Государственный архив Самарской области (далее – ГАСО). Ф. 3. Оп. 74. Л. 10.
4. **Алабин, П. В.** Двадцатипятилетие Самары как губернского города. (Историко-статистический очерк) / П. В. Алабин. – Самара, 1877.
5. **Семенов-Тян-Шанский, П. П.** Начало освобождения крестьян от крепостной зависимости / П. П. Семенов-Тян-Шанский // Вестник Европы. – 1911. – № 2.
6. Самарские губернские ведомости. – 1858. – № 6.
7. **Селиверстова, Н. М.** Провинциальное дворянство и эпоха Великих реформ. (На примере Самарской губернии) / Н. М. Селиверстова // Краеведческие записки. – 1995. – Вып. XII.
8. **Пушечников, И. В.** Заметки старожила Елецкого уезда / И. В. Пушечников // Российский архив. – 1905. – № 4.
9. **Демерт.** Новая Воля / Демерт // Отечественные записки. – 1869. – № 9.
10. **Кареев, Н. И.** Прожитое и пережитое / Н. И. Кареев. – Л., 1990.
11. Из записок Н. А. Милютиной // Русская старина. – 1899. – № 2.
12. Дневник А. В. Никитенко // Русская старина. – 1891. – № 1.
13. **Савельев, П. И.** Пути аграрного капитализма в России. XIX век. (По материалам Поволжья) / П. И. Савельев. – Самара, 1994.
14. **Якунин, И.** Два эпизода: из эпохи освобождения крестьян / И. Якунин // Древняя и новая Россия. – 1877. – № 3.
15. **Терпигорев, С. Н.** Оскудение. Очерки помещичьего разорения / С. Н. Терпигорев. – СПб., 1881.
16. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. – СПб., 1868. – Т. 20: Симбирская губерния. – Ч. 2.
17. **Савельев, П. И.** Поместное дворянство Самарской губернии накануне первой русской революции 1905–1907 гг. / П. И. Савельев // Крестьянское движение в трех русских революциях. – Куйбышев, 1982.
18. **Ватаци, М.** Быль минувшего / М. Ватаци // Исторический вестник. – 1913. – № 6.
19. **Лотман, Ю. М.** Пушкин / Ю. М. Лотман. – СПб., 1995.
20. **Юшков, Н. Ф.** Путевые очерки и картины / Н. Ф. Юшков. – Пенза, 1878.
21. **Мартынов, П.** Город Симбирск за 250 лет его существования / П. Мартынов. – Симбирск, 1898.
22. ГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 1070. Л. 43.
23. Письма из провинции. Банкротство хозяев. (Письмо из Симбирской губернии) // Образование. – 1905. – № 1.
24. **Липинский, А.** Материалы для географии и статистики в России. Симбирская губерния / А. Липинский. – СПб., 1868. – Ч. 1.
25. **Вацати, М.** Быль минувшего / М. Вацати // Исторический вестник. – 1913. – № 7.
26. ГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 30. Л. 204.
27. ГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 27. Л. 57, 64–66.
28. **Дубровин, Н. Ф.** Записки Н. Ф. Дубровина / Н. Ф. Дубровин // Русская старина. – 1899. – № 1.
29. **Дементьева, Е. Ю.** Менталитет провинциального дворянства Самарского края в первой половине XIX в. / Е. Ю. Дементьева // Всероссийские Платоновские чтения. – Самара, 1998.
30. Государственный архив Пензенской области. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1659. Л. 1–2; Д. 1895. Л. 13; Д. 1952. Л. 40–41; Д. 2018. Л. 4–6.
31. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 447. Оп. 3. Д. 54. Л. 1А; Ф. 76. Оп. 6. Д. 11. Л. 59.

32. ГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 696. Л. 30; Д. 698. Л. 17–20; Д. 708. Л. 10–12.
33. **Лотман, Ю. М.** Беседы о русской культуре / Ю. М. Лотман. – СПб., 1994.
34. ГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 27. Л. 96–98.
35. Памятная книжка Симбирской губернии за 1868 г. – Симбирск, 1868.
36. Памятная книжка Самарской губернии за 1872 г. – Самара, 1872.

Шевнина Ольга Евгеньевна
кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории Отечества, государства и права, Пензенский государственный университет

Shevnina Olga Evgenyevna
Candidate of historical sciences, associate professor, sub-department of history of fatherland, state and law, Penza State University

E-mail: shevninaolga@mail.ru

УДК 94 (470+571)
Шевнина, О. Е.
Провинциальное дворянство: стереотипы мышления и образ действий (на примере высшего сословия Среднего Поволжья конца 1850-х – 1870-х гг.) / О. Е. Шевнина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 17–25.

УДК 93/94; 902; 39(4/9)

Е. А. Тетерина, А. Е. Ульянов

К ВОПРОСУ О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.[1]

Аннотация. В данной статье дается краткий обзор продовольственной ситуации в Среднем Поволжье после отмены крепостного права 1861 г. Представлен материал о воздействии Первой мировой войны на сельское хозяйство Среднего Поволжья, а также информация об обеспеченности продовольственными продуктами жителей города и деревни. Рассмотрена деятельность губернской администрации по преодолению продовольственных трудностей. Выявлена роль городского и земского самоуправления в решении продовольственного вопроса.

Ключевые слова: продовольствие, сельские магазины, зерно, хлебные запасы, продукты, сельское хозяйство, деревня, крестьянство.

Abstract. This article gives a brief review of the food situation in the Middle Volga region after the abolition of the serfdom in 1861. It presents the material about the effect of the World War I on the Middle Volga region agriculture. It also contains information about the town and village population provision with food products. The article considers the activity of province administration to overcome food difficulties. The role of municipal and land self-administration in dealing with the food question is also revealed in the article.

Keywords: food, village shops, grain, grain supply, products, agriculture, village, peasantry.

Обеспечение населения продовольственными средствами составляет одну из важнейших отраслей государственного управления России.

Освобождение крестьян после реформы 1861 г. и последовавшее затем преобразование местного хозяйственно-распорядительного управления вызвали новые изменения в организации продовольственной части.

В связи с отменой крепостного права с помещиков были сложены все обязанности по обеспечению продовольствием крестьян; устройство и поддержание сельских запасных магазинов было отнесено к числу обязательных мирских повинностей; назначение ссуд из них предоставлено сельским сходам, а надзор за целостностью общественного хлеба и правильным распоряжением им возложен на сельского старосту; существовавшие в некоторых местностях волостные магазины были переданы в ведение волостных сходов.

Конец XIX в. (60–90-е гг.) – это время становления при непосредственном участии государства и земств целого комплекса мер, призванных оказать населению помощь в их борьбе со стихийными бедствиями и негативными антропогенными явлениями (что непосредственно выразилось в создании доступной медицинской помощи, ветеринарной защиты, проведении противопожарных мероприятий, страховании), помощь в решении продовольственного вопроса и т.д.

В конце ноября 1862 г. были установлены правила выдачи ссуд крестьянам из сельских магазинов, на основании которых хлеб отпускался действи-

[1] Статья опубликована при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-4029.2009.6 от 24 сентября 2009 г.

тельно нуждающимся людям. На посев выделялось зерно – в количестве не более необходимого на засев обрабатываемой ими земли, на продовольствие – по мере действительной необходимости, ни в каком случае не допускалось разделение хлебных запасов поголовно между всеми крестьянами.

Наблюдение за точным исполнением правил было возложено на волостные правления. Надзор за магазинами временно ложился на уездных предводителей. В отношении хлебных запасов роль земских учреждений первоначально была ограничена надзором за ненарушением установленных правил сельскими сходами, от которых зависели все непосредственные распоряжения по взносу, хранению и расходованию общественных запасов. Впоследствии, по высочайшему повелению от 7 декабря 1867 г., выдача ссуд была поставлена в зависимость от разрешения земских управ: уездных – в размере половины запасов и губернских – в большем количестве.

Новый закон от 21 мая 1874 г. изменил порядок заведования сельскими запасными магазинами. На уездные земские управы возложена обязанность производить на местах, через своих членов, ревизии магазинов для выяснения, имеется ли в них надлежащее количество хлеба, хорошего ли он качества, а также вполне ли правильно и согласно с данным разрешением производились ссуды и своевременно ли они возвращаются.

Общий по империи продовольственный капитал по правилам от 6 марта 1867 г. стал относиться к специальным средствам Министерства внутренних дел. Для пополнения губернии продовольствием выдавались ссуды на сроки от двух до трех лет, которые назначались министерством по представлению губернаторов, основанному на постановлениях губернских земских управ или продовольственных комиссий в размере не свыше 50 тыс. руб. на одну губернию. На отпуск большей суммы испрашивалось высочайшее разрешение через комитет министров. Выдачей ссуд нуждающимся и возвратом их к назначенному сроку распоряжались губернские управы, а где они отсутствовали – комиссии народного продовольствия или губернаторы. По ссудам, не уплаченным в срок, с недоимщиков взималось по 0,25 % в месяц.

Практика земских учреждений обнаружила недостатки действующей системы и вызвала ряд ходатайств об ее изменении. Наконец, неурожай 1891 г. убедил правительство в настоятельной необходимости коренного пересмотра продовольственного устава. С этой целью были образованы особые совещания в губерниях, пострадавших от неурожая, под председательством губернаторов, которые, однако, не представили проектов коренного преобразования системы и ограничились указаниями на необходимость частных изменений.

В соответствии с новым Положением о земских учреждениях от 12 июня 1890 г. губернским земским собраниям было предоставлено право издавать обязательные постановления касательно хранения и расходования хлебных общественных запасов. В их ведении находились устройство и содержание хлебных магазинов, порядок закупки в магазины хлеба, отчетность.

Все эти меры не привели к существенному улучшению в деле устройства хлебных запасов.

По высочайшему повелению от 18 февраля 1893 г. была образована особая комиссия для пересмотра устава о народном продовольствии под председательством товарища министра внутренних дел В. К. Плеве. Выработанный хозяйственным департаментом на основании суждений комиссии проект устава об обеспечении народного продовольствия не имел дальнейших последствий.

Пензенская губерния также пережила и небольшие недороды в отдельных уездах, и голод всероссийского масштаба. Ее жители сталкивались с разнообразными по происхождению причинами неурожаев: засухой, морозами, насекомыми-вредителями, градобитиями.

Голод в то время был заурядным явлением. Сильный голод, к примеру, был в Пензенской губернии в 1869–1870 гг., когда крестьяне пострадали от «неурожая хлебов, градобития, падежа скота и пожаров» [1]. Эти бедствия, как писал Пензенский губернский предводитель дворянства Чембарскому Голове, «поставили значительную часть крестьянского населения этой губернии в крайне стеснительное положение: во многих местностях оскудевшие в средствах крестьяне не имеют достаточной пищи и употребляют лишь хлеб с большой примесью лебеды. Так что без скорой помощи не могут избежать угрожающей им самой горькой нужды и неминуемых болезней» [2].

Наиболее тяжелая ситуация в Пензенской губернии с продовольствием складывалась в 1882–1883 и в 1891–1892 гг. В эти годы неурожай становился следствием сразу нескольких природных явлений, а также естественным результатом непродуманной торговой политики на внешних рынках с ее принципом «недоедим, но вывезем», расширения посевов пшеницы в качестве товарной и экспортной культуры за счет площадей для пастбищ [3].

Во время кризиса и неурожая Пензенским губернским земством и губернатором предпринимались экстренные меры такого рода: ходатайство в Министерство внутренних дел об отпуске на продовольствие населению и обсеменение полей сумм в несколько миллионов рублей, закупка хлеба из остзейских, южных губерний, на Кавказе, долго перевозившегося по железнодорожным путям, открытие общественных работ, занимаясь которыми пострадавшее крестьянство получало дополнительный заработок. Кроме экстренных мер, население могло ожидать и другую помощь: выдачу ссуд из продовольственных капиталов, зерна из хлебозапасных магазинов, поддержку благотворителей.

Осложняло ситуацию в период голода такое природное явление, как градобитие. В отличие от других чрезвычайных ситуаций, оно имело свои особенности, поэтому к нему требовался иной подход, что и затрудняло в целом выработку властями какой-либо определенной тактики преодоления последствий этой природной аномалии.

Так, к примеру, в 1897 г. в Краснослободском уезде град уничтожил 863 дес. посева, принеся убытков на сумму 12 365 руб. [4]. В таких случаях состояние хлебов было совсем «худым», и населению грозил голод.

Население губернии, чьи посевы оказывались уничтоженными, неоднократно проявляло озабоченность проблемой градобития и ратовало за установление страхования. Однако данная мера так и осталась нереализованной ввиду ее большой денежной обременительности.

Воздействие Первой мировой войны на сельское хозяйство Среднего Поволжья оказалось сложным и многогранным. Происходило падение не только величины площади посевов, но и товарности зерна, т.е. уменьшалось его количество, шедшее на продажу. За годы войны в Самарской губернии было собрано: в 1914 г. – 151 млн пудов продовольственных хлебов; в 1915 г. – 227 млн пудов (этот год оказался самым урожайным); в 1916 г. – 110 млн пудов, а в 1917 г. – лишь 40 млн. Аналогичную ситуацию можно было наблюдать в Симбирской и Пензенской губерниях [5].

Ситуация с получением других важных продуктов сельского хозяйства – мяса, молока, сала, шерсти, кожи – также ухудшилась. Одной из главных причин подобного положения были реквизиции значительного количества лошадей и крупного рогатого скота из деревни. В 1917 г. на состоянии земледелия сильно повлиял климатический фактор. Самарскую губернию постиг настоящий неурожай. По данным Губернской продовольственной комиссии, 2/3 посевных площадей (66,4 %) (рожь, пшеница, овес и ячмень) не уродились: сбор едва оправдал семена.

В Симбирской губернии урожай оказался значительно меньше, чем рассчитывали местные жители: для ржи сборы в 31 млн оказались на 5 млн пудов меньше прогноза. В Пензенской губернии из засеянных в 1916 г. 72 811 дес. озимых погибло 37 268 дес., а в 1917 г. из засеянных 72 793 дес. яровых (из 78 840 дес. возможных) неудовлетворительными было признано 38 628 дес. и погибшими 8 931 дес. [5].

Вследствие изменения главных районов потребления поволжского хлеба изменились и основные грузопотоки: большая часть грузов шла теперь в западные районы, в сосредоточенные вдоль линии фронта базисные и армейские магазины. Из-за слабого развития железнодорожной сети продовольствие задерживалось в местах производства, не успевая доходить вовремя до потребляющих областей. На станциях образовывались залежи неотправленных грузов.

С началом войны очень скоро оказалось под запретом пивоваренное и винокуренное дело в связи с введением на всей территории России сухого закона. Сахарорафинадное дело испытывало все годы войны острый кризис, так как и сырье, и топливо поступали на эти заводы с большими перебоями. Лишь усилия местных властей позволяли им работать.

Только мукомольное дело смогло пережить кризис, так как армии понадобился постоянный источник муки. Однако и его коснулись трудности военного времени – перебои в получении топлива, недостаток рабочих рук. Пострадали мелкие пищевые предприятия в городах: конфетные фабрики, кондитерские, заводы искусственных минеральных вод. Недостаток и дороговизна сырья для производства вынуждали владельцев поднимать цены.

Миграционные процессы, происходившие на территории региона, были разнородными. Первая волна эвакуированных накрыла Самарскую, Пензенскую и Симбирскую губернии уже в конце лета 1915 г., сразу поставив новую трудную задачу по снабжению их продовольствием, расселению, налаживанию быта. Так, через Пензу проследовало свыше 700 тыс. беженцев, из них было накормлено на питательных пунктах около 500 тыс. человек [5].

В 1917 г. губернии Среднего Поволжья стали объектом наплыва «мешочников» из потребляющих районов, численность этих людей точно установить не удается (мешочники – люди, отправившиеся в производящие губернии за пропитанием для себя, своей семьи, по поручению городского домового общества или сельской общины). Власти заявляли о «десятках тысяч ходоков». Из Самары в отдельные периоды они умудрялись отправлять по 15–20 тыс. пудов зерна. Существенную часть этих людей составляли солдаты, бывшие в «отпусках» или просто дезертировавшие и рассчитывавшие приехать домой с хлебом.

Некоторые виды продовольствия постепенно дорожали и переходили в разряд дефицитных. Главными в этой группе были привозные товары (чай,

сахар), а затем к ним добавились промышленные товары первой необходимости (ткани, кожа, мыло, спички, одежда и обувь). Трудностям в приобретении и потреблении товаров способствовали инфляция и низкий рост заработной платы, не поспевавшей за ценами.

Ситуация с продовольствием в деревне не была такой критической: постоянно ощущался лишь недостаток фабричных товаров, но никак не продовольствия. Крестьяне расчетливо старались придержать основные запасы хлеба для установления более выгодной цены и за годы войны накопили значительные излишки. С установлением политики твердых цен и реквизиций крестьяне еще более замкнулись в своем хозяйстве. Если эта политика в принципе и одобрялась крестьянами, то они желали в первую очередь установления выгодных им твердых цен на фабричные товары повседневного спроса.

Влияние дороговизны и дефицита продуктов почувствовали на себе все слои общества. Не было больших хлебных запасов и у горожан. От дефицита страдали в первую очередь люди с фиксированным доходом: получавшие жалованье за службу в земских или государственных учреждениях, работавшие на заводах и фабриках, прислугой в домах или различных заведениях и т.д. Их реальная заработная плата падала в связи с быстрым ростом цен на продукты питания, товары первой необходимости. Оклады работников различных государственных ведомств, городских управ, оставаясь четко фиксированными, также не поспевали за ценами. Жалобы служащих на свое жалованье резко усилились в 1916 г. Народные учителя, низовой состав земства прямо заявляли, что не могут прожить на 40–60 руб. в месяц. В 1917 г. заработная плата росла, стремясь поспеть за инфляцией. Постепенно население городов было вынуждено перейти на жестко нормированное потребление продовольственных продуктов.

Жители города страдали от фальсификации продуктов, которая в годы Первой мировой войны достигла больших масштабов. Масло, молоко, колбаса, кондитерские изделия, хлеб, а также мыло были зачастую недоброкачественными и иногда могли причинить вред здоровью.

Разочаровавшись в экспериментах властей в продовольственном деле и утратив веру в свободную торговлю, население попыталось найти новые формы организации для решения продовольственного вопроса. Подобными формами стали кооперативы – потребительские общества. Потребительская кооперация к 1917 г. превратилась в мощную экономическую силу. Вообще с началом Первой мировой войны наблюдается бум в развитии потребительской кооперации. Отечественные кооператоры не обольщались по поводу победы над спекулянтами, несмотря на очевидные успехи в развитии потребительской кооперации. Все чаще со стороны общественности звучала критика в адрес крупных и мелких торговцев. Самарцы обвиняли, например, торговцев мясом, что они, не выполняя таксы, продавали все по цене высшего сорта, а в булочных и калачных черный хлеб перестал выпекаться совершенно, вес выпеченных булок был много ниже нормы; спекулянты перехватывали продукты у крестьян, которые привозили их в город, и продавали по завышенным ценам.

Формирование не зависимых от власти систем снабжения не остановило население на пути насильственного решения продовольственного вопроса. Проблема «дороговизны» стала мощным фактором накала массовых настрое-

ний. Конечно, подобное положение приводило к нежелательным эксцессам и побуждало толпу к тому, чтобы громить лавки и магазины. Зачинателями этих действий обычно являлись женщины-работницы и солдатки.

Железная дорога к концу 1917 г. превратились в «целый контрабандный путь». Хлеб незаконно вывозился по несколько тысяч пудов в ночь.

В целях решения продовольственных трудностей губернская администрация назначила ответственных лиц по преодолению данных проблем. Главными ответственными лицами по продовольствию на местах в период с июля 1914 г. по февраль 1917 г. были назначены гражданские губернаторы. Деятельность губернаторов в этом деле была разнообразной.

Главным делом для губернаторов оставался надзор за ценами и недопущение дефицита необходимых продуктов в городах и селах. Полиция доводила до сведения населения все обязательные постановления губернатора и следила за их исполнением, в том числе и за таксами.

Губернаторы старались предотвратить кризисы снабжения различных местностей и населенных пунктов губернии, ходатайствуя перед управлениями железных дорог, порайонными комитетами по перевозке массовых грузов о предоставлении вагонов для экстренной погрузки и отправки соли, сахара, мяса, муки нуждающимся. Причины расстройства системы снабжения населения продуктами первой необходимости виделись губернаторами как следствие спекуляции всероссийской, которая породила «естественное стремление низших производителей, мастеровых, чернорабочих, и в конце концов крестьян, также поживиться от переживаемого момента».

После Февральской революции 1917 г. Временное правительство реформировало систему продовольственного снабжения армии и населения. Местные уполномоченные должны были передать дела главам новоизбранных продовольственных комитетов.

Работа новых продовольственных органов – губернских и уездных продовольственных комитетов – была признана неудовлетворительной в 1917 г., в результате чего старый аппарат уполномоченных оказался разогнанным. Некоторые губернии, как, например, Казанская, Пензенская, Симбирская и Саратовская, в середине 1917 г. отказались выполнить наряды, мотивируя это наступающим недородом. Самарская губерния их выполняла, хотя нужно констатировать, что лучшим месяцем был май, когда было выполнено 70 % для населения и 90 % для армии. Все снабжение населения и армии выражалось в 70 млн пудов в месяц (мука, крупа и т.д.), но в июне наряд был выполнен в размере 50 % для населения и 60 % для армии. Выполнение наряда в июле стало еще больше уменьшаться. Главной причиной этого был не недород, а отсутствие организации на местах. Чтобы получить хлеб, как отмечал глава симбирского губпродкома, «пришлось натолкнуться на противодействие населения, по отношению к которому постепенно перешли от уговаривания к демонстрации вооруженной силы и от демонстрации к применению, хотя последнее бывало вызываемо всегда самозащитой».

Степень участия земств на начальном этапе войны в продовольственном деле сильно зависела от местных условий. Так, пензенское земство быстро включилось в работу, поскольку в губернии наблюдался неурожай и требовалось обеспечить семьи призванных всем необходимым.

Главной проблемой было то, что с началом мобилизации земские организации лишились многих ценных специалистов призывного возраста. Наи-

более сильные потери понесла именно агрономическая организация. Нормальная работа оставшихся на местах земских служащих была затруднена ввиду дороговизны продуктов питания и бытовых принадлежностей. Единственным способом решить эти проблемы было повышение окладов. Прибавка назначалась пропорционально жалованью: самое низкое (100–300 руб. в год) увеличивалось на 60–70 %, самое высокое (более 1500) – на 15–25 % либо вовсе не изменялось [5].

После революции 1917 г. земства отходят от продовольственного дела, передав все свои полномочия новым органам – комитетам и управам. Земства постарались побыстрее избавиться от продовольственных обязанностей, передав их в руки новым уездным и волостным продовольственным комитетам. Однако земские собрания имели одно весьма существенное преимущество – они могли своей властью запретить вывоз хлеба из отдельных волостей или всего уезда, причем это находило полную поддержку со стороны крестьян. Этим они с успехом и пользовались, парализовав все закупки хлеба для армии и населения.

Важным направлением в продовольственном деле государства было создание продовольственной милиции, которая занималась реквизицией хлеба в губернии, решала насущные задачи, поставленные большевиками в рамках политики «военного коммунизма». В Пензенской губернии, например, такая милиция, была создана 1 марта 1918 г. решением Исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [6]. Подобные силовые органы не раз совершали акты беззакония и насилия, «брали силой» продовольствие у крестьян [7].

После февральской революции городские управления испытали на себе влияние всеобщего политического хаоса и развала прежней властной вертикали. В этих условиях была сделана ставка на опору на достижения кооперативов в деле продовольственного снабжения населения, но она оказалась неудачной. Города уходили все дальше по пути жесткой продовольственной политики, требуя тотальной реквизиции в деревнях.

Список литературы

1. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 196. Оп. 1. Д. 1443. Л. 254.
2. ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1767. Л. 2.
3. **Кондалова, Н. А.** Чрезвычайные ситуации в сельском хозяйстве и меры их предотвращения в 60–90-е годы XIX века (на примере Пензенской губернии) / Н. А. Кондалова // XX Лебедевские чтения : сб. докладов межвузовской науч.-практ. конф. – Пенза, 2009.
4. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6848. Л. 172об.
5. **Голубинов, Я. А.** Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны : автореф. дис. … канд. ист. наук / Я. А. Голубинов. – Самара, 2009. – 20 с.
6. ГАПО. Фр-463. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.
7. ГАПО. Фр-2. Оп. 4. Д. 8. Л. 3. Губисполком. Телеграммы. 1918 год. 20.03.1918.
8. Год за годом. Хроника важнейших событий общественной жизни Пензенской области за 50 лет. – Пенза, 1967.
9. История Пензенского края со второй половины XIX века до наших дней. – Пенза, 2000. – Ч. 2: Политика «военного коммунизма» и ее результаты.

10. **Морозов, В.** Большевик Василий Кураев. Жизнь и революционная деятельность в Пензе и Пензенской губернии / В. Морозов. – Пенза : Пензенское книжное издательство, 1961.

Тетерина Евгения Александровна
кандидат исторических наук, доцент, кафедра коммуникационного менеджмента, Пензенский государственный университет

Teterina Evgeniya Alexandrovna
Candidate of historical sciences, associate professor, sub-department of communication management, Penza State University

E-mail: evgenia_t@bk.ru

Ульянов Антон Евгеньевич
кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и права, Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского

Ulyanov Anton Evgenyevich
Candidate of historical sciences, associate professor, sub-department of history and law, Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky

E-mail: uae79@list.ru

УДК 93/94; 902; 39(4/9)

Тетерина, Е. А.

К вопросу о продовольственном положении в Среднем Поволжье в конце XIX – начале XX в. / Е. А. Тетерина, А. Е. Ульянов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 26–33.

УДК 94(510).092

И. Е. Пожилов

«ЧТОБЫ БОГАТЕЛИ ВСЕ ВМЕСТЕ» (ЧЖУ ДЭ О ПРОБЛЕМАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КНР)

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые идеи Чжу Дэ о социально-экономическом строительстве в КНР конца 1950-х – начала 1960-х гг., выдвинутые в качестве базовых принципов для преодоления хозяйственной разрухи, вызванной «большим скачком» и политикой «народных коммун»; установки маршала на «урегулирование» народного хозяйства стали, по существу, программой прагматической оппозиции в КПК по коренной перестройке экономической системы Китая на путях дозированного внедрения частной собственности и рыночных механизмов.

Ключевые слова: социалистическое строительство в КНР, период ликвидации последствий «политики трех красных знамен», маршал Чжу Дэ.

Abstract. This article discusses some ideas of Zhu De on socio-economic construction in the PRC in the late 1950's – early 1960's. Put forward as basic principles for overcoming the economic devastation caused by the "great leap" and the policy of "people's communes", they, in essence, became a program of pragmatic opposition in the CCP for a fundamental restructuring of China's economic system in ways of dosed introduction of private property and market mechanisms.

Keywords: socialist construction in China, the period of liquidation of "three red banners policy" consequences, marshal Zhu De.

Не в пример многим членам руководства КПК, считавшим, что до наступления коммунизма общество остается ареной борьбы классов и непримиримых идей, старейший соратник и давний оппонент Мао Цзэдуна маршал Чжу Дэ предпочитал чаще обращаться к понятиям общественного взаимодействия и сотрудничества. Будучи марксистом, Чжу Дэ, разумеется, не мог не выпячивать социальных конфликтов, когда они действительно находятся на первом плане, но также понимал, или по крайней мере чувствовал, что элементы гармонии и «уживаемости» у соотечественников обычно преобладают. Именно это побуждало его придавать серьезное значение «связующим элементам и скрепам», благодаря которым сохраняется сплочение китайской нации. Как никогда ясно такой подход к проблемам строительства социализма в Китае обнаруживается в его позиции и высказываниях конца 1950-х – первой половины 1960-х гг., в период провала политики «коммунизации» деревни и лихорадочных попыток умеренного крыла в руководстве КПК выправить экономическое положение на путях, близких к здравому смыслу или даже совпадающих с ним.

Центральная идея, с которой он выступил в эти, последние перед «великой смутой», годы, заключалась в том, чтобы стабилизировать власть, сделав ее приемлемой для возможно большего круга общественных слоев, в первую голову крестьянства. В свою очередь эта идея являлась производной от его изначального убеждения в том, что все классы китайского общества могут «сознательно или нет способствовать делу социалистического созидания» [1, с. 213–214]. Отсюда же его неотступное сопротивление ведомым Мао радикалам-левакам, уверовавшим в то, что отсутствие массовой поддержки не является таким уж фатальным для государства обстоятельством («народ желает вольностей, а мы хотим социализма…»).

Что же из осязаемых экономических прав и так называемых «малых свобод» предлагал маршал народу в обмен на их лояльность власти, а партии – для уяснения своего важнейшего предназначения?

Исходная предпосылка успешного «урегулирования» последствий «большого скачка», а также перехода к стабильному экономическому росту заключалась, по Чжу Дэ, в осознании необходимости «неуклонно следовать линии масс, укрепляя единство всей партии и всего народа». В переводе на нормальный язык эта лексическая конструкция означала постановку на безусловно приоритетное место в деятельности КПК «заботы о благе народа». «Наше наиважнейшее дело есть тесное сплочение с массами. Все свои силы нам надо положить на служение массам… Если мы отойдем от масс, нас ждет неминуемое поражение» [1, с. 94], – так Чжу Дэ говорил еще в 1943 г. Через десять лет, в его обращении к депутатам Комитета народных представителей Пекина задача конкретизируется и обозначается главная сфера «служения»: «Коренная цель нашего экономического строительства заключается в улучшении жизни народа, в повышении его благосостояния» [2, с. 1434]. На VIII съезде партии, не иначе как в предчувствии грандиозных бедствий, маршал укажет на необходимость привести, наконец, к согласию государственные интересы и потребности личности. Партия, так и не ответившая на ожидания народа вырваться из нищеты, в первую очередь обязана сосредоточиться на производственно-экономических вопросах («еда и одежда с неба не свалятся»), а не пичкать полуголодный народ идеологическими пилюлями («политика – командная сила») [3, с. 169–170].

Самым важным в подаче Чжу Дэ лозунга «следовать линии масс» является то, что она сочетала в себе как этическую, так и экономическую аргументацию. Это звучит несколько парадоксально: и то, и другое для коммунистов (начиная с того же не признававшего других законов, кроме причинно-следственных связей, Маркса) с их пренебрежением к нравственным запретам и естественным принципам товарно-рыночного хозяйства перед лицом пресловутой «объективной необходимости» общеизвестно. Дело в том, однако, что маршал давно снискал себе глубочайшее уважение в партии и народе как политик «совестливый» и «добропорядочный». Что же касается его экономических доводов в пользу «сосредоточения усилий в сфере потребления», то их можно свести в общем-то к одному незамысловатому тезису: «Нужды масс сами по себе являются мощным стимулом развития и экономического роста» [4, с. 301].

За поверхностной простотой утверждения (объемы расширенного воспроизводства диктуются емкостью рынка и покупательной способностью населения и т.д.) стояло большое мужество автора – о каком рынке, о каком потреблении и т.п. могла идти речь в условиях намеченного Мао форсированного перехода к коммунизму?! Не станем поддаваться искушению выставить Чжу Дэ в этом смысле исключительной фигурой в руководстве КПК (одним из символов оппозиции – вполне допустимо). Во-первых, в «новодемократический период» революции партия в целях преодоления разрухи активно применяла в своей работе практически весь инструментарий эффективного (т.е. рыночного) хозяйствования в условиях многоукладности. Во-вторых, потерпевший фиаско в «большом скачке» Председатель сам, хотя и тщательно маскируя позицию, был не прочь отступить тактически и согласиться с «умеренными», настаивавшими на известной либерализации экономики на время преодоления «послескачковых трудностей», а затем вновь устремиться к своей сокровенной мечте. В-третьих, Чжу Дэ,

как и единомышленники, не пытался придать свежим, а точнее полузабытым, идеям официальное подтверждение, хотя и не исключено, и надеялся на мудрость вождя. Как бы то ни было маршал все равно находился на самом острие противодействия социально-экономическим авантюрам Мао, в то время как признанные прагматики-руководители «первой линии» (Чжу Дэ как старейший член Политбюро ЦК КПК относился ко «второму эшелону») – Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Ли Фучунь и др. – маневрировали вокруг и «левее» центра в стремлении угодить вождю. Не случайно едва ли не самым ярким «брендом» из обвинений, выдвинутых против него в «культурную революцию», стал ярлык «Матерый ветеран правого уклона» [5, с. 44].

Закономерным результатом радений Чжу Дэ о народном благе стал его, подобный бухаринскому, призыв к «обогащению народа», который, по мнению современных историков КНР, представляет собой «относительно целостный компонент теории строительства социализма с китайской спецификой» [6, с. 50–54]. Подразумевая автором «теории» Дэн Сяопина, китайские ученые таким образом уподобляют маршала давно, кстати, не пользующемуся уважением на родине «прорабу реформ», не замечая при этом принципиального отличия в их установках. Лозунг Дэна «обогащайтесь», фактически не ограничивая людей в выборе средств и способов накопления богатства («обогащайтесь наперегонки»), привел и не мог не привести к гигантскому имущественному расслоению общества (вспомним справедливое предостережение Мао о возможности «вторичного классообразования») – и это в рамках яростно защищаемого им «выбора в пользу социализма»! Чжу Дэ, как будто предвидя такой, совершенно неприемлемый для него исход, подчеркивал, что «богатеть должны не единицы, не отдельные коллективы и не семьи, а все вместе» (кажется, что покойный вождь скрепя сердце предпочел бы все-таки это) [2, с. 1851].

Предлагаемый маршалом инструментарий выхода из экономического кризиса и одновременно кризиса веры в партию состоял из нескольких рычагов, иные из которых были опробованы в период «урегулирования» и сразу обнаружили высокую действенность, некоторые так и остались пожеланиями.

Вплотную приобщившийся к экономической работе еще в годы войны Освобождения и немало искушенный в ее тонкостях (в НОАК главнокомандующего частенько за глаза называли «главзавхозом»), Чжу Дэ сначала обратился к ценовой политике государства. Она не выдерживала критики, сводя на нет все усилия правительства нормализовать ситуацию. Требовалось упорядочить цены на основные товарные группы, приведя их в соответствие с реальными трудо- и материалозатратами, имея в виду сверхзадачу «повышения *законных* доходов работников». В первую очередь маршал указал на необходимость «постепенно повысить цены на продукцию аграрного сектора, снизив при этом цены на промышленные изделия», дабы ликвидировать ценовые ножницы, сдерживавшие хозяйственную инициативу крестьян. «Наступление на цены» не касалось предприятий кустарной промышленности на селе и в городе (традиционно основных поставщиков товаров ширпотреба в тогдашнем Китае и особой сферы попечения маршала), получавших право даже несколько их увеличить для «поддержания основного капитала и небольшого наращивания прибыли». «Действуя таким способом, – доказывал Чжу Дэ, – мы принесем пользу ремесленной промышленности, поднимем благосостояние общества, удовлетворим потребности масс». Надо потребовать от соответствующих отраслевых ведомств в разработке ценовой политики «придерживаться хотя бы закона стоимости,

следить за эквивалентным обменом, увязывать интересы государства, хозяйствующего субъекта и отдельного труженика»; правительству необходимо «следовать курсом поддержки предприятий в их практике регулирования (с помощью разумных цен) прибыли и убытков», только так «можно сохранить активность производителей, увеличить доходы, обеспечить людям возможность становиться богаче» [1, с. 495, 415].

Взявшись за цены, Чжу Дэ невольно вступил в опасную зону и заговорил о проблемах собственности, включая право на существование «в определенных пределах» собственности частной. Подстраховываясь на случай нападок и обвинений в попытках реставрации капитализма, ему ничего не оставалось делать, как апеллировать к прошлому, «новодемократическому» опыту партии. Обратиться за помощью к классикам и тем самым получить высшую степень неприкосновенности не представлялось возможным – они дали очень мало рекомендаций по переходному периоду. В качестве экстренной меры спасения разваливавшейся на глазах экономики им, по сути, и предлагалось вернуться к «крайне противоречивой, но оправдавшей себя системе смешанной экономики» 1949–1953 гг. Заявляя о необходимости ее легализации, маршал давал понять витавшему на небесах Председателю и ревнителям марксистской ортодоксии, что рискованные экономические уступки на этом направлении отводят худшую угрозу – отступление политическое.

На словах же Чжу Дэ объяснял партийцам причины «отката» к частнособственническим началам низким уровнем развития производительных сил и обобществления производства, что не позволяет нормально функционировать единой системе общенародной собственности. При этом термин «частная собственность» публично им не употреблялся, будучи стеснительно подменен рыхлой и невнятной «собственностью единоличной». «При социализме, – убеждал он различные аудитории, – должны быть дозволены собственность общенародная, коллективная и единоличная». В кулуарах, по воспоминаниям его личного секретаря Ляо Гайлуна, схема поначалу интерпретировалась Чжу Дэ примерно так: «Ну оставим частную собственность, что ж страшного? На деле-то она служит подспорьем общественной собственности! Ведь посмотрите: трудящийся вкалывает на производстве ради общественного интереса и занимается собственным хозяйством. В итоге имеем больше возможностей для людей становиться богаче и одновременно делать это гораздо быстрее» [5, с. 45; 7, с. 669]. Апогей подобной агитации – в сердцах брошенное в присутствии Мао Цзэдуна на совещании в Бэйдайхэ (август, 1962): «Если хотят работать в одиночку, пусть работают!… Социализм не развалится, если крестьяне будут вести единоличное хозяйство» [8, с. 204].

Следует иметь в виду, что атмосфера в партии по выходе из «скачка» была крайне нервной и тревожной. Руководители всех рангов еще не отошли от учиненной Председателем расправы над Пэн Дэхуаем и Хуан Кэчэном (на местах гонениям подверглись тысячи кадровых работников), выступившими в Лушане, надо сказать, с весьма умеренной критикой отдельных просчетов партии в хозяйственном строительстве, а вовсе не с отрицанием самой «политики трех красных знамен», что ошибочно им приписывают. Хотя авторитет Чжу Дэ в КПК и стране был неизмеримо выше, чем у опального министра обороны, тем не менее он сильно рисковал, «раздувая правое поветрие», как тогда это называлось. Но вести себя иначе он не мог, поскольку был убежден в том, что главная причина напряженности в экономике и общественных на-

строениях заключена в нарушении «принципа неотъемлемой принадлежности орудий жизни и деятельности человеку», а «массы не будут воодушевленно заниматься производством, если им не дать права владения этими средствами» [8, с. 204–205]. Наиболее же впечатляющей и на десятилетия опережающей время представляется мысль Чжу Дэ, прозвучавшая в узком кругу парткома дунбэйской провинции Хэйлунцзян в июне 1959 г.: «Не государству, а главным образом самим массам суждено наладить жизнь. Кто способен облагодетельствовать 600 миллионов человек?» [2, с. 1733].

Установившись с вопросами собственности, маршалу не составило идеологических неудобств перейти к пропаганде рыночных отношений (как и часть российских большевиков, например, Н. И. Бухарин времен нэпа, Чжу Дэ не считал рынок «самой что ни на есть сердцевиной капитализма» в противоположность капиталистической собственности). О необходимости запустить этот экономический механизм он совершенно открыто говорит на официальных партийных мероприятиях и высказывается в печати. «Свободный рынок надо восстановить, кооперативная торговля его заменить не сможет» [9, с. 52], – вот только одно из высказываний маршала на сей счет. Да, период «урегулирования» нельзя назвать скупым на словесные «подкопы» под устои, но важнее самого, пусть максимально радикального, призыва являлся его резонанс. В этом смысле голос Чжу Дэ имел причины быть услышанным весьма широко.

Как и нынешние китайские реформаторы, рынок панацеей маршал не считал и потому выступал страстным поборником его внедрения в аграрном и кустарно-промысловом сегментах экономики, в государственном секторе – одобрял «частично рыночное ценообразование» и приветствовал «элементы свободной конкуренции». Наиболее оптимальным состоянием народного хозяйства КНР с точки зрения управления ему виделось «сбалансированное сочетание административно-плановых и экономических методов регулирования». С начала 1962 г. на ряде рабочих совещаний ЦК КПК Чжу Дэ в отношении выбора форм хозяйствования крестьянами, кустарями-ремесленниками и торговцами предлагал вообще «ничего не ограничивать и никого не принуждать», в противном случае обеспечить население «даже чашкой риса не получится» [4, с. 297]. «Рыночная торговля – это замечательно, чего ее бояться? – растолковывал он кадрам. – Появится хозяйство с куплей-продажей, только тогда и воспрянем. А зажиточность людей постепенно пойдет вверх» [6, с. 54].

Было бы наивно думать, что весь партактив живо откликался на речи заместителя председателя ЦК КПК. Замороченные заклинаниями вроде «обгоним и перегоним» или «бедность – это хорошо», функционеры часто отвечали на его слова откровенным интеллектуальным параличом. Приходилось переходить к азам, напоминая о том, что крестьянин является и трудящимся, и собственником, что «только оставшись с небольшой частной собственностью, сохранив за собой подсобное хозяйство, он захочет больше производить продукции для продажи на рынке». Самих сельских тружеников, слава богу, уговаривать необходимости не было. Не дожидаясь указаний местных властей, в деревнях многих провинций они стихийно выходили из коммун, делили землю и скот. Кто-то возвращался к единоличному хозяйству, кто-то переходил к дворовому подряду или вступал в возрождаемые кооперативы взаимопомощи. В этих районах ситуация менялась к лучшему буквально на глазах [10, с. 4–8], как спустя 20 лет, в период «реформ и открытости», преображалась китайская деревня ровно таким же образом, а не благодаря «мудрому руководству партии» и отдельных

«архитекторов». Чжу Дэ, между прочим, прекрасно осознавал эту истину: «Народ не должен раболепствовать перед государственной властью, государство должно служить народу» [11, с. 49].

И ранее напряженно занимаясь осмыслением роли и места сельского хозяйства в экономике Китая, итогом чего вскоре стала не укладывавшаяся в догмы приверженность идее о его приоритете в хозяйственной структуре государства, Чжу Дэ, наверное, только сейчас воочию убедился: аграрный сектор действительно во всех смыслах, включая политический, должен стать доминантным направлением в деятельности партии. «Мы должны поставить на первое место в экономической работе развитие сельского хозяйства», – такое заявление им было сделано в ноябре 1949 г. на совещании по ирригационному строительству в освобожденных районах, а затем неоднократно повторялось (в неформальной обстановке) в виде тезиса «сельское хозяйство – основа национальной экономики» [12, с. 38–39]. Если у Советского Союза в его противостоянии один на один с мировым империализмом не было альтернативы в выборе отраслевых акцентов, то Китай, по его мнению, находился в совершенно другой ситуации. Совсем не случайно Чжу Дэ впоследствии стал в КПК признанным авторитетом в сфере международного экономического сотрудничества, интеграции и внешней торговли, постоянно (до известного времени) привлекавшим внимание постановкой вопросов о придании закупкам за рубежом современного промышленного оборудования – в обмен на сельскохозяйственные и потребительские товары китайского производства – характера стратегии, а не дополнения к импортзамещению. Чего стоит только его попытка хотя бы включить в повестку для обсуждения в восточном блоке вопрос о создании «рублевой зоны» «как противовеса долларовой и стерлинговой зонам» и «меры, способной разрешить много экономических проблем, возникающих среди социалистических стран и в Китае, в особенности»[1].

Не в последнюю очередь благодаря настойчивости маршала в «проталкивании линии на первостепенное развитие деревни и обеспечение населения товарами кустарно-ремесленной промышленности» в конце 1963 г. Госсовет КНР устами вице-премьера Ли Фучуня велел органам планирования «оторвать ж… от промышленности» и «взяться за сельское хозяйство» [13, с. 1195].

Предлагаемые Чжу Дэ принципиальные изменения в социально-экономическом устройстве государства сопровождались рядом необходимых для их обеспечения корректив в сложившийся сверхцентрализованный порядок управления народным хозяйством, сферу распределения и налоговую систему. Под контролем правительства, считал он, останутся только важнейшие предприятия в базовых отраслях и весь военно-промышленный комплекс, в ведение местных властей перейдут все остальные объекты государственной собственности. Кооперативный сектор и единоличники самостоятельно ведут дела и не могут подвергаться администрированию сверху. Для повышения эффективности государственных предприятий необходимо освободить их от чрезмерной опеки отраслевых министерств и планирующих органов, предоставив им максимум хозяйственной самостоятельности. В ре-

[1] О разговоре с Чжу Дэ на эту тему в марте 1958 г. пишет в своем дневнике советский посол в Китае П. Ф. Юдин, оказавшийся совершенно не готовым обсуждать столь деликатную тему (см.: Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0100. Оп. 51. П. 6. Д. 432. Л. 97–98).

формировании налоговой системы основным направлением, по его убеждению, должна стать «защита чаяний отдельного труженика». «Налоги либо отменяются, либо уменьшаются – увеличение ставок не допускается, иначе как обеспечить рост доходов людей?», – так и только так маршал представлял себе налоговую стратегию государства в отношении граждан-участников производства. Особыми льготами в сфере налогообложения (освобождение от уплаты всех видов налогов на пять лет) следует, в частности, наделить крестьян, занимающихся возделыванием залежных земель в труднодоступной местности [2, с. 1584].

В отличие от Мао Цзэдуна, рассматривавшего колоссальный по своей численности китайский народ как дармовую рабочую силу и решающий фактор реализации своих политических амбиций, Чжу Дэ в миллионах своих соотечественников видел совсем другое. «Трудолюбие и бережливость – прекрасные качества, присущие трудящимся нашей страны. Пословица – «упорно трудись, будь бережливым, и ты построишь свой дом и обзаведешься хозяйством» должна стать принципом, который всем государственным и хозяйственным работникам всегда следует помнить и неуклонно выполнять» [3, с.171], – таким, если коротко, было его восприятие уникальности нации. На его взгляд, ключ к успеху и процветанию находится не в сугубо экономических, финансовых, научных или технологических средствах, а прежде всего в сохранении и преумножении традиций семейного воспитания, семейного труда, отношений взаимной любви и ответственности внутри семьи. «Есть много того, – подчеркивал Чжу Дэ, – что разрешить можно в опоре на семью, а не на общество» [4, с. 295].

Одним из самых явных признаков активной эволюции социально-экономических взглядов маршала нужно назвать и его отход, особенно после разлада в отношениях с СССР, от установок на заимствование советского опыта строительства социализма.

В отечественной литературе разных периодов чуть ли не единственной «заслугой» Чжу Дэ преподносилась его «дружественная к стране Октября позиция». «Целиком просоветский» – так характеризовал главкома НОАК в своем отчете незадачливый резидент ГРУ в Китае[1], низводя полководца до уровня марионетки. Между тем, неизменно питая чувства благодарности и признательности к «старшему брату», Чжу Дэ никогда не относился, следуя терминологии соответствующего периода, к подлинным «интернационалистам», подобно Ван Мину или Гао Гану. «Брать [у СССР] полезное, опробовать у себя дома, если годится – применять», – подобный его подход к проблеме отрицать нельзя. Слепое копирование опыта КПСС ему свойственно не было. «Учиться на советских шаблонах – это значит утратить творческую основу социализма» [4, с. 303], – несколько позднее будет констатировать маршал, причем не с трибуны очередного пленума, а в приватном письме сыну, где можно и должно быть искренним.

Несколько иначе Чжу Дэ воспринимал достижения Советского Союза в фундаментальной науке и отчасти в сфере технологий. Как секретарь ЦК КПК, номинально ответственный за развитие ВПК, в первое десятилетие КНР

[1] Имеется в виду Теребин, известный читателю по книге П. П. Владимирова «Особый район Китая» как А. Я. Орлов (см.: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 225. Д. 140. Т. 2. Л. 70).

он приложил колоссальные усилия в деле заимствования результатов советских НИОКР и приобщения к передовым исследованиям в СССР китайских специалистов. Даже в первые годы после Освобождения его интерес распространялся не на поставки вооружений и боевой техники, а на проектно-техническую документацию и доступ к участию в ее разработке. Здесь его предпочтения не расходились с теми, что выражал вождь. Главная забота обоих заключалась в получении технологий для разработки ракетно-ядерного оружия. Побывав в сентябре 1954 г. на Тоцком полигоне, где наблюдал за войсковыми учениями с применением ОМП и был буквально поражен его чудовищной разрушительной силой, Чжу Дэ вернулся в Пекин с еще большей уверенностью в необходимости во что бы то ни стало обзавестись ядерными боеголовками и средствами доставки, преимущественно в опоре на собственные силы. Одна из причин склонения к «домашнему варианту» производства заряда состояла в том, что маршал являлся не противником распространения ядерного оружия, а, напротив, одним из первых среди заметных политических деятелей, по его же выражению, «сторонником предотвращения ядерной войны ядерным оружием». Понятно, что в этой связи рассчитывать на всестороннюю помощь СССР на данном направлении не представлялось возможным. И через пять лет в этом пришлось убедиться.

Чжу Дэ, постоянно находясь рядом с безразличным к судьбам человечества Мао Цзэдуном, никогда тем не менее не занимался циничной пропагандой войны – ни ядерной, ни обычной. Исследования в области атомной энергии, по его мысли, придали бы импульс развитию национальной науки и, стало быть, сыграли бы немаловажную роль в развитии экономики и повышении жизненных стандартов населения. В августе 1957 г. на обсуждении проекта второго 5-летнего плана в Госсовете КНР Чжоу Эньлай, когда тот официально внес предложение заложить в план расходы на «две бомбы» (по-китайски *лян дань* – и «бомба», и «ракета-носитель» – пишутся одним и тем же иероглифом), не удержался и сказал: «Люди тебя не поймут». С укором премьера Чжу Дэ не согласился, заявив, что он не требует сокращения социальных расходов, наоборот, считает «зажиточность сограждан неотъемлемой частью обороноспособности государства» [14, с. 18].

В заключение не можем не отметить следующее. Как это ни удивительно, но именно ему, военному профессионалу, а не ответственным за хозяйственные вопросы в ЦК руководителям, не ученым-экономистам и тем более реформаторам дэнсяопиновского призыва принадлежит авторство понятия «китайский социализм» (в сегодняшней интерпретации – «социализм с китайской спецификой»). Долгое время историки КНР пытались разрешить вопрос о «первенстве», но ответ был найден совсем недавно [15, с. 60–68]. Каково содержание понятия, об этом частично шла речь выше.

Список литературы

1. **Чжу, Дэ.** Сюаньцзи (Избранные произведения Чжу Дэ) / Дэ Чжу. – Пекин : Жэньминь чубаньшэ, 1983. – 445 с.
2. **Чжу, Дэ.** Няньпу (Биографическая хроника Чжу Дэ) : в 3 т. / Дэ Чжу. – Пекин : Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 2006. – Т. 3. – 2005 с.
3. Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. – М. : Госполитиздат, 1956. – 536 с.

4. **Чжу, Дэ.** Цзышу (Автобиографические записки Чжу Дэ) / Дэ Чжу.– Пекин : Цзефанцзюнь вэньи чубаньшэ, 2007. – 328 с.
5. **Ляо, Гайлун.** Чжу Дэ дуй таньсо шэхуэйчжуи цзяньшэ синь даолу дэ чжунъяо гунсянь (Важный вклад Чжу Дэ в поиск новых путей строительства социализма) / Гайлун Ляо // Дандэ вэньсянь. – 1996. – № 3.
6. **Ян, Шаоань.** Чжу Дэ дэ чжифу сысян (Идея Чжу Дэ об обогащении) / Шаоань Ян, Аньпин Ван // Дандэ вэньсянь. – 1998. – № 5.
7. **Чжу, Дэ.** Чжуань (Биография Чжу Дэ) / Дэ Чжу. – Пекин : Дандай чжунго чубаньшэ, 1993. – 715 с.
8. Информационный бюллетень ИДВ АН СССР. Серия А: «Культурная революция» в Китае. Документы и материалы. – Вып. 4. – М. : АН СССР. Институт Дальнего Востока, 1969. – 345 с.
9. **Ши, Вэйсин.** Чжу Дэ ваньнянь гунцзо юй шэнхо цэцзи (Заметки о деятельности и жизни Чжу Дэ в его последние годы) / Вэйсин Ши // Дандэ вэньсянь. – 1996. – № 3.
10. **Ду, Жуньшэн.** Баочань даоху: лай цзы нунминьдэ чжиду чуансин (Дворовый подряд: системная новация, рожденная крестьянством) / Жуньшэн Ду // Байнянь чао. – 2002. – № 2.
11. **Ляо, Синьвэнь.** Чжу Дэ юй дяоча яньцзю (Чжу Дэ занимается изучением и обследованием) / Синьвэнь Ляо // Дандэ вэньсянь. – 2007. – № 3.
12. **Сюй, Ли.** Цзяньлунь цзяньго хоу Чжу Дэ фачжань нунъе дэ сысян (О взглядах Чжу Дэ на развитие сельского хозяйства после основания государства) / Ли Сюй // Мао Цзэдун сысян яньцзю. – 1995. – № 2.
13. **Бо, Ибо.** Жогань чжунда цзюэцэ юй шицзянь дэ хуэйгу (Воспоминания о некоторых важных решениях и событиях) : в 2 т. / Ибо Бо. – Пекин : Чжунго данши чубаньшэ, 1993. – Т. 2. – 1215 с.
14. **Ван, Сун.** Лунь Чжу Дэ цзюньши цзинцзи сысян хэ вэйда шицзянь (О военно-экономических идеях и великой практике Чжу Дэ) / Сун Ван // Цзюньши лиши. – 2008. – № 1.
15. **Цзян, Тайжань.** Чжу Дэ «цзяньшэ чжунго ши шэхуэйчжуи» яньцзю шупин (Об исследованиях Чжу Дэ, связанных со «строительством китайского социализма») / Тайжань Цзян // Дандай чжунго ши яньцзю. – 2006. – № 6.

Пожилов Игорь Евгеньевич
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра всеобщей истории,
Тамбовский государственный
университет им. Г. Р. Державина

Pozhilov Igor Evgenyevich
Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of general
history, Tambov State University
named after G. R. Derzhavin

E-mail: pozhilov1@yandex.ru

УДК 94(510).092

Пожилов, И. Е.

«Чтобы богатели все вместе» (Чжу Дэ о проблемах социально-экономического строительства в КНР) / И. Е. Пожилов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 34–42.

УДК 07(94)«1953/64»

Р. В. Даутова

ГРАНИЦЫ СВОБОДЫ СЛОВА В ГОДЫ ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»[1]

Аннотация. В статье дается анализ проблемы ограничения свободы слова в период хрущевской «оттепели». Громкое развенчание культа личности Сталина, атмосфера реформирования стимулировали подъем общественных настроений. Однако наметившаяся иллюзия духовной свободы столкнулась с карательной политикой партии и государства, которые охраняли информационные границы Советского Союза. Автор использует материалы из истории автономных республик Поволжья. На примере данных различного характера раскрываются особенности контингента провинциальных «антисоветчиков» и специфика главных обвинений, предъявляемых в их адрес. Особое внимание в анализе ситуации уделяется роли СМИ: запрещенных зарубежных радиостанций, которые специально глушились с территории Советского Союза, и советских газет, в которые граждане писали письма и анонимки.

Ключевые слова: свобода слова, иллюзия духовной свободы, информационные границы, антисоветчик, зарубежные радиостанции.

Abstract. The article analyzes limiting the freedom of speech problem of during the Khrushchev "thaw". Loud debunking of the Stalin cult, the atmosphere of reform stimulated the rise of public sentiment. However, another marked illusion of spiritual freedom faced punitive policy of the Party and state, guarding the borders of the Soviet Union information. The author uses material from Volga region autonomous republics history. Specific features of provincial "anti-Soviet"'s and the specifics of the main charges at their address are disclosed according to the data from the different nature of contingent. Particular attention in the analysis of the situation is paid to the role the media: banned foreign broadcasts, which are specially jammed in the Soviet Union, and Soviet newspapers in which citizens have written anonymous letters.

Keywords: freedom of speech, the illusion of spiritual freedom, information borders, anti-Soviet, foreign radio stations.

Проблема свободы слова является одной из важных в понимании специфики взаимоотношений между государством и обществом в тот или иной исторический период. В основе данной проблемы лежит отношение обеих сторон к информации (как к ее получению, так и к ее использованию, распространению), отличной или противоречащей государственной идеологии. Советский тоталитарный режим не допускал свободы мысли и слова, демонстрируя на протяжении разных этапов истории абсолютную нетерпимость партийных, властных и карательных органов ко всему, что не вписывалось в официальную идеологию.

Необходимо отметить, что тема инакомыслия в СССР достаточно изучена, исследователи не устают находить в ней новые ракурсы, привлекая некогда закрытые архивные материалы. Среди самых весомых научных трудов можно назвать исследование Л. М. Алексеевой «История инакомыслия в СССР». Что касается периода хрущевской «оттепели», то здесь достойны

[1] Работа выполнена в рамках проекта № 10-01-29111а/В гранта РГНФ-2010.

серьезного внимания исследования В. А. Козлова, основывающегося на изучении рассекреченных документов и дающего интересную сравнительную характеристику ситуации крамолы в СССР в разные периоды истории, в том числе и в период «оттепели», а также статьи молодых ученых о репрессивной политике конца 1950-х гг., вошедшие в сборник «Корни травы» (Паповян Е., Паповян А. и др.) По В. А. Козлову, во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. почти каждый выявленный «антисоветчик» попадал под суд. Пользуясь данными, опубликованными в 1996 г. в журнале «Источник» [1, с. 153], он делает вывод, что всплеск политических репрессий пришелся на 1957–1958 гг.: «Количество осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду в течение этих двух лет составляет 41,5 % от общего числа всех осужденных за 32 года «либерального коммунизма»!» [2, с. 98]. На этот всплеск политических репрессий после XX съезда обратили внимание также и вышеупомянутые Е. Паповян, А. Паповян и др.

Можно отметить также исследования Ю. Аксютина, посвященные анализу общественных настроений в СССР в 1953–1964 гг., а также известного архивиста Р. Пихои, в которых достаточно подробно реконструируются самые важные события тех лет, касаются авторы и диссидентских явлений «оттепели». Кроме того, существует целый пласт воспоминаний самих участников диссидентского движения и авторов, переживших это явление (Л. Я. Гозман, П. В. Григоренко, А. М. Эткин, В. Голицын, С. Ковалев, А. Даниэль, Л. Дымерская-Цигельман и др.), а также попытки публицистического осмысления явления инакомыслия (Ю. Ф. Лукин, В. Н. Березовский и др.), публикации об этом в массовых общественно-политических и культурно-просветительских изданиях, героями которых являются известные деятели советской культуры (например, М. Ростропович и Г. Вишневская, Р. Медведев, Л. Д. Ландау, А. Солженицын, А. Сахаров, И. Бродский, Е. Евтушенко и др.).

Однако в центре внимания всех этих авторов находятся больше события из жизни центральных и столичных городов. Нам же представляется важным обратиться к конкретным фактам проявления общественных настроений в период «оттепели» на периферии страны, что позволит определить главные черты государственной политики по ограничению свободы слова и инакомыслия в провинциальных регионах СССР, например, в автономных республиках Поволжья.

Практически все исследователи, анализируя экономические, социальные и политические реформы хрущевского периода (1953–1964), отмечают их явную противоречивость, которая не могла не отразиться и на общественных настроениях. Одна из характерных черт «оттепели», особенно первых ее лет, связанных с атмосферой потепления и духовного подъема в обществе после развенчания культа личности Сталина, – это искренняя вера представителей разных слоев в то, что они действительно имеют право на определение собственной судьбы и на самое непосредственное участие в определении жизни общества. Здесь будет уместно привести определение понятия «свобода» немецкого философа и психоаналитика, представителя Франкфуртской школы Э. Фромма: «Единственный критерий реализации свободы – активное участие индивида в определении своей собственной судьбы и жизни общества» [3, с. 227].

Однако этот народный подъем, натолкнувшись на страх власти и партийной верхушки, постепенно превратился в иллюзию свободы, которая рас-

сыпалась и пробудила недовольство и возмущение в обществе. По мнению Д. Бабича, Хрущев и его секретный доклад спровоцировали в обществе дискуссию: в чем виноват Сталин, а в чем – весь коммунистический проект? Дискуссия получила развитие: в чем и насколько сталинизм связан с политической традицией России? Эту дискуссию Бабич и считает настоящей оттепелью. В отличие от него Д. Косырев десталинизацию, 20-й съезд и освобождение заключенных не квалифицирует актом демократизации: «Феномен был в другом – советское общество при первых признаках ослабления режима изменилось, скорее, вопреки лидеру и верхушке, отшатнулось от них и зажило своей, независимой от партийной линии жизнью» [4].

Так или иначе первые проявления свободы слова обозначились во время обсуждения секретного доклада Н. Хрущева, развернувшегося сразу же после съезда по указанию ЦК КПСС на всех уровнях партийной системы. Прозвучавшие на этих собраниях суждения, как правило, касались не только культа личности Сталина. Действительно, доклад стал поводом для серьезного всенародного разговора о том, что же на самом деле происходило в последние десятилетия в партии и стране. Обсуждения в столичных городах мало отличались по тональности от аналогичных обсуждений в провинции. Подробные отчеты и докладные об этих собраниях и конференциях, стенограммы посылались в ЦК, где тщательно анализировались.

В качестве примера приведем материалы докладных записок ОК КПСС Татарии [5]. Для многих выступавших на собрании Татарского областного партийного актива (а это в основном были руководители разного уровня) были характерны самокритические высказывания, в выступлениях сквозила тема коллективной ответственности и вины за случившееся, искреннее желание понять причину явления культа личности. Особенно часто говорили об этом старейшие члены партии. «Мне кажется, товарищи, что мы все-таки сами, старые члены партии, во многом виноваты. Верно, нас так воспитывали, такое мнение создали, что Сталин – отец родной для всех», – говорил на собрании партактива Свердловского района г. Казани директор завода «Теплоконтроль» В. Д. Жуков (член КПСС с 1918 г.) [5, л. 67]. Директор завода им. Горбунова Смирнов, кстати, делегат XX съезда, сделал такое заявление: «Когда мы слушали доклад о культе личности, то это произвело на делегатов съезда тяжелое впечатление, потому что каждый из нас повинен в той или иной части в культе личности. Разве немало приложили своего искусства, восхваляя Сталина, разве мы мало создавали такого положения, чтобы этот культ личности процветал. Если вопрос стоял о радио, то оказывалось, что специалистом по радио был Сталин, если наши летчики летали в Америку, то оказывалось, что инициатором в этом был Сталин…» [5, л. 7]. Еще дальше пошел редактор республиканской газеты «Советская Татария» Колодин: «…некоторые ошибочно представляют, будто понятие о культе личности касается только высших сфер. Нет, речь идет о преодолении этих пережитков на всех ступенях <…> вплоть до первичной партийной организации, вплоть до низового местного звена» [5, л. 7]. Завотделом школ ОК КПСС Ш. Хамматов заявлял: «В течение длительного времени в наших школах насаждались элементы культа личности. В школах и семье дети воспитывались тому, что всеми успехами мы обязаны только одному лицу – Сталину. Этим было пронизано все, начиная с букваря и кончая многотомными романами, что сказа-

лось на всей системе воспитания, мешало выработать у детей такое важное качество, как коллективизм» [5, л. 52].

В ряде выступлений звучало осуждение публичного порицания Сталина. Звучали как принципиальное несогласие с негативной оценкой деятельности Сталина, так и призывы «не выносить сор из избы», дабы не навредить авторитету партии. Например, на закрытом партсобрании коммунистов треста «Альметьевнефтестрой», прошедшем 30 марта 1956 г., коммунистка Алсаева заявила: «…в отношении культа личности Сталина я не совсем согласна. Под руководством Сталина мы победили в Отечественной войне, и заслуг у него много, и их мы не отнимем…». В Азнакаевском районе один из выступавших задал риторический вопрос: обнародованием доклада о культе Сталина не будет ли нанесен ущерб авторитету нашей партии и народа? [5, л. 83] Коммунист парторганизации фабрики им. Микояна (г. Казань) Бродов говорил: «Не надо было так широко оповещать о последствиях культа личности. Надо было сделать это постепенно. Не надо было обнажать наш позор перед всеми, в том числе перед капиталистическим миром, чтобы не давать им повода к всевозможным клеветническим выступлениям» [5, л. 105].

В конце подобных обсуждений рядовые участники, как правило, задавали вопросы докладчику. Перечень самых распространенных вопросов также включался в докладные записки в ЦК[1]. Эти вопросы обнаруживают желание простых людей узнать правду, получить ответы на мучившие их вопросы. Вопросы достаточно смелы и даже дерзки, они подавались в основном в письменной форме, нередко без подписи. Например: если Сталин проявил себя столь подло, то почему он еще сейчас лежит в мавзолее рядом с великим Лениным? Почему вчера вручалась Сталинская премия? Что является гарантией правды? Непонятно, как мог Сталин целиком и полностью взять власть в свои руки и не могли разоблачить его раньше, при его жизни, более четверти века его восхваляли, называли «родной и любимый», где же были остальные члены правительства и члены ЦК? (На одном из собраний прозвучала реплика с места: «Хочешь сказать, что мертвого легче колотить, чем живого»). Можно ли критиковать руководителей, если члены ЦК партии показывают пример умалчивания, начинают критиковать человека после его смерти? Правильно ли поступило правительство, выселив немцев Поволжья? В докладе товарища Хрущева почему-то не упоминаются немцы Поволжья и крымские татары. Значит, они выселены правильно? Есть ли точные данные о причинах смерти жены Сталина – Алиллуевой?

Об остроте этих обсуждений говорят и те вопросы, которые касались партийных привилегий. Эта тема поднималась наиболее часто. Так, на собрании партактива Дзержинского и Кировского районов г. Казани были заданы вопросы: что представляет собой персональный пакет, и из каких средств он берется? (Т. Каплева, Зиатдинов). Когда перестанут платить «кубышки» высшим чиновникам, а они годами получают и молчат, хотя знают, что это народные деньги? Когда будут решать по-настоящему сокращение госаппарата, неужели думают, что государство держится на них, а не на народе? (рабочий завода а/я 387 Михайлов). В одной из записок содержалось конкретное предложение «устранить излишества» в оплате труда: «У нас есть категория

[1] Далее цитируются вопросы из материалов докладных записок ОК КПСС ТАССР в ЦК КПСС о ходе обсуждения итогов XX съезда КПСС [6].

работников, которая получает очень высокие оклады – по 10–15 тысяч рублей и более (министры и др.)… Надо навести в этом деле порядок, устранить эти излишества, тогда высвободится порядочная сумма денег для пенсионеров и малооплачиваемых». Инженер «Казэнерго» Каршев (член КПСС с 1918 г.) на собрании партактива Бауманского района г. Казани напомнил, что коммунисты, в том числе и старые члены партии, которые реабилитируются, ни за что просидев в тюрьмах по 18 лет, под старость лет не получат профсоюзной пенсии, а те, кто путем пыток заставлял их давать ложные показания, ушли в отставку с погонами и получают пенсии по 3–5 тыс. руб. в месяц. Он призвал пересмотреть состав сотрудников органов госбезопасности, которые активно участвовали в следствии 1936–1938 гг. Это выступление было встречено аплодисментами, всеобщим одобрением присутствующих [6, л. 68].

В отдельную группу можно выделить вопросы, поднимавшие непосредственно тему свободы слова и соблюдения принципов правдивости и объективности советской печати. Рядовые коммунисты хотели знать: если Сталин не был на фронтах Великой Отечественной войны, почему его фотографии были помещены в кино и газетах о боевых действиях? Или наша пресса продажна? Будут ли опубликованы в нашей печати отклики иностранных государств о культе личности? Будет ли действительно осуществлена свобода слова в печати? Наши газеты пишут только хвалебные материалы? Почему в печати было сообщено, что Орджоникидзе умер после тяжелой болезни? Как считать авторов книг, кино, статей, которые восхваляли Сталина?

Одной из активно обсуждаемых тем на этих партактивах были права автономных республик, точнее их ограниченность по сравнению с правами союзных. Писатель Гази Кашаф неожиданно для всех, говоря о том, что мешает творческой работе писателей Татарии, высказался об ограниченности прав автономных республик: «…наши возможности порою ограничены по сравнению с союзными республиками… Нам особенно радостно, что партия вновь вплотную занимается этими вопросами и расширила права национальных республик. Мне кажется, рано или поздно, ЦК нашей партии займется вопросом возможности преобразования Татарии в союзную республику» [6, л. 70].

Показательно, что обсуждение доклада, прошедшее в парторганизациях Татарии в марте 1956 г., стало толчком для более строгого пересмотра их собственной деятельности. В результате, в 4133 первичных партийных организациях республики работа бюро и секретарей была признана удовлетворительной, в 99 первичных организациях – неудовлетворительной, в 1621 первичной организации сменили секретарей, в том числе 722 секретаря не были выдвинуты на собраниях и 46 секретарей забаллотированы во время голосования [6, л. 116].

Критические настроения в обществе, имевшие место после обсуждения доклада Хрущева в автономных республиках Поволжья, заставили власти усилить бдительность местных партийных и карательных органов. В качестве прямого руководства к действию стало закрытое письмо ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов».

После бурных событий в Москве и здесь под особым контролем – представители творческой и научной интеллигенции. Какие же нарушения попадают в поле зрения блюстителей советской идеологии тех лет? В справке

об антисоветских проявлениях на территории Чувашской республики, составленной для обкома партии Чувашской автономной Республики отделом агитации и пропаганды с октября 1956 г. по 15 января 1957 г. [7], перечисляются следующие «нарушители»: студент Чебоксарского художественного училища Мазуров на уроке истории искусств выступил против метода социалистического реализма в искусстве (расцвет авангардизма, выставка в манеже в Москве…). Учитель географии Балдаевской средней школы Ядринского района Чувашской республики Григорьев А. Ф. выступил перед началом родительского собрания с лекцией «Экономика США. Международное положение», говорил о недостатках экономики СССР, которые якобы скрываются от народа, и в лучшем свете – об экономике капиталистических стран и т.д.

Противоречивость хрущевской «оттепели» проявляется и здесь: с одной стороны – небывалые активные международные контакты, переговоры и поездки Н. Хрущева и других членов правительства за рубеж, новые международные экономические и торговые связи Советского Союза, с другой стороны – непримиримая политика советского государства по отношению ко всем зарубежным источникам информации, на которых не может распространяться коммунистический идеологический диктат.

Советское общество десятилетиями существовало в изолированном от внешнего мира пространстве и не имело возможности узнать подлинной правды о жизни за рубежом. Официальные каналы информации жестко контролировались. В качестве примера можно привести случай, когда в марте 1960 г. преподаватель английского языка средней школы г. Умары Чувашской Республики В. Ф. Румянцев обратился в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами с просьбой помочь ему наладить переписку с английскими преподавателями [8, л. 19]. Данная организация, чья деятельность контролировалась по линии КГБ и МВД СССР, сообщила об этом обращении в Чувашский обком партии, откуда получила резолюцию секретаря обкома А. Иванова, который посчитал переписку чувашского учителя со своими зарубежными коллегами «нецелесообразной» [8, л. 18].

На страницах центральных газет постоянно помещались корреспонденции зарубежных собкоров и подборки материалов из зарубежной прессы, но и те, и другие проходили жесткую цензуру, и, конечно же, их главной целью была пропаганда советского государства и идеологии. Так как эта «отфильтрованная» информация для рефлексирующей, думающей части общества была малоинтересна, искались другие источники информации.

Как точно замечает И. И. Засурский, «граждане СССР научились предъявлять серьезные требования к советской системе, которые во многом подпитывались образами «общества всеобщего благосостояния», из-за рубежа, в том числе программами радио «Свобода», «Би-би-си», голливудскими и французскими фильмами и т.д.» [9, с. 21].

Летом 1957 г. в свой первый рейс вокруг Европы отправился советский теплоход «Грузия» – событие для Советского Союза знаменательное. Это были первые советские круизы, и их участниками стали далеко не рядовые граждане Советского Союза. Среди них оказался, например, заместитель редактора газеты «Удмуртская правда» А. И. Писарев. По возвращению в Ленинград его и сотрудницу столичного искусствоведческого журнала Г. Е. Запасник задерживают органы цензуры, при задержании конфисковываются «22 иностранных реакционных и порнографических издания», о чем началь-

ник Главного Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР П. Романов (21 июня 1957 г.) сообщает в ЦК КПСС [10, л. 53], обращая внимание на то, что некоторые советские туристы, выезжающие за границу, привозят в СССР иностранные журналы и газеты. У Г. Е. Запасник было изъято издание «Ночи Бродвея»[1] – «200 порнографических фотографий», у А. И. Писарева – итальянские журналы «Alta Tensione» и «Висто», парижский журнал «Париматч» и бельгийская газета «Ле сувар». «Бельгийская реакционная газета «Ле сувар» очень часто публикует антисоветские материалы и закрыта для общественного пользования в Советском Союзе», – пишется в сообщении П. Романова.

Реакция отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР последовала незамедлительно – в известность о случившемся ставится секретарь Удмуртского обкома партии Л. Ф. Игнатьев с указанием рассмотреть вопрос А. И. Писарева на бюро ОК КПСС [10, л. 54]. Серьезность инцидента усугублялась тем, что фигурант являлся заместителем по сути главной газеты Удмуртской Республики, трибуны Удмуртского обкома партии. А как говорил Н. Хрущев на партактиве в Москве, состоявшемся в июле 1957 г., что «мы не можем отдавать органы печати в ненадежные руки, они должны находиться в руках самых верных, самых надежных, политически стойких и преданных нашему делу работников» [11, с. 39]. Итогом обсуждения на бюро стало снятие А. И. Писарева с руководящей должности. Такая расплата ожидала советских журналистов даже за проявление сугубо профессионального интереса.

«О вреде слушания враждебных радиопередач и некритическом отношении к их содержанию» – так назывался доклад заместителя председателя Комитета госбезопасности Чувашской автономной Республики <?> Репкина, с которым он выступил на Республиканском совещании по идеологическим вопросам 29–30 января 1962 г. [12, л. 157–166]. По его словам, под влиянием зарубежных радиопередач советские люди идут на преступления, которые квалифицируются как «измена Родине». Им приводились следующие примеры: токарь электроаппаратного завода товарищ Иванов вел антисоветскую агитацию среди рабочих завода, допуская «открытые нездоровые выпады», а затем написал письмо в соответствующие инстанции с просьбой разрешить ему выехать в США. Одна из студенток Чувашского сельхозинститута на почве увлечения чтением журнала «Америка» «допускала политически вредные суждения, порочащие общественный и государственный строй СССР». В беседах со студентами она в духе буржуазной пропаганды возносила пресловутый американский образ жизни, в то же время охаивала мероприятия ЦК КПСС в области сельского хозяйства, клеветала на видных советских писателей. «Она договорилась даже до того, что с удовольствием работала бы в колхозе, если бы хозяйство принадлежало лично ей, как фермерам в Америке» [12, л. 162]. Репкин остановился также на увлечении молодежи зарубежной музыкой: «Некоторая часть нашей молодежи, не имея представления о серьезной музыке, увлекается слушанием этой разнузданной дребедени…» [12, л. 162].

[1] Скорее всего, речь шла о кинематографическом проспекте или альбоме фотографий, запечатлевших наиболее яркие эпизоды из знаменитого американского немого фильма «Ночи Бродвея», снятого в 1927 г. Одну из ролей (роль танцовщицы) исполняла Барбара Стэнвик – популярная американская актриса 30–40-х гг.

Для получения полной картины о состоянии свободы слова в период хрущевской «оттепели», на наш взгляд, необходимо обратиться к показателям репрессивной практики тех лет. По подсчетам В. А. Козлова, в 1957 г. количество осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду и за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, было равно 1964 человекам, в 1958 г. – 1416, в 1961–1965 гг. – 1072. Как отмечает историк, социально-психологический портрет так называемого массового антисоветчика «неясен и размыт, растворен в абстракции «народ» [2, с. 95]. Он приводит убедительные данные (табл. 1), свидетельствующие о том, что наибольший рост недовольства продемонстрировал рабочий класс – доля осужденных рабочих в 1957 г. резко выросла и достигла 46,8 % от общего количества. Второе место занимают служащие и крестьяне. Устойчиво высокую долю осужденных давали единоличники, кустари, лица без определенных занятий (в 1957 г. – 15,7 %). Больше трети из них составляли прежде судимые (39,4 %), из них 1,1 % были твердыми противниками режима – имели в прошлом судимость за антисоветскую агитацию и пропаганду, а после реабилитации вновь попадали под суд. Большинство осужденных антисоветчиков, как считает В. А. Козлов, представляли народный политический «андеграунд» [12, с. 95].

Таблица 1

Доля представителей различных социальных групп среди осужденных за контрреволюционные преступления (в процентах) [12, с. 100]

Социальные группы	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.
Рабочие	33,9	30,1	32,9	46,8
Служащие	20,3	24,9	24,1	18,3
Колхозники	16,7	18,5	13,4	9,9
Прочие (крестьяне-единоличники, кустари, лица без определенных занятий)	29,1	26,5	29,6	25,0

С нашей точки зрения, это касается прежде всего массовых проявлений народного возмущения не в центре страны, а в его провинции – например, в тех же республиках Поволжья, чье население (с большой долей занятости в сельском хозяйстве) в полной мере «хлебнуло» плачевные результаты хрущевских реформ. Если в столичных городах Советского Союза активность протеста и свободомыслия проявляли прежде всего представители творческой и научной интеллигенции, то на периферии это был в полном смысле глас народа.

Обратимся к анализу аннотированного каталога личностей, которые были осуждены с 1957 по 1964 г. по 58/10 статье. Приведем конкретные факты, позволяющие выделить наиболее типичные случаи. Отдельную группу составляют те, кто оказался «под влиянием иностранных радиопередач». Например, Я. З. Набхин – учитель школы рабочей молодежи г. Белорецка Башкирской Республики, бывший «на крючке» у органов с 1940 г., в 1953 г. арестован за то, что слушал и пересказывал иностранные радиопередачи[1]. Инженер-

[1] Далее приводятся данные по кн. 58/10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991 гг. [13].

проектировщик конструкторского бюро из Чувашской АССР В. И. Шелухин «неоднократно среди своего окружения пересказывал содержание радиопередач «Голоса Америки», «Би-Би-Си», «Свободной Европы» – осужден в 1957 г. В 1961 г. был задержан 18-летний студент химико-технологического техникума, родом из деревни Янга Тормыш (Новая жизнь) Арского района по такому же обвинению: «Под влиянием иностранных радиопередач пытался изменить родине».

Огромное количество осужденных получили наказание «за разговоры». Тот же Козлов называет их наивными людьми, которые критиковали власть открыто, полагая это нормальным. С нашей точки зрения, эта «наивность» была спровоцирована тем, что в это же время власть громогласно поддерживала и одобряла критику с мест, стимулировала развитие народной журналистики. «Критика и самокритика – важнейший метод нашей печати» – такой лозунг провозглашался на всесоюзных съездах журналистов [14]. «Советская печать – подлинно свободная и действительно народная печать. В этом ее коренное отличие от буржуазной печати» [15]. По большому счету рабселькоровское движение, получившее в период оттепели небывалый размах, входило в определенное противоречие с репрессивной политикой тех лет. Разрешалось критиковать местные органы, хозяйственные структуры, но абсолютно не допускалась критика первых лиц и политики партии и правительства.

Так, колхозник из Куличинского района Удмуртской Республики Е. Ф. Бывальцев был осужден за критику материального положения трудящихся в СССР, политику хлебозаготовок, налоги с бездетных граждан, за злобные выпады против руководителей советского правительства. В ресторане станции Рузаевка Куйбышевской железной дороги (Мордовия) А. С. Митронин ругал правительство: дескать, советский строй давно пора сменить, но его защищают и не дают народу высказывать свое мнение. Рабочий Башкирской АССР, дважды судимый (в том числе по 58-й статье) Г. Е. Широбоков в строительно-монтажном поезде неоднократно ругал коммунистов. Рабочий завода ЭВМ (г. Казань) А. Г. Гилязутдинов 5 апреля 1957 г. в поезде Адлер–Москва нецензурно ругал правительство. 1–2 июля 1957 г. некий Алексеев В. А., содержащийся в доме инвалидов в г. Елабуга ТАССР, следуя на пассажирском пароходе по маршруту Москва–Горький, называл коммунистов советскими буржуями, нецензурно ругал Хрущева и Булганина, говорил, что они не думают о народе, получают громадные деньги, имеют большие квартиры, дачи, и о народе им думать не приходится. Рабочие также завода ЭВМ в Казани А. Г. Ярошенко и П. П. Антонюк 23 января 1957 г., явившись на работу в нетрезвом состоянии, говорили о снижении заработной платы, о преимуществах капиталистического строя, об отсутствии в СССР свободы слова, демонстраций и выборов, членов правительства называли «кучкой».

Сознательными оппонентами власти В. А. Козлов называет только авторов листовок, различных писем, антисоветских анонимок. И с этим трудно не согласиться. Люди, перешедшие от стихийного анализа ситуации в стране и внутреннего, на уровне каких-то личных переживаний, несогласия с политикой правительства к протесту, сформулированному в конкретных словах, выражениях, призывах, представляли реальную опасность для существовавшего строя. Примеры достаточно красноречивы. Среди них особое место занимают протестные выражения людей, уже отбывавших на тот момент заключение. Так, в 1958 г. были осуждены вторично заключенные Дубравного

ИТЛ Мордовской Республики (по статьям 54-10 и 58-10) Гидони А. Г., Луговой Б. А., Милинкин О. А., Жуков, Лупинос А. И., Пилекалис А. А., создавшие на территории лагеря антисоветскую организацию. В сентябре 1957 г. ими же создается забастовочный комитет, который издает листовки, транслирует радиопередачи, в которых звучат воззвания – не выходить на работу, в письмах к студентам вузов – призыв поддержать их. Осуждены 3 февраля 1958 г. Н. А. Куров, также заключенный в г. Потьма Мордовской Республики в 1959–1961 гг., среди заключенных «ругал Хрущева, читал антисоветские стихи «Мне бы топор вместо пера» и «Проснись, Ильич», песни про Хрущева, в которых высказывается пожелание, чтобы товарища Хрущева посадили в спутник и отправили вместо собаки», написал письмо Хрущеву с нецензурной бранью.

Национальная тема была в числе самых обсуждаемых. Украинка М. Д. Харюк, высланная в Удмуртскую Республику из Черновицкой области, говорила, что русские разорили украинский народ (5 ноября 1954 г.). А. Я. Бердичевский – главный инженер завода (Башкирская АССР) обвинял советскую власть в притеснении евреев. У А. П. Гечене (национальность – литовка), также заключенной одного из ИТЛ Мордовской АССР, в декабре 1957 г. были изъяты 19 тетрадей – дневниковые записи, которые она вела в 1956–1957 гг., в них немало места было отведено выселению литовцев в 1941 г.: «Я иду только по одному пути и смотрю прямо в глаза большевикам, и говорю им, что я пойду против вашего строя до тех пор, пока я буду живая».

Отдельно остановимся на письмах, которые люди в большом количестве писали в средства массовой информации и различные органы власти. Народное письмотворчество стимулировалось партией, считавшей письма с мест барометром советского общества. Из этих соображений особая роль отводилась письмам трудящихся в газеты. Нередко письма адресовались всенародно любимым дикторам, писателям и поэтам, чьи выступления во время Великой Отечественной войны поддерживали дух советского народа, им доверяли и верили. В органы власти, конкретным представителям правительства и партии адресовались письма чаще анонимного характера.

Заключенный одного из ИТЛ Мордовской АССР Н. В. Пятых послал два письма в «Правду» и «Советскую Мордовию» с сочиненным им стихотворением «Сон солдата». Содержание следующее: «...часовому у мавзолея снится, что Ленин со Сталиным вышли из гроба прогуляться, разверзлась земля, и на Сталина набросились все его жертвы и утащили на адские муки, а Ленин услышал «незримый глас», объявлявший его виновником во всех преступлениях коммунистов». Слесарь из Йошкар-Олы Марийской Республики, студент-заочник юридического факультета Казанского университета П. А. Долгачев в январе 1962 г. послал в редакцию «Советской Татарии» две листовки «Обращаемся ко всему российскому народу!», впоследствии у него изъяты «Манифест и наши задачи» и другие антисоветские документы (дата передачи дела в суд – 28 марта 1962 г.). Служащий фабрики книгопечатания им. Камиля Якуба, бывший журналист Г. Х. Сафиуллин за период с 1948 по 1956 г. направил в ЦК КПСС и редакции газет ряд анонимных писем, в которых «охаивал» материальное положение трудящихся. Электромонтер из Бугульмы А. И. Бородин (также прежде судимый) в 1961 г. написал три анонимных письма – Хрущеву, Председателю Президиума Верховного Совета РСФСР и диктору радио Левитану. В них «клеветнически отзывался о гото-

вящемся XXII съезде КПСС и указывал, что к съезду «они убьют сотни три коммунистов». Два воззвания, в которых «высказывал клевету и призывал к свержению советского правительства, изготовил при помощи вырезанного им резинового клише в декабре 1961 г. Н. А. Никитин из ТАССР. Письма с критикой КПСС, советской власти и советской действительности, призывами к восстанию, забастовкам и к свержению советской власти рассылал в центральные и местные партийные советские органы крестьянин-единоличник Ибресинского района Чувашской АССР И. Е. Чернов (осудили 25 мая 1959 г.). В 1957–1958 гг. анонимные письма в ЦК КПСС, правительство и другие органы разослал студент Глазовского сельхозинститута Удмуртской АССР П. В. Шутов – в них он угрожал руководителям страны и выступал в защиту антипартийных групп. Бывший военнослужащий, участник войны, диспетчер автотранспортной конторы Чувашской АССР В. Д. Тихонов написал в Президиум Верховного Совета СССР два анонимных письма с бранью в адрес Хрущева.

Писатель из Мордовской АССР В. И. Зуев в 1957 г. привлекался к ответственности за то, что в 1956 г. направил ряд заявлений австралийскому послу, в Верховный Совет СССР, Хрущеву и др. Он писал о своем желании принять гражданство капиталистической страны, о трудностях в быту и в творчестве – в издании своих произведений. В 1963 г. написал письмо в посольство Китая с критикой политики КПСС, распространял среди своих знакомых песенки: «Вступайте в партию» и «Гимн КПСС». Перу Зуева принадлежит, в частности, следующее стихотворение:

Не рабочие мы и не пахари,
Не творили мы геройств и чудес,
Проститутки мы, воры и хахали,
Члены партии КПСС.
Эта власть нам не богом дадена,
Шею сам нам подставил народ.
Пусть кричит, что мы (нецензурное слово) и гадины.
Коммунисты, вперед!

Практика принудительного психиатрического лечения осужденных по статье 58-10 существовала и ранее, не прекратилась она и в дальнейшем. Причем судьбы людей заканчивались порой трагически. Так, в 1956 г. был осужден плотник, бригадир строительно-монтажного поезда М. И. Заголюк за то, что вел дневники антисоветского содержания. После попытки суицида он был направлен на принудительное лечение в Казанскую психбольницу, где 24.09.1957 г. скончался. П. О. Вашурин (п. Васильево ТАССР) – слесарь-механик, охранник ремонтно-прокатной базы «Казтранстрой» – осужден за изготовление и распространение антисоветских документов, за написание нескольких анонимных писем от имени советского народа, в которых выражал несогласие с политикой КПСС. Вашурин также был отправлен на принудительное лечение.

Таким образом, границы свободы слова в годы хрущевской «оттепели» четко очерчивались коммунистической идеологией. Наметившаяся в начале «оттепели» иллюзия духовной свободы столкнулась с карательной политикой партии и государства, которые охраняли информационные границы Советского Союза. Это касалось не только отношения к зарубежным радиостанциям и большинству печатных изданий капиталистических стран. Серьезным

государственным преступлением считалось любое высказывание или действие, не вписывавшееся в идеологические постулаты советского строя. Борьба с антисоветчиками в провинциальных районах в общих чертах повторяла репрессивную ситуацию в центре страны, однако были и свои особенности, касающиеся контингента осужденных. Так, автономные республики Поволжья дали большой процент репрессированных рабочих и крестьян.

Список литературы

1. Источник. – 1995. – № 6.
2. **Козлов, В. А.** Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 года / В. А. Козлов // Отечественная история. – 2003. – № 4. – С. 93–111.
3. **Фромм, Э.** Бегство от свободы / Э. Фромм. – М. : Прогресс, 1990. – 272 с.
4. **Косырев, Д.** Никита Хрущев: третий приговор истории / Д. Косырев // РИА Новости. – URL: http://www.rian.ru/analytics/20091014/188797902.html
5. Докладные записки в ЦК КПСС о ходе обсуждения итогов XX съезда КПСС. – Центральный Государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (далее – ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 6. Д. 4595.
6. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 4595.
7. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. 1. Оп. 26. Д. 255. Л. 146–153.
8. ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 28. Д. 8.
9. **Засурский, И. И.** Массмедиа второй республики / И. И. Засурский. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 272 с.
10. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 556. Оп. 15. Д. 19.
11. Высокое призвание литературы и искусства. – М. : Правда, 1963. – 248 с.
12. ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 28. Д. 356.
13. Аннотированный каталог. Серия: Россия XX век. Документы. – М. : Международный фонд «Демократия», 1999. – 944 с.
14. Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза // Правда. – 1959. – 15 ноября.
15. Испытанные помощники партии. Первому Всесоюзному съезду советских журналистов // Правда. – 1959. – 13 ноября.

Даутова Резида Вагизовна
кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и практики электронных средств массовой информации, Казанский (Приволжский) федеральный университет им. В. И. Ульянова-Ленина

Dautova Rezida Vagizovna
Candidate of historical sciences, associate professor, sub-department of theory and application of electronic mass media, Kazan (Volga region) Federal University named after V. I. Ulyanov-Lenin

E-mail: RVagiz@yandex.ru

УДК 07(94)«1953/64»

Даутова, Р. В.

Границы свободы слова в годы хрущевской «оттепели» / Р. В. Даутова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 43–54.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1/14+17

Э. Е. Гордова

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ ЭТИКИ БИЗНЕСА

Аннотация. Статья посвящается анализу основных идейно-методологических подходов к рассмотрению вопросов, связанных с этикой бизнеса. Анализируются следующие этико-философские учения: утилитаристская философия, деонтологическая философия, теория справедливости.

Ключевые слова: этика бизнеса, утилитаризм, деонтологизм, теория справедливости.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main ideology – methodical approaches to the problems dealing with the ethics of business. Three approaches are described on the basis of the views of outstanding philosophers facing the mentioned problem. The approaches are: the utilitaristic and deontic approach and the approach of justice.

Keywords: ethics of business, utilitarianism, deontologizm, theory of justice.

Целью данной статьи является определение философских контекстов и методологических оснований этики бизнеса. Исходя из этой цели, считаем необходимым рассмотреть влияние на этику бизнеса таких этико-философских учений, как утилитаризм (И. Бентам), деонтологизм (И. Кант), теория справедливости (Д. Ролз).

Этика бизнеса, содержание которой определяется и мотивируется ценностными категориями долга, пользы, справедливости, как профессиональная этика имеет свои философские и методологические истоки, которые восходят прежде всего к этике утилитаризма. Этика утилитаризма – субъективно-идеалистическая теория морали, основное содержание которой сводится к эгоистическим интересам и стремлениям человека к счастью. Стремление человека к счастью обусловлено тем, насколько возможно для него освобождение от страдания. Утилитаризм основывается на философии Просвещения, особенно на философских взглядах Гельвеция и Гольбаха, в которых утверждается приоритет счастья как основной категории, определяющей смысл и содержание человеческой жизни и в рамках борьбы за свободу, которую должны гарантировать хорошо функционирующая государственно-правовая система, соответствующая идеалам разума и справедливости.

Английский философ Джон Стюарт Милль, один из виднейших представителей утилитаризма, известен тем, что систематизировал категориальную систему моральной философии и представил методологическое обоснование утилитаризма. В известной степени Милль исходит из того, что мораль определяется конечной (высшей) целью человека. Моральная философия как обоснование достижения человеком счастья представлена им как «такие правила для руководства человеку в его поступках, через соблюдение которых

доставляется всему человечеству существование, наиболее свободное от страданий и наивозможно богатое наслаждениями» [1, с. 698]. При этом Милль утверждает, что теория утилитаризма направлена против эгоизма, т.е. против такой точки зрения, согласно которой добро заключается в удовлетворении человеком только личного индивидуального интереса. Согласно его точке зрения, необходимо в каждом конкретном случае поведения индивида определять, насколько удовольствие или выгода содействуют достижению высшей цели, т.е. общему счастью. На этом же основывается оценка различных социальных явлений и событий.

Джереми (Иеремия) Бентам, один из крупнейших представителей утилитаризма, вслед за Миллем, считает, что в основе морали лежит общее благо, которое понимается им как счастье для большинства людей. Счастье, по Бентаму, – общее благо или общая польза, которая, безусловно, отличается от корысти или личной выгоды. Формула общего блага – «наибольшее счастье наибольшего числа людей» – была известна раньше, однако именно Бентам придал ей принципиальное значение. Согласно Бентаму, необходимо довольствоваться только констатацией того, что «природа отдала человечество во власть двух монархов, наслаждений и страданий. Они управляют нами во всем, что мы делаем, что мы говорим, что мы думаем. Словом, человек может делать вид, что он борется с ними, но по существу он всегда останется им подчиненный» [2, с. 19]. Бентам считал, что понятия «добро» и «зло» на самом деле подразумевают акты, приятные или приносящие удовольствие. Таким образом, Бентам идентифицирует добро и удовольствие, зло и страдание. Следовательно, наибольшее количество добрых деяний обозначает большее количество удовольствий, соответственно, чем меньше злодеяний, тем меньше страданий.

Можно сказать, что в утилитаризме присутствует определенная двойственность, включающая в себя утилитаризм действия и утилитаризм правила. Утилитаризм действия требует определить все предлагаемые последствия какого-либо действия, что явно невозможно сделать сколько-нибудь точно. Утилитаризм правила требует учесть общие последствия того вида действий, к которому относится данное конкретное действие, а это обычно вполне возможно, поскольку накоплен большой объем общественной информации относительно различных видов действий [3, с. 121]. Действия осуществляются обычно в общественной среде, и именно они представляют наибольший интерес в этике бизнеса. Даже тех, на кого действия оказывают лишь отдаленное влияние, включая сюда бизнес и общество в целом, следует идентифицировать, и их всех необходимо принимать во внимание при оценке последствий того или иного действия. Таким образом, второе направление, а именно утилитаризм правила, является доминирующей формой современного утилитаризма. Его суть сводится к тому, что ценность действия определяется его соответствием совокупности правил, принятых в обществе и являющихся условием возвышения общего блага. Применение принципа утилитаризма вовсе не обеспечивает автоматическое решение каждой возникшей проблемы. Оно требует размышления, анализа и беспристрастного учета фактов и их последствий. Согласно теории утилитаризма, любое действие следует оценивать по его последствиям, сопоставляя хорошие и плохие результаты для тех, кого оно касается. Когда хорошее превышает плохое, такое действие склонны считать положительным; а если плохое превышает хорошее, это действие оценивается как отрицательное.

Деонтологическая этика, вслед за утилитаризмом, является тем этико-философским учением, которое оказывает безусловное влияние на формирование этики бизнеса. Деонтологическая этика – это этика долга, поэтому ее центральной категорией является категория должного, которая оказывает влияние на содержание нравственных требований к человеку, моральную мотивацию нравственной деятельности и т.п. Моральное сознание включает в себя не только ценностную составляющую, но и побуждения чувствовать, мыслить и, разумеется, действовать в определенном направлении, заданном высшими моральными ценностями, нравственными нормами. Долг – это высшее морально-ценностное свойство человеческого сознания, побуждающее человека к моральному действию. В профессиональном плане также существует понятие долга, например, долг руководителя, долг врача, воинский долг. Профессиональный долг определяется ценностными характеристиками должного, в основе которого – совокупность обязанностей, предъявляемых обществом к личности. Однако моральное поведение осуществляется не автоматически. Поэтому долг (должное) включает в свое содержание понятие ответственности перед другими людьми, обществом, перед самим собой. Таким образом, в долге фокусируется отношение человеческой личности к другим, к обществу в свете высших моральных ценностей.

В своем учении о долге И. Кант определяет высшую значимость человека как автономной личности, придавая его жизни особое, ценностное содержание и смысл. В этом смысле Кант пытался разрешить дуализм чувственно воспринимаемого и умопостигаемого миров, примирить необходимость и свободу, волю и автономию субъекта, а главное – сделать человека субъектом морального закона, исходя из постулата о высшем назначении человека [4, с. 45]. Философ дает классическое философское определение деонтологического подхода, влияние которого очень велико, так как ориентирует человека и общество на моральные ценности и недопустимость пренебрежения ими во имя эгоистических интересов. Согласно Канту, общественная мораль должна основываться на соблюдении долга: человек должен по отношению к другим людям проявлять себя как разумное, ответственное и соблюдающее моральные правила существо. Человек может определяться в своей воле субъективно, т.е. произвольно выбирать себе правила совершения поступков. Субъективные правила воления Кант называет максимами. Максима является моральной, если она согласована с нравственным законом и определена человеком на основе осознания им нравственного долга. В отличие от субъективного принципа, объективный принцип задается разумом и потому является велением. Объективный принцип веления Кант называет императивом. Он подразделил все императивы человеческого поведения на два класса: одни из них повелевают гипотетически, другие категорически. Гипотетические императивы можно назвать относительными, условными. Они говорят о том, что поступок хорош в каком-то отношении, для какой-то цели. Поступок оценивается с точки зрения его возможных последствий. Категорический императив предписывает поступки, которые хороши сами по себе, объективно, без учета последствий, безотносительно к какой-либо иной цели. Только категорический императив можно назвать императивом нравственности. Поэтому можно сказать, что особенность этого императива заключается в том, что он не ориентирует на какую-либо цель, но требует определенного рода поведения самого по себе, – это и есть моральный закон.

Категорический императив выражается в различных формулах, принципиально значимыми являются три его формулы. Первая формулировка категорического императива гласит: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». То есть, поступая определенным образом в отношении конкретного лица, человек как бы предполагает, что он поступил бы таким же образом в отношении любого другого лица, и в отношении него любое другое лицо поступило бы так же. Человек по своей воле утверждает правило, которое становится «всеобщим законом». Вторая формулировка категорического императива Канта запрещает рассматривать других людей как средство для достижения собственных (пусть даже самых высоких) целей: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относись к нему только как к средству». У человека всегда есть сильное искушение для воплощения каких-либо планов использовать других людей как средство, и, к сожалению, в бизнесе это особенно частое явление. Так, например, если предприниматель рассматривает своих работников только в качестве средства для добывания прибыли или только в качестве механизма для достижения желаемого, он относится к ним безнравственно. Никто не имеет права манипулировать другими как орудием ни от своего имени, ни от имени общества. Согласно третьему практическому принципу категорического императива, воля «должна быть не просто подчинена закону, а подчинена ему так, чтобы она рассматривалась так же, как самой себе законодательствующая и именно лишь поэтому как подчиненная закону (творцом которого она может считать самое себя)». Следовательно, категорический императив – не просто всеобъемлющий закон нравственности, а такой всеобщий закон, который задает себе сам разумный индивид. Таким образом, разные формулы категорического императива раскрывают разные аспекты одного и того же закона, делают его более доступным для восприятия.

И. Кант предлагал также, опираясь на категорический императив, изменить жизнь людей в обществе, создать новый «этический общественный строй». Он считал, что люди живут как бы в двух измерениях: во-первых, среди регламентаций и установлений – в государстве; во-вторых, в процессе своей жизнедеятельности в обществе – в мире морали. Мир, официально регламентируемый государством и церковью, он не считал истинно человеческим миром, так как такой мир, по его мнению, основывается на обманах и пережитках животных влечений в человеке. Только общество, в котором поведение людей будет регулироваться добровольным исполнением моральных законов, и прежде всего категорического императива, может дать истинную свободу человеку. Кантовская этическая система являет собой высший образец этического абсолютизма. Абсолютизм этики Канта подчеркивается утверждением, что человек имеет моральное право на поступок, только будучи уверен, что в результате не произойдет ничего плохого. Человек должен сознавать, что он поступает справедливо, только тогда его действия морально обоснованы. И все же, несмотря на некоторые трудности применения кантовского подхода к конкретным ситуациям деловой жизни, значение этической теории И. Канта для этики трудно переоценить.

Третий подход к проблемам этики деловой жизни связан с использованием категории справедливости. Этика справедливости исходит из положе-

ния, что люди по своей природе являются общественными существами, которые должны жить в обществе и создавать социальные структуры для поддержания его функционирования. Основными ценностями этого учения являются человеческое равенство и справедливость. Вследствие этого моральный долг, как он понимается в этике справедливости, – это подчинение закону, который должен быть одинаков для всех, принятие справедливых законов, отсутствие дискриминации и привилегий.

Существуют два значения понятия справедливости – общая и частная (специальная) справедливость. Это разграничение было введено Аристотелем. Под общей справедливостью Аристотель понимал соответствие закону, разумность полисной жизни; ее можно определить как общий нравственный знаменатель всех социально упорядоченных отношений между людьми, последнюю нравственно-апелляционную инстанцию в общественных делах. Специальная, или частная, справедливость есть нравственно санкционированная соразмерность в распределении благ и зол (преимуществ и недостатков, выгод и потерь) совместной жизни людей в рамках единого социального, государственно-организованного пространства, степень совершенства самого способа кооперирования деятельностей и взаимного уравновешивания конфликтующих интересов в обществе и государстве. Общая и частная справедливость связаны между собой столь органично, что одна невозможна без другой. Они образуют два аспекта единой теории справедливости. Для построения этой теории существенно признание того, что индивиды рассматриваются в аспекте их совместной жизни как взаимно нуждающиеся друг в друге и потому равные между собой. «Справедливое по отношению к другому есть, собственно говоря, равенство» – это сформулированное Аристотелем положение является нравственно-правовым основанием справедливости. В этическом аспекте справедливость выступает как равенство в достоинстве быть счастливыми и в обладании необходимыми для этого благами [5, с. 457–458].

От Аристотеля идет традиция различения двух видов справедливости – распределительной (или воздающей, дистрибутивной) и уравнивающей (или направительной, коммутативной). Первая связана с распределением почестей, имущества и других материальных благ между гражданами или членами какого-либо сообщества. Здесь справедливость заключается в том, чтобы ограниченное количество благ было распределено по достоинству – пропорционально заслугам. Вторая связана с обменом, и справедливость призвана уравнять стороны, участвующие в обмене. Здесь достоинство лиц не принимается во внимание. При этом неважно, осуществляется ли обмен произвольно, как при разного рода сделках (хозяйственных или финансовых), где действие производится по воле участвующих в нем, или непроизвольно, как при разного рода тайных действиях (краже, убийстве, лжесвидетельствовании), или подневольно, как в случаях навязывания действий (ограбление, пленение, унижение) [6, с. 337–338].

Следует отметить, что уже в первобытном обществе проблема справедливости имела место при распределении добычи, урожая или же в случае нарушения отдельным индивидом устоявшихся правил общежития (воздаяние). Сознание справедливости включает в себя как чувство справедливости, так и определенное знание о должном, о справедливом. Как мы видим, категория

справедливости играла важную роль в этике Аристотеля, а также была основополагающей для таких мыслителей, как Дж. Локк, Г. Спенсер, П. Кропоткин и др. В современном представлении справедливость есть понятие, определяющее моральное сознание, выражающее благо, в их общем соотношении между собой и конкретное распределение между индивидами, а также должный порядок человеческого общежития, соответствующий представлениям о сущности человека и его неотъемлемых правах.

Р. Т. де Джордж выделяет разные виды справедливости. Компенсаторная справедливость заключается в компенсации кому-либо за совершенную по отношению к нему в прошлом несправедливость или в возмещении причиненного ему в прошлом ущерба. Возмездная (или карательная) справедливость выявляет наказание, которому подлежит нарушитель закона или преступник. Процедурно-правовая справедливость – термин, употребляемый для обозначения честно разработанных процедур, методов практической деятельности или честно достигнутых соглашений.

Коммутативная (обменная) справедливость относится к справедливости сделок. Распределительная справедливость предусматривает распределение – обычно государством – льгот, пособий и времени их финансирования [3, с. 175]. Поскольку коммутативная справедливость относится к справедливости сделок или обменов, она имеет огромное значение в бизнесе.

Понятно, что в справедливости нуждаются все, она полезна и является благом. Соответственно, справедливость – это понятие морали и права. Оно служит либо для оправдания существующих общественных отношений, либо для объяснения необходимости их изменения, утверждения ценности альтернативного образа жизни. Нельзя не согласиться с точкой зрения Е. Л. Дубко о том, что мораль – более гибкий механизм регуляции поведения личности. Ее влияние шире, чем влияние права. Морали известны и такие обстоятельства, которые с правовой точки зрения признаны второстепенными, например раскаяние в содеянном. Мораль же в отдельных случаях полагает, что цель (наказание) достигнута, коль скоро человек прошел через раскаяние, совершившее в нем внутренний переворот [7, с. 76]. Мораль в сравнении с правом представляется более гуманным способом разрешения противоречий и конфликтов. Нравственная справедливость апеллирует не к правовому закону, справедливости по закону, которая пресекает вредные действия и компенсирует ущерб потерпевшей стороне, а к человеческой совести и разумности. В то же самое время справедливость есть мера соответствия между содержанием того или иного поступка и его оценкой в общественном мнении. Недаром справедливость часто сопоставляют с объективностью, т.е. такой оценкой различных действий, отношений, распределений, при которой не выпячивается, абсолютизируется чей-либо интерес (другого частного лица, социальной группы и т.д.). Справедливость в первую очередь выступает как проблема равенства. Равенство – это отношение между людьми, в рамках которого они имеют одинаковые права на развитие творческих способностей, на счастье, уважение своего личного достоинства.

Самое простое содержание принципа справедливости заключается в требовании соблюдения равенства. Принцип справедливости требует, чтобы мы относились к другим так, как желаем, чтобы они относились к нам самим, и конкретизируется в следующих требованиях: «Не вреди», «Не обижай», «Не нарушай чужих прав». Следовательно, главное, что требуется принципом

справедливости, это – уважение прав и достоинства людей. Таким образом, равенство – это такой принцип, в соответствии с которым в обществе обеспечивается одинаковое социальное положение людей, принадлежащих к различным классам и социальным группам. Но существует также понятие неравенства, к которому можно отнести такие виды, как расовая или половая дискриминации. Основной вопрос по поводу неравенства как такового звучит следующим образом: какие причины или мотивы, вызывающие неравенство, следует считать злом? А основной вопрос о средствах борьбы с ним таков: какие методы уменьшения неравенства являются правильными? В случае сознательной расовой или половой дискриминации ответ найти легко. Мотивы и причины неравенства в этом случае злокачественны, поскольку злом является то, что совершают те, кто допускает дискриминацию. А средством – противоядием этому злу будет просто недопущение подобных действий. Но в иных случаях ответить на поставленный вопрос значительно труднее. Двумя основными источниками неравенства, как отмечает Т. Нагель, являются различия между социально-экономическими классами, к которым люди принадлежат от рождения, а также различия в природных способностях и талантах, необходимых для решения насущных жизненных задач [8, с. 71].

Популярная современная теория справедливости Дж. Ролза связана с исследованием прав и обязанностей, а также их компенсацией в условиях социального и экономического неравенства. В его теории справедливости понятия справедливости, равенства, неравенства сосредоточены в двух принципах справедливости. Первый принцип гарантирует каждому человеку равную свободу, в максимальной степени совместимую с такой же свободой для любого другого человека. Сущность его состоит в требовании необходимости защиты прав граждан от нарушений со стороны других лиц и в требовании равенства этих прав. Согласно второму принципу, в развитом обществе должны существовать элементы неравенства, однако должны предприниматься действия, направленные на улучшение имущественного положения наиболее нуждающихся граждан. То есть общество, руководя распределением, должно компенсировать неравенство, улучшать позицию каждого так, чтобы он получал выгоду от социального и экономического неравенства (например, финансировать бедных за счет богатых членов общества). Упомянутые выше два принципа, как кажется, могут быть тем искомым соглашением, на основании которого достраиваются лучшие условия, а более удачливые вправе ожидать добровольного сотрудничества со стороны остальных членов сообщества, ибо работающий механизм взаимодействия становится необходимым условием благоденствия всех членов общества.

В заключение необходимо отметить, что проблемы, существующие в этике бизнеса, настолько сложны и многообразны, что решить их, исходя из позиций только одного идейно-методологического направления, сложно. Только сочетание, синтез нескольких подходов, принципов, контекстов может вывести на четкое и корректное обоснование ее теоретических и практических проблем.

Список литературы

1. История этических учений : учеб. / под ред. А. А. Гусейнова. – М. : Гардарики, 2003. – 911 с.
2. **Куликова, Н. Н.** Этика утилитаризма и современная борьба идей / Н. Н. Куликова, Я. Медзгова. – М. : Изд-во УДН, 1986. – 168 с.

3. **Де Джордж, Р. Т.** Деловая этика / Р. Т. де Джордж ; пер. с англ. Р. И. Столпера. – СПб. : Экономическая школа ; М. : Издательская группа «Прогресс», 2001. – Т. 1. – 496 с.
4. **Долгов, К. М.** Иммануил Кант: критика вкуса и эстетическая критериология / К. М. Долгов // Вопросы философии. – 2005. – № 8. – С. 42–52.
5. Этика : энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. – М. : Гардарики, 2001. – 671 с.
6. **Гусейнов, А. А.** Этика : учеб. / А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян. – М. : Гардарики, 2000. – 472 с.
7. **Дубко, Е. Л.** Социальная справедливость / Е. Л. Дубко // Этическая мысль: науч.-публ. чтения. – М. : Политиздат, 1988. – 384 с.
8. **Нагель, Т.** Что все это значит? Очень краткое введение в философию / Т. Нагель ; пер. с англ. А. Толстова. – М. : Идея – Пресс, 2001. – 84 с.

Гордова Элла Евгеньевна
кандидат философских наук, доцент, кафедра истории, философии и культурологии, Новомосковский институт (филиал) Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева

Gordova Ella Evgenyevna
Candidate of philosophy, associate professor, sub-department of history, philosophy and culture science, Novomoskovsk Institute, affiliated branch of Mendeleyev Russian Chemical-Technological University

E-mail: gordova.ella@yandex.ru

УДК 1/14+17

Гордова,Э. Е.

Философско-методологические контексты этики бизнеса / Э. Е. Гордова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 55–62.

УДК 124.2

Ю. В. Маслянка

ЯЗЫК, ГЕНЕАЛОГИЯ И ГЕНЕРИРОВАНИЕ СМЫСЛА[1]

Аннотация. В статье исследуются внутренняя архитектура человеческой субъективности, генетические и функциональные аспекты смыслопорождения. Особое внимание уделяется языку как интегратору сознания, языковой коммуникации и апперцепции в процессах смыслопрочтения и смыслопорождения.

Ключевые слова: онтология субъективности, архитектура сознания, генерирование смысла, язык.

Abstract. The paper investigates the internal architecture of human subjectivity, genetic and functional aspects of sense. Particular attention is paid to language as an integrator of consciousness, language communication and apperception in the processes of the perception and origination of the sense.

Keywords: ontology of subjectivity, the architecture of consciousness, the generation of meaning, language.

Научный анализ природы сознания, в широком смысле, предполагает исследование его внутреннего интегрированного многообразия (включающего чувственный и логический уровни, бессознательное, собственно сознание, самосознание), снимающего содержание животной психики. На роль интегратора этого многообразия (человеческой субъективности) современная наука прочит язык (речь), интерпретируя данный феномен далеко не однозначно и крайне редко глубоко. С одной стороны, феномен языка приковывает к себе пристальное внимание со стороны различных философских направлений, психологии и других частных областей знания. Язык является центральным феноменом для современной когнитивистики, комплексных, междисциплинарных исследований человеческой субъективности. С другой – язык исследуется феноменально, поверхностно, растворяется в своих моментах, исчезает как целое. Это связано, во-первых, с набирающей силу (пост)структуралистской тенденцией интерпретации действительности, выражающейся в данном случае в сепаратизации и герметизации языка, деонтологизации и десубстанциализации языка, когда последний отрывается от человека, объективной и субъективной реальности. А во-вторых, в глубинном плане, это связано с теми объективными трудностями, с которыми столкнулась мировая философия, пытаясь обнаружить действительную сущность мира и человека, различных социальных феноменов (в том числе и языка). В итоге, опираясь на архаичные абстракции сущности мира и человека, материи и субъективной реальности, современные исследования впадают то в одну крайность, подчиняя мышление языку как сугубо физическому явлению (и отстаивая в тенденции сильную версию Искусственного Интеллекта), то в другую, нивелируя роль языка в развитии мышления, обладающего нередуцируемой субъективной онтологией.

В трактовке действительной сущности, предметности языка современная философия сталкивается с теми же трудностями, с которыми она сталки-

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта ЕЗН Минобрнауки «Создание концепции развития современной науки на основе теории единого закономерного мирового процесса» № 1.5.08.

вается, исследуя сущность человека в целом. Если в области конкретно-научных исследований языка диалектика знакового и смыслового (семиотического и семантического) планов анализа выглядит достаточно продуктивной, то в области фундаментальных философских исследований она, как представляется, заводит в тупик. Редукция материальной стороны языка как сущностной силы человека [1] к ее физическому, знаковому моменту, характерная для западной и отечественной когнитивистики, окончательно смещает интересы современных исследователей языко-мышления к субъекту, или субъективности (субъективной реальности) как активному началу речевой и когнитивной деятельности.

Идущая в русле упрощенной двумерной абстракции языка современная когнитивистика обнаруживает два плана психики человека – языковой и концептуальный. Концептуальный план, или концептосфера, является непосредственным, первичным планом человеческой психики, определяющим мышление и поведение человека. Это принципиально невербализуемое содержание психики. Языковой план, или семантическое пространство языка, является вторичным по отношению к концептуальному: здесь происходит своеобразное «упаковывание» когнитивных структур в структуры языковые. Языковая картина психики оказывается принципиально более бедной, ограниченной, вследствие своей отягощенности материей – языковым знаком [1, с. 159]. Как видно, парадоксальная абстракция языка и тесно связанная с ней проблема сцепления языкового знака (как физического, материального образования) и идеального образа здесь сохраняются в полной мере. При этом актуализируется еще одна проблема – проблема онтологического статуса языкового плана (содержания) психики. Как и в рамках философского субъективизма ответственным за мышление и поведение, усложнение социальной реальности в конечном счете оказывается некий гомункулус, самодетерминируемая чистая субъективность, что, конечно, заставляет задуматься о роли в этой «системе» языковых структур, «языковой апперцепции» [2, с. 31]. Зачем вообще здесь нужен языковой (логический) план мышления, если на уровне концептосферы (фактически дологического, чувственного мышления, бессознательного) мы имеем более содержательное, богатое отражение действительности? Таким образом, характерное для современной когнитивистики стремление глубоко исследовать комплекс языко-мышления (в чем собственно и состоит пафос этой парадигмы исследований субъективности) наталкивается на базовую установку старой метафизики и связанные с ней абстракции материи, сознания, человека.

Хитрость субъективных процессов генерирования, трансляции и восприятия языковых содержаний состоит, как представляется, в том, что они всегда идут одновременно на чувственном и логическом уровнях субъективности. На уровне чувственного, всегда у человека ослабленного, восприятия, отражения действительности фиксируется внешняя, физическая сторона языка, явление языка, несущее в себе, безусловно, и его сущность, сложное социальное содержание. На логическом уровне субъективности фиксируется содержание языковой коммуникации (сущность языка), произведенных человеком новых содержаний действительности, т.е. фактически новое материальное состояние человека-субстанции.

Таким образом, язык, понятый в контексте способности человека оперировать сущностями, генерировать сущности, быть «сущностной сердцеви-

ной мира», имеет две стороны – материальную, социально-материальную предметность человека (включая ее физические проявления), и идеальную, самотождественные состояния социальной предметности. В рамках материалистической парадигмы вторая в конечном счете определяется первой, новыми объективными состояниями социальной предметности. При феноменологическом и феноменальном (поверхностном) подходе к анализу языка его сущность, сущностное основание – материальный субстрат человека – всегда оказывается в тени, даже нивелируется, отсюда создается иллюзия самодетерминируемости, первичности идеальных содержаний психики, облекаемых затем в «языковую форму».

Естественный язык – это система физических объектов (прежде всего звуков), приведенных в процессе непосредственной предметной деятельности человека в фило- и онтогенезе в условное соответствие с определенными материальными состояниями человека (опосредованными идеальными, самотождественными состояниями социальной предметности). «Языковая апперцепция» (и шире коммуникация) как сложное социально-материальное (включая идеальное) явление, свойство человека оттормаживает непосредственное, свойственное живому взаимодействие (и отражение) действительности (в том числе и самого языка), замыкая социальную предметность на себя. «Языковая апперцепция» является сигналом к началу принципиально более сложной, чем у животных и предчеловека, особенной внутренней работы. Языковая активность, в том числе и «внутренняя речь» (Л. С. Выготский), как особенный материальный (включая идеальное опосредование) процесс, конечно, не элиминирует предшествующие, свойственные животной психике реакции и процессы, но снимает их в гегелевском смысле, ослабляя и подчиняя собственной логике, логике высшего. Язык как материальное явление и процесс в этом плане дает принципиально новое, конкретно-всеобщее понимание механизма «закручивания развития на себя» в процессе высшей материальной активности, труда.

Итак, «первое слово» (очевидно, слова-предложения, выражающие целые предметные ситуации [3, с. 90], нерасчлененные комплексы материальных состояний индивида) в фило- и онтогенезе не только знаменует действительность сознания, рождение сущностного отражения действительности, но и (главное!) свидетельствует о рождении социальной предметности, человека в собственном смысле слова. При этом появление человека, обладающего языком, действительным сознанием следует трактовать как итог и результат бесконечного развития материи, генерирования в процессе непосредственной предметной деятельности, (пред)труда и собственно труда нового материального (и духовного) состояния индивида-субстанции.

Как видно из предшествующего изложения, наше утверждение о том, что язык позволяет выйти на новый уровень конкретно-всеобщего анализа человеческой субъективности и, в известном смысле, является интегратором сознания, не имеет ничего общего с распространенными попытками рассматривать язык в качестве особого «третьего мира» (располагающегося между объективной и субъективной реальностями). Подобная тенденция «языкового мировидения» была заложена еще в трудах В. фон Гумбольдта, но в полной мере проявилась в современной философии. С нашей точки зрения, продуктивный анализ языка и действительного сознания, а также развития, динамики смысловой реальности, может осуществляться исключительно на основе

фундаментальной теоретической матрицы: объективное – субъективное – объективное. В этом контексте язык на всех уровнях своей организации (уровнях организации материального субстрата человека) является особым механизмом, необходимым условием генерирования нового содержания высшего.

Конкретно-всеобщая интерпретация механизмов языковой активности позволяет углубить и представление о диалектике двух основных функций языка – коммуникативной и познавательной. Традиционная трактовка коммуникативной функции языка как основной, ведущей в отечественной философии прочно связана, во-первых, с упрощенным пониманием языка (слова) как материального знака, необъяснимым образом (непосредственно) сцепленного с «идеальной информацией», и, во-вторых, с упрощенной, буквальной интерпретацией теории отражения. Современные данные когнитивных исследований человеческой субъективности, дополняя представления И. П. Павлова о единстве первой и второй сигнальных систем, дают в корне отличное представление о сущности языковой коммуникации. Слово является особым сигналом, роль которого состоит в оттормаживании, приглушении непосредственного, чувственного отражения действительности (непосредственной, слитной с субстратом отражения реконструкции содержания предмета отражения). Предполагая в качестве своей (снятой) основы непосредственное реконструирование внешнего предмета/мира, слово как сигнал инициирует в фило- и онтогенезе принципиально более сложную работу, реконструкцию новой (в отношении к бесконечно усложняющейся сущности человека) сущностной копии предмета/мира. Этим, в частности, объясняются ограниченные возможности знаковой коммуникации антропоидов, исследованные сегодня довольно глубоко и детально [4].

Действительная сущность языковой сигнализации состоит, как представляется, в замыкании социальной предметности на себе, в способности последней на основе непосредственно данного, чувственно фиксируемого контекста и прежнего опыта (актуализированного слоя социальной идентичности) генерировать новое сущностное качество, отражение действительности. Поэтому слово, генетически и функционально связанное с процессом становления социальной предметности, является не столько средством передачи мысли (тем более буквальной), сколько средством генерирования, точнее особым аспектом материального процесса генерирования, мысли. Именно поэтому, чтобы действительно понять другого человека, сделать доступной для себя его мысль, необходимо осуществить ту же деятельность, которой занят этот человек [5, с. 244]. Однако в тенденции, учитывая специфику и логику развертывания социальной предметности, логику индивидуализации, т.е. аккумулирования родового содержания отдельным индивидом, движения друг в друга родового и индивидуального, можно согласиться с тезисом о том, что споры о первичности одной из двух основных функций языка являются бесперспективными [1, с. 137].

Попытаемся более детально рассмотреть интегрирующую роль языка, т.е. фактически логического (сущностного) мышления в структуре человеческой субъективности. Содержание и логика конкретно-всеобщей теории подводят нас к интересному и на первый взгляд странному выводу о том, что язык является маркером появления не только собственно логического слоя мышления, но и специфического, человеческого чувственного образа дейст-

вительности. Наш тезис состоит в том, что человеческий чувственный образ действительности возникает одновременно с «первым словом», т.е. одновременно с логическим, сущностным (хотя и первоначально довольно примитивным) отражением действительности. Как уже отмечалось ранее, особенностью животного, чувственного отражения действительности является его ограниченность *меркой определенного вида*, т.е. возможности развития животного «образа» действительности всегда ограничены содержательными возможностями живого. Эта особенность животной чувственности является роковой в том смысле, что не позволяет углубляться в сущностный мир, актуализировать его более глубокие уровни. Человеческий чувственный образ по определению несет в себе (потенциально) бесконечное содержание субстанции, реконструирует ее как целое. И именно поэтому этот образ изначально и всегда снят абстрактным слоем мышления, подчинен слову (понятию), канализирующему материальную активность человека. Попытаемся аргументировать этот вывод. Для этого прежде всего мы должны обратиться к анализу труда (= самого человека), который является высшим выражением интегративного свойства субстанции, что обнаруживается уже в элементарном процессе труда как его элементарной клеточке. Выступающий непосредственно как процесс усложнения исходного предмета труда (процесс преобразования природы), труд в глубинном плане представляет собой усложнение, самовозрастание социального субстрата, интегрирующего в себе сущностные силы природы и определяющего поэтому вектор ее усложнения.

Действительное усложнение, преобразование природы индивидом возможно только на базе целостной, высшей всеобщности и бесконечности, предполагающей в качестве своего момента целостное сущностное отображение действительности. Чувственное отображение действительности, возникающее на основе непосредственного взаимодействия с природой и реконструирования ее бесконечного содержания в процессе труда характеризуется слитностью предмета/природы и «Я». Такое отображение действительности является необходимым, но не достаточным для собственно человеческого способа существования – труда, предполагающего актуализированное, «дискретное» отображение предмета/мира и «Я». Именно актуализация этой дихотомии, этого противоречия («Я» – мир) в идеальном плане есть одновременно и следствие, и необходимое условие, момент труда, выступающего в каждом своем элементарном акте как тотальный процесс закручивания материи на себя. Вместе с тем труд человека – это всегда конкретный процесс преобразования природы, логика которого определяется наличным, актуализированным уровнем развития сущностных сил человека, т.е. логическим слоем мышления, снимающим чувственное синкретичное отображение действительности.

«Языковая апперцепция» (включающая в себя физиологический механизм второй сигнальной системы) выполняет, с нашей точки зрения, функцию «расклеивания» чувственного образа действительности, запуская механизм генерирования сущностной копии действительности в отношении к постоянно усложняющейся сущности человека, социальной предметности, «Я». Идеальный план преобразования действительности и самого человека, возникающий в голове последнего и на первый взгляд предшествующий объективному процессу преобразования мира, в действительности представляет собой реконструкцию мира в отношении к новому материальному состоянию чело-

века как следствию предшествовавшего объективного процесса преобразования природы и самого человека. Таким образом, материальная активность человека (в том числе и языковая материальная активность) всегда с необходимостью опосредована состояниями самотождественности материального субстрата человека – идеальными «снимками» действительности, сознанием, в сложной архитектуре которого можно выделить непрерывно усложняющиеся, возвышающиеся уровни чувственного и логического отображения действительности. Оба этих уровня обладают относительной самостоятельностью и вместе с тем тесно связаны друг с другом. Чувственный уровень человеческой субъективности не может быть нивелирован, поскольку материальная активность человека с необходимостью включает в себя моменты целостных, тотальных самотождественных состояний индивида-субстанции, данных ему в виде непосредственных, конкретных чувственных образов (феноменально раскрывающих нам глубинную «человечность» мира). В то же время само развитие чувственного образа действительности (в конечном счете определяемое трудом) оказывается подчиненным логическому, «дискретному» отображению предмета/мира и «Я», как функции от уровня развития материального субстрата человека, от уровня актуализированных сущностных сил человека-субстанции. В этом плане кажется важным прояснить тот момент, что архитектура человеческой субъективности в единстве ее многообразных уровней и сторон (чувственный и логический уровни, бессознательное, сознание и самосознание) бесконечна вглубь и бесконечно углубляется в себя, отображая архитектуру бесконечного субстрата человека, логику развития объективного мира. Вместе с тем эта бесконечная глубина представлена нам в виде самоочевидной, ясной и даже на первый взгляд *простой* субъективной данности, гипнотизируя феноменологически настроенную часть философского сообщества.

Проясняя свою позицию, подчеркнем еще раз, что ни о каком буквальном выходе в действительность, минуя практику, субъективность, язык, мы не говорим (напротив, подобная установка в неявном виде сохраняется в рамках различных направлений философского субъективизма). В своей максимальной полноте, тотальности объективная реальность раскрывается в сущностной сердцевине мира, на базе универсальной матрицы социального субстрата, социальной предметности, бесконечно углубляющейся в себя. На уровне чувственного отображения объективный мир репрезентируется непосредственно во всей своей бесконечной содержательной полноте и поэтому слитности с «Я». На уровне логического ядра субъективности сущность того или иного предмета, объективного мира схватывается как целое, но в отношении к определенному, актуализированному уровню сложности индивида-субстанции, в отношении к некоторому «внепространственному» эталону [6, с. 185] и, следовательно, абстрактно, в понятии и посредством языка. Логическое мышление актуализирует то действительное противоречие предметного мира, природы как неполной всеобщности и «Я» как полной всеобщности, которое постоянно генерируется и снимается трудом. В глубинном плане это противоречие есть внутреннее противоречие социальной предметности (как персонифицированной сущности мира), противоречие между актуализированным содержанием субстанции и тем содержанием, которое еще только предстоит актуализировать. Схватываемый на уровне логического ядра субъективности идеальный абстракт «Я» (подкрепляемый чувственным синкре-

тичным самоотражением индивида) выступает интегратором тех логических содержаний, которые выявляются только в отношении друг к другу и в целостной системе самосознания.

Список литературы

1. **Береснева, Н. И.** Язык и реальность / Н. И. Береснева. – Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2004. – 182 с.
2. **Панфилов, В. З.** Гносеологические аспекты философских проблем языкознания / В. З. Панфилов. – М. : Наука, 1982. – 357 с.
3. **Якушин, Б. В.** Гипотезы о происхождении языка / Б. В. Якушин. – М. : Наука, 1985. – 137 с.
4. Разумное поведение и язык / сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. – М. : Языки славянских культур, 2008. – Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. – 416 с.
5. **Корякин, В. В.** Труд и единый закономерный исторический процесс / В. В. Корякин. – Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2008. – Ч. 2. – 340 с.
6. **Попович, М. В.** Философские вопросы семантики / М. В. Попович. – Киев : Наук. думка, 1975. – 299 с.

Маслянка Юлия Владимировна
кандидат философских наук, старший преподаватель, кафедра философии, Пермский государственный университет

E-mail: ecv@yandex.ru

Maslyanka Yuliya Vladimirovna
Candidate of philosophy, senior lecturer, sub-department of philosophy, Perm State University

---

УДК 124.2

Маслянка, Ю. В.

Язык, генеалогия и генерирование смысла / Ю. В. Маслянка // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 63–69.

УДК 130.1

А. А. Парменов

О ПРОБЛЕМАХ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В НЕСТАБИЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Рассматриваются проблемы становления и формирования личности в современном обществе, содержание ее деятельности. Анализируются факторы, способствующие развитию личности, формированию нравственных качеств. Изучаются мотивы, ориентирующие направленность ее деятельности.

Ключевые слова: личность, отчуждение, гуманизм, идеал, нравственность, развитие, общество, направленность, цель.

Abstract. The problems of genesis and formation of personality in modern society and the content of its activity are examined. The factors assisting in personality development and formation of its qualities are analyzed. The motives orientating the direction of its activity are studied.

Keywords: personality, estrangement, humanism, ideal, morality, development, society, direction, aim.

Современный этап жизни нашего общества предъявляет особые требования к человеку, его личностным качествам. Совершенно очевидно, что от самого человека, его внутренних ресурсов, мировоззрения, уровня образования и культуры зависит будущее страны.

Необходимость дальнейшего исследования проблем личности, разработки философских, педагогических аспектов ее становления и развития диктуется потребностями практики, возрастанием роли каждого человека в общественной жизни, возникшими перед обществом неведомыми ранее вопросами нравственного, психологического характера. Среди них: «Какие идеалы у современного молодого человека?» «С каких позиций подходить к вопросам нравственного воспитания?» «Как строить систему образования и связывать ее с воспитанием личности?» и др.

Без глубокого анализа этих вопросов, понимания перспектив их реализации сложно определить пути развития личности, содержание и характер ее деятельности.

Большинство исследователей рассматривают личность в двух аспектах: первый – влияние внешних воздействий на формирование и развитие личности; второй – внутреннее проявление, внутренние источники ее развития. Личность, с одной стороны, может характеризоваться как социализированный индивид, рассматриваемый со стороны наиболее существенных социально значимых свойств. С другой стороны – как самоорганизующаяся частица общества, главнейшей функцией которой является осуществление индивидуального способа общественного бытия.

Л. С. Выготский писал, что личность возникает в результате культурного и социального развития [1, с. 315].

С. Л. Рубинштейн подчеркивал: «Личностью является лишь человек, который относится определенным образом к окружающему… человек, у которого есть своя позиция в жизни» [2, с. 676]. Он обращал внимание и на индивидуальные свойства, качества человека, детерминирующие его развитие.

Ж. Сартр определял человека как существо, которое устремлено к будущему и осознает, что оно проецирует себя в будущее [3, с. 43].

Н. А. Бердяев писал: «Человек – малая вселенная, микрокосм… в человеке открывается абсолютное бытие, вне человека – лишь относительное» [4, с. 295].

В философской, психологической, педагогической литературе представлено множество теорий, концепций, касающихся проблемы личности, ее развития в онтогенезе, социализации, формирования самосознания и т.д. На наш взгляд, недопустим односторонний подход к какой-либо теории, абсолютизация отдельной стороны в изучении личности, как это делают некоторые исследователи. Например, в книге «Агрессия» австрийский ученый К. Лоренц доказывает, что агрессия – врожденное влечение, а не ответная реакция на ситуацию. Он считал, что, если человек не обладает агрессивностью, он не индивидуальность.

Существуют экстремистские «теории», согласно которым природа каждой человеческой расы различна: есть высшие и низшие расы. Одна из последних «теорий» такого рода представлена американскими социологами Н. Мерреем и Р. Херстейном в книге «Изгиб колокола» (1995). Они утверждают, что между белыми и черными сияет пропасть в пятнадцать пунктов «коэффициента умственного развития» (IQ). Отсюда сделаны выводы о пересмотре социальных программ помощи негритянскому населению. Книга вызвала оживленное обсуждение, и выяснилось, что она была подготовлена по заказу расистской организации. В ней не опровергнуто объяснение бедности и преступности неравными общественными условиями и недостатком образования.

Э. Фромм писал: «Пытаясь избежать ошибок биологических и метафизических концепций, нам следует опасаться столь же серьезной ошибки – социологического релятивизма, который представляет человека не более, чем марионеткой, управляемой нитками социальных обязательств. Права человека на свободу и счастье заложены в присущих ему качествах: стремление жить, развиваться, реализовывать потенциальности, развившиеся в нем в процессе исторической эволюции» [5, с. 55].

Процесс становления личности – процесс сложный, полон противоречий. Личность развивается в обществе, среди людей. Но жить среди людей – это значит руководствоваться определенными принципами, правилами общения с ними, соотносить свое личное «Я» с общественными интересами. Однако зачастую цели, выбранные молодыми людьми, и пути их реализации не отвечают общественным интересам, нравственным нормам.

Формы поведения могут быть разными. Например, одни молодые люди, сталкиваясь с какими-либо трудностями, идут по линии наименьшего сопротивления, стараются приспособиться, бездумно следуют общим мнениям, модным тенденциям, т.е. выбирают конформистский путь. Другие – стремятся навязать свои нормы поведения, ценности. Не отвечающие общепризнанным нормам морали организуют молодежные группировки, деятельность которых противоречит не только нравственным нормам, но и нормам закона.

Личность – это определенный социальный тип, в котором выражаются наиболее существенные черты эпохи, общественного устройства, нации. Но вместе с тем личность обладает и относительной самостоятельностью, специфическими качествами по отношению к обществу как к целому. Особенность развития личности состоит в том, что воздействие на нее внешних факторов

преломляется в деятельности – профессиональной, общественной, научной и т.д. Именно в процессе деятельности человека формируются его личностные качества. Содержание, масштаб, интенсивность деятельности определяют и ее место, роль в социальной иерархии, и возможность достижения той или иной цели.

Подлинное богатство личности определяется такой жизнедеятельностью человека, когда, с одной стороны, общество обеспечивает ему максимальное удовлетворение материальных и духовных способностей, а с другой – сам человек, создавая условия для этого, наиболее полно реализует свои потенциальные возможности. То есть должна быть гармония интересов личности и общества. В современном обществе в нашей стране такой гармонии нет. Есть немало социально-экономических противоречий, требующих разрешения. Полноценное развитие личности возможно при соблюдении следующих условий:

– совершенствование отношений собственности;

– оптимальный состав чиновников в структуре государственной власти и его эффективная работа;

– борьба с бедностью, справедливое распределение материальных благ;

– профессионализация управления во всех сферах человеческой жизнедеятельности;

– реальная передача собственности в руки всего населения страны и создание «среднего класса», который будет уравновешивать политические, экономические и нравственные процессы.

Конечно, соблюдение этих условий – длительный процесс. Важно, чтобы каждый гражданин видел, что государство делает все возможное для решения этих проблем. Развитие личности невозможно без преодоления различных форм отчуждения от общества. «Снять» отчуждение можно только в обществе, где осуществляются права личности: право на труд, образование и медицинское обслуживание; право на свободу мысли, совести, убеждений; право свободно участвовать в митингах и т.д.

Решение этих проблем будет способствовать нивелированию, оптимизации межличностных, межгрупповых отношений, совершенствованию форм общения, улучшению социального климата в обществе в целом. «Надо заботиться о том, – писал известный философ Э. В. Ильенков, – чтобы построить такую систему взаимоотношений между людьми (реальных, социальных взаимоотношений), которая позволит превратить каждого живого человека в личность» [6, с. 321].

Формирование личности человека начинается в первые годы его жизни. А. Н. Леонтьев подчеркивал, что это период развития личностных механизмов поведения. Именно в первые годы жизни у ребенка формируются основы его личностных качеств. Он усваивает формы поведения, благодаря которым в будущем становится субъектом социальной действительности.

Примерно в возрасте шести лет начинает формироваться самосознание в форме адекватной оценки собственных личностных качеств. Это все более явственно проявляется в общении со сверстниками и взрослыми. Важно учитывать следующие аспекты личностного развития в этом возрасте:

– развитие сознания и самосознания;

– эмоционально-чувственная регуляция поведения;

– характер отношений с людьми.

Сознание – высший уровень психического отражения. Оно характеризуется активностью, интенциональностью, способностью к рефлексии. На ос-

нове сознания формируется самосознание, благодаря которому индивид начинает оценивать себя как личность. Оценка, самооценка в структуре самосознания занимают особое место. Через оценку своих действий со стороны субъект осознает важность, социальное значение собственной деятельности.

На вопрос «Почему личность существует?» Гегель и Фихте отвечали: «Потому, что обладает именно самосознанием». Собственно понятие «Я» характеризует личность, обладающую самосознанием.

К. К. Платонов разделял личность на «минимум» и «максимум». Он писал: «Минимум личности определяется осознанием ребенком своего «Я», активно противостоящего «Не-Я». Когда ребенок первый раз скажет: «Я сам!» – он уже личность и противопоставляет свое «Я» другим «Не-Я». А «максимум личности» он относил к возрасту 15–17 лет, когда субъект вступает в систему социальных отношений, утверждает себя в группе.

На наш взгляд, правомерна точка зрения К. К. Платонова о двух этапах развития личности, о том, что личность начинается со второго скачка в развитии. Трудно представить личность сразу в готовом социальном виде, процесс ее становления длительный.

Юношеский возраст – это возраст активного «заражения» идеями, целями. В поисках смысла своего существования появляются размышления юношества о своем жизненном предназначении, о смысле жизни. В поиске смысла жизни вырабатывается мировоззрение, расширяется система ценностей, формируется нравственный стержень, помогающий молодому человеку справиться с первыми жизненными проблемами, что особенно актуально в наше сложное время.

Какие идеалы у современной молодежи? Нужны ли они вообще? В чем смысл жизни? Эти и другие вопросы автор задавал студентам второго курса ПГУ, учащимся учебно-производственного комбината г. Пензы.

На вопрос «Нужен ли идеал человеку?» были получены разные ответы.

Большая часть студентов считает, что идеал не нужен. Вместе с тем многие боятся потерять свою индивидуальность (как они считают), если будут следовать идеалам.

Индивидуальность – это своеобразие, совокупность качеств и отличительных свойств, выражающих сущность отдельного индивида. Это нечто неповторимое. Ребята боятся потерять свою особенность и неповторимость. Сохранение индивидуальности они часто связывают с сохранением своей самостоятельности и независимости, имеющих в системе нравственных ценностей юношеского возраста особое значение.

Однако, несмотря на проблемы, трудности, с которыми встречаются молодые люди в нашем обществе, у многих остается естественное стремление к идеалу, о чем свидетельствуют их суждения. Может быть, некоторые из них готовы частично отказаться от своей самостоятельности ради «большой» цели?

В последние десятилетия в нашей стране в сознании людей произошла болезненная ломка устоявшихся идеалов. Меняются ценностные ориентации и у молодежи. Возможно, перед молодежью более остро стоит вопрос о выборе жизненного пути, о смысле жизни, чем у предшествующих поколений.

Интересно было узнать суждения студентов ПГУ и слушателей УПК о смысле жизни. Им была роздана анкета, составленная социологом В. Э. Чудновским. Всего было опрошено около ста человек. Из первой части анкеты

был взят вопрос «Чего, по Вашему мнению, в жизни больше – смысла или бессмыслицы?». На этот вопрос большинство (около 80 %) ответили, что бессмыслицы. Ответы юношей и девушек распределились примерно одинаково.

Критическое отношение большого числа опрошенных к действительности нельзя объяснить только присущим их возрасту максимализмом. Это отражение в их сознании и социальных, и, в большой степени, моральных сторон нашего бытия. Особенность морали состоит в том, что ее требования опираются на силу общественного мнения, она содержит ряд общих положений, связывающих людей. В духовном мире личности они отражены в ведущих нравственных категориях: добро и зло, справедливость и несправедливость, жадность и альтруизм и т.д. Основное содержание данных моральных представлений и определяет оценку школьниками, студентами социальной жизни и их поведение в семье, школе, вузе, в способах проведения досуга.

Вместе с тем осознание тех или иных проблем в сфере нравственных отношений, не отвечающих естественной сущности человека, может способствовать поиску, выбору юношами и девушками образцов, идеалов, согласно которым они планируют следовать и строить свое поведение. Конечно, этот выбор может быть и ошибочным, но само стремление к преодолению негативных явлений является существенным импульсом выбора правильных нравственных норм. Это лучше, чем пассивное созерцание.

Приведем в этой связи высказывание С. Л. Рубинштейна о способах человеческого существования: «Существуют два основных способа существования человека и, соответственно, два отношения к жизни. Первый – это жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек: сначала отец и мать, затем – подруги, учителя, затем муж, дети, и т.д. Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение – это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом. Второй способ существования связан с появлением рефлексии. Она как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее – это решающий поворотный момент… Сознание выступает здесь, как… выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней… От такого итогового, обобщенного отношения к жизни зависит и поведение субъекта в любой ситуации» [7, с. 32].

Именно «второй способ существования», когда человек рефлексивно начинает познавать жизненные процессы, явления, давать им нравственную оценку как бы независимо от «включения в жизнь» со стороны, свидетельствует о его личном самоопределении, желании преодолеть «бессмыслицу» жизни.

В юношеском возрасте лавина жизненных впечатлений начинает интенсивно проходить фильтр собственного сознания, еще хрупкого, бедного опытом восприятия мира, но стремящегося к индивидуальному осмыслению мира, к самоанализу. Отсюда и напряженность внутренней жизни молодого человека. Он начинает замечать противоречия действительности, которых в обществе много, создает свои идеальные образцы, задумывается над своим местом в обществе. До конца понять эти противоречия он еще не может, поэтому его тяга к самоутверждению часто принимает стихийные формы.

Трудность юношеской рефлексии о смысле жизни – в правильном совмещении того, что А. С. Макаренко называл ближней и дальней перспективой. Расширение временной перспективы вглубь (охват более длительных от-

резков времени) и вширь (включение своего личного будущего в круг социальных изменений) – необходимая психологическая предпосылка постановки перспективных проблем. Реализация перспективных целей в этом смысле есть движение к идеалу, к личности, которой присущи такие качества, как честность, порядочность, мужественность и т.д. В своем целостном виде эта личность образует единство сознания и деятельности моральных, этических, эстетических и иных качеств, связанных между собой. Перспективные цели развития личности, ее нравственного воспитания органически сочетаются с необходимостью подготовить подрастающее поколение к самостоятельной жизни, умению адаптироваться в обществе.

Проблема смысла жизни, достижения цели – это не только мировоззренческая проблема, но и вполне практическая. Решение этой проблемы содержится не только внутри человека, но и в окружающем мире, где и раскрываются его способности, деятельные потенции. Содержание и характер деятельности могут соответствовать или не соответствовать моральным, общественным нормам. Возможны два варианта:

– личность принимает общественные нормы, образцы и ведет себя соответственно этим нормам;

– личность отвергает общественные нормы, правила и действует по своему усмотрению.

Это обычные варианты. На практике все сложнее, поскольку норма и поведение – особенно сложное соотношение в жизненной практике.

Норма как осознанная необходимость – первый вариант. Второй – норма, внешне принятая, но не признаваемая. Субъект может действовать, нарушая нормы морали, законы (насколько это возможно), но делает это, представляясь в качестве добропорядочного гражданина. Третий вариант – деятельность, не отвечающая нормам морали и даже нормам закона, с целью достижения сугубо личностных интересов, собственного «успеха». То есть в этом случае знание норм и знание поведения не совпадают. Человек знает эти правила, нормы, но нарушает их. Причина в том, что те или иные нормы, требования являются в его понимании препятствием для достижения цели и теряют для него личностный смысл.

Если человек считает, что «все средства хороши» для достижения цели, и в процессе своей деятельности нарушает законы (насколько возможно), нормы морали, интересы других людей, ущемляет их права, то это равнозначно отношению к другим людям как к средству, как к орудию ради достижения сугубо личных интересов. Если такой вид деятельности закрепится в общественном сознании, будет приниматься за правило, норму в отношениях между людьми, то границы между такими общечеловеческими понятиями, как «добро» и «зло», «правда» и «ложь», будут стираться. Это может привести к деградации моральных ценностей, деформации личности. Поэтому одной из важнейших задач, стоящих перед обществом, является формирование личности, способной не только принимать решение, но и нести ответственность за свой выбор. Важно, чтобы человек хотел действовать согласно гуманистическим нормам, общечеловеческим принципам. Это важнейший этап закрепления нравственных начал. На это обращали внимание многие известные ученые: А. Н. Леонтьев, Э. В. Ильенков, Л. И. Божович и др.

Л. И. Божович [8, с. 37] выделяла два основных критерия, которые характеризуют человека как личность. Первый: человека можно считать лично-

стью, если в его мотивах существует иерархия в одном определенном смысле, а именно: если он способен преодолевать собственные побуждения ради чего-то другого. Второй критерий: способность к сознательному руководству собственным поведением. Оно осуществляется на основе осознанных мотивов и принципов и предполагает сознательное соподчинение мотивов.

Проблема современного общества в том, как может формироваться личность, отвечающая этим критериям, если, к примеру, побуждения юноши не отвечают тем ценностям, тем нравственным нормам, которые формировались в течение многих лет. Будет ли он «преодолевать собственные побуждения ради чего-то другого», если в общественном сознании эгоизм, индивидуализм и т.д. имеют первостепенное значение. Индивидуализм, чувство собственности становятся господствующими в нравственном мире. Противопоставление личного общественному все более становится нормой общественного сознания, ориентация на общественные ценности уходит на второй план.

«Мы живем в век распространяющегося все шире чувства смыслоутраты. В такой век воспитание должно быть направлено на то, чтобы не только передавать знания, но и оттачивать совесть… воспитание больше, чем когда-либо, становится воспитанием ответственности», – писал в XX в. австрийский ученый В. Франкл [9, с. 39]. Проблема ответственности особенно актуальна в настоящее время. Целью воспитания сегодня является формирование личности, способной не только принимать решения, но и нести ответственность за свой выбор.

Развитие личности, формирование ее взглядов, моральных норм, связано не только с непосредственным окружением, т.е. с «микросредой», но и с воздействием общественной среды в целом. Государственные учреждения, общественные организации непосредственно влияют на человека, формирование его взглядов, убеждений. Особенно большое влияние на сознание людей, их мировоззрение оказывают средства массовой информации (СМИ). Восприятие и интерпретация важнейших событий, происходящих в стране и мире, представленная в СМИ, прочно откладывается в сознании людей, особенно молодежи, приобретает устойчивый характер и часто принимается как истина без серьезного осмысления. Фактически СМИ выступают активным субъектом социальной политической жизни, имея возможность прямо обратиться к населению, минуя такие социальные институты, как семья, школа, партия и т.д., человек становится простым потребителем информации, не пытаясь зачастую достаточно полно вникнуть в ее содержание, смысл.

Огромное влияние СМИ оказывают на эмоции человека, особенно молодежи. Эмоциональное воздействие в каких-то ситуациях может стать доминирующим фактором, определяющим поведение личности и ее отношение к чему-либо. Такое отношение выражает не только логическую оценку какого-либо явления как целого, но также и принятие его миром чувств человека. Зачастую лишь эмоции, становясь единственным инструментом установления ценности явлений, событий и отодвигая на второй план объективную, истинную сторону этих событий, могут стать причиной неадекватной оценки человеком реалий социальной жизни и проявляться в его практической деятельности.

Дети, которые часто смотрят передачи, где много сцен насилия, жестокости, склонны примириться с этими негативными явлениями, считая это нормой, и рассматривают их как интегральную, неотъемлемую часть общества. В сознании детей возникает неверное, деформированное понимание об-

щечеловеческих норм, моральных ценностей. В последующем это может негативно сказаться на его личностном развитии.

В формировании личности, способной лучше адаптироваться к нынешним условиям, важно учитывать следующие принципы:

– создание благоприятных условий для развития личности;

– дать сумму знаний и научиться пользоваться ими (в школе, вузе);

– развитие потребностей в индивидуальной самореализации;

– создание благоприятной эмоциональной атмосферы для приобретения уважения среди сверстников (в школе, вузе), среди коллег в трудовом коллективе;

– формирование чувства собственной значимости, воспитание чувства собственного достоинства у каждого человека.

Следование этим принципам, нормам позволило бы успешно решать многие проблемы воспитания и развития личности.

Личность всегда проявляет и реализует себя через сложную многоуровневую систему социальных отношений, и изучение социально-психологических механизмов воздействия этих отношений на личность, их философский анализ, позволяет выявить сущностные стороны ее развития.

Список литературы

1. **Выготский, Л. С.** История развития высших психических функций / Л. С. Выготский. – М., 1983. – Т. 3.
2. **Рубинштейн, С. Л.** Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М., 1946.
3. **Сартр, Ж.** Экзистенциализм – это гуманизм / Ж. Сартр // Сумерки богов. – М., 1989.
4. **Бердяев, Н. А.** Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М., 1989.
5. **Фромм, Э.** Характер и социальный прогресс / Э. Фромм // Психология личности. – М., 1982.
6. **Ильенков, Э. В.** Что же такое личность? / Э. В. Ильенков // С чего начинается личность? – М., 1984.
7. **Рубинштейн, С. Л.** Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М., 1973.
8. **Божович, Л. И.** Психологический анализ условий формирования и строения гармонической личности / Л. И. Божович. – М., 1981.
9. **Франкл, В.** В поисках смысла / В. Франкл. – М., 1990.

Парменов Анатолий Александрович
кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, Пензенский государственный университет

Parmenov Anatoly Alexandrovich
Candidate of philosophy, associate professor, sub-department of philosophy, Penza state university

E-mail: dep-ph@pnzgu.ru

УДК 130.1

Парменов, А. А.

О проблемах становления и развития личности в нестабильном обществе / А. А. Парменов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 70–77.

УДК 101.1:316«312»

А. В. Горюнов

АРХИТЕКТОНИКА ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Аннотация. В статье анализируется структура философско-исторического знания, выделяются такие «уровни» философско-исторических концепций, как модель развития, объяснительная теория общества, философская методология истории («исторический подход»), социальная типология и схема истории. На примере анализа концепций П. Сорокина, И. Валлерстайна, М. Салинза, Э. Сервиса, Х. Классена и других авторов обосновывается относительная автономия выделенных «уровней» в системе философско-исторических представлений.

Ключевые слова: философия истории, модель развития, модель истории, объяснительная теория общества, социальная типология, схема истории, социальные изменения, социальный эволюционизм, мир-системный подход, социокультурный подход.

Abstract. The article analyzes the structure of Philosophy of History knowledge, points out such "levels" of Philosophy of History concepts like development model, an explanatory theory of society, the philosophical methodology of history ("historical approach"), social typology and the scheme of history. An analysis of concepts of P. Sorokin, I. Wallerstein, M. Sahlins, E. Service, H. Claessen and other authors proves the relative autonomy of the selected "levels" the Philosophy of History views.

Keywords: Philosophy of History, Development Model, Model history, explanatory theory of society, social typology, scheme of history, social change, social evolutionism, world-system approach, sociocultural approach.

Наши философские представления об истории находят выражение в конкретных философско-исторических концепциях, обладающих известной целостностью и внутренней связностью. Однако это не означает, что они однородны по своей структуре. Напротив, любая историософская концепция имеет сложную иерархическую структуру, где каждый уровень обладает определенной самостоятельностью.

Конечно, эти уровни должны быть согласованы, если мы хотим, чтобы наши историософские представления имели целостный и непротиворечивый характер. Но из этого не следует, что определенному компоненту некоторого уровня наших представлений об истории должен соответствовать какой-то определенный и только этот компонент другого уровня. В частности, диалектическая модель истории может сочетаться как с идеалистическим (Гегель), так и материалистическим (К. Маркс) пониманием общественного развития, а, скажем, синергетика истории может конкретизироваться через миросистемный подход (И. Валлерстайн) или через историческую семиотику (Ю. М. Лотман).

Целью настоящей работы как раз и является выделение «уровней» философско-исторического знания, обоснование их относительной автономии друг от друга, что, в контексте сказанного, может представлять самостоятельный интерес.

Заявленную цель предполагается достичь через решения ряда конкретных задач. Во-первых, необходимо выявить и кратко охарактеризовать структурные компоненты философско-исторического знания. Во-вторых, предполагается проиллюстрировать наличие выделенных структурных компонентов на примере конкретной философско-исторической концепции, в данном случае концепции П. Сорокина. Далее планируется рассмотреть несколько более частных вопросов. Предполагается, в-третьих, показать, что в рамках одной концепции могут использоваться элементы различных моделей развития, в частности, на примере учения И. Валлерстайна, где циклические представления органично вписались в синергетическую модель развития. Также предполагается, в четвертых, показать относительную автономию таких структурных компонентов философско-исторического знания, как социальная типология и схема истории на примере концепции М. Салинза и Э. Сервиса.

1. Уровни философско-исторического знания

В философско-исторических представлениях можно выделить два уровня, каждый из которых имеет ряд подуровней: модель истории, являющаяся синтезом модели развития и объяснительной теории общества, и «исторический подход», включающий в себя основания методологии истории, типологию обществ и схему истории. При линейном расположении подуровней получаем следующие составляющие философско-исторического знания: 1) модель развития; 2) объяснительная теория общества; 3) основания методологии истории («исторического подхода»); 4) типология социокультурных единиц; 5) схема истории (периодизация).

Предельно общим уровнем исторических представлений является **модель истории**, которая является результатом синтеза модели развития и объяснительной теории общества. Она включает в себя предельно общие логико-гносеологические и онтологические представления об историческом универсуме, о процессе эволюции общества.

1. Поскольку история – это *изменение*, *развитие* общества, то в основе исторических представлений явно или неявно лежит та или иная **модель развития**. В ней раскрывается закономерность, структура, а иногда и направленность развития. В философии истории использовались различные модели подобного рода: диалектика, синергетика, эволюционизм (органицизм), различные варианты циклической теории и т.д. В большинстве случаев модель развития задается явно и осознается автором философско-исторической концепции. Но иногда она полагается неявно, и ее сложно идентифицировать. Кроме того, возможны различные комбинации моделей развития. Так, например, в концепции И. Валлерстайна мы встречаем нетривиальный синтез синергетики и циклических представлений.

2. Поскольку история представляет собой развитие именно *общества*, то модель развития должна быть дополнена **объяснительной теорией общества**, оттеняющей специфику развития именно социокультурной реальности. Специфика человека и общества в философии истории понималась по-разному. Наиболее распространенными являются трудовая (деятельностная), аксиологическая и семиотическая концепции. Пример первой – теория К. Маркса. Ценностная концепция культуры поддерживалась неокантианцами, хотя и не дала ярких образцов историософии. Семиотическая теория культуры в своих различных вариантах разрабатывалась П. Сорокиным и Ю. М Лотманом.

Объяснительная теория часто не только вскрывает специфику общества, но и кое-что сообщает о внутренней структуре культуры. Так, марксистская теория выделяет базис общества, в роли которого выступает материальное производство, и надстройку. Базис в свою очередь включает в себя производственные отношения и производительные силы. Во второй половине XX в. широкое распространение получила концепция, предполагающая выделение в культуре двух подсистем – технико-технологической и собственно социальной («гуманитарной»). Этой теорией пользовались некоторые неоэволюционисты (например, Л. Уайт) и представители концепций постиндустриального и информационного общества (Д. Белл, О. Тоффлер и др.). По сути, эту же концепцию разделяет А. П. Назаретян в рамках своей гипотезы технико-гуманитарного баланса [1, с. 110–122].

На уровень ниже расположена **философская методология истории**, которая иногда выражается посредством термина «исторический подход». Мы говорим о формационном, локально-цивилизационном, миросистемном и т.д. подходах. Однако «исторический подход» включает в себя три относительно автономных уровня: основания философской методологии истории, историческая типология и схема истории.

3. **Основания методологии истории** задают критерии типологии социокультурных единиц, таких как, например, род, племя класс, государство и т.д., а также структуру этих социокультурных типов. В указанном развороте удобнее всего вспомнить формационный подход К. Маркса ввиду его широкой известности. Как известно, К. Маркс выразил разграничение различных типов общества с помощью термина «формация». Общество, по его представлениям, может анализироваться сквозь призму уровня развития производительных сил, характера производственных отношений (т.е. способа производства) и характера надстройки. Причем все эти компоненты общественной системы должны строго определенным образом «соответствовать» друг другу. Была выстроена и иерархия значимости данных компонентов: производительные силы определяют производственные отношения, а производственные отношения (базис) определяет надстройку[1]. Нарушение «соответствия» указанных компонентов общественной системы означает начало социальной революции – перехода от одной формации к другой. В этом, говоря кратко, и состоял формационный подход. Что же касается материалистического понимания общества и диалектики общественного развития, то эти «части» концепции К. Маркса относятся к модели истории.

4. Относительно самостоятельный уровень образует **типология обществ** и иных социокультурных единиц. Но типология общества – это еще не схема истории. Выделение конкретных типов общества занимает как бы промежуточное положение между «подходом» и собственно схемой истории, поскольку она трансформируется в схему истории, когда мы упорядочиваем выделенные типы хронологически и (или) географически. Однако выделенные социальные типы можно по-разному наложить на историческую хронологию. Как следствие, мы можем быть сторонниками, например, формационного подхода, но выделять другие формации, нежели К. Маркс.

Продолжим иллюстрировать наши идеи на примере марксизма. Напомним, что сам основатель марксизма выделяет три формации: *первичную* (*пер-*

[1] См., например, характерную цитату из письма К. Маркса к П. В. Анненкову 28 декабря 1846 г, приведенную А. В. Коротаевым [2, с. 32].

вобытную), *вторичную* (*антагонистическую*) и *коммунистическую*. Первобытная формация основана на присваивающем хозяйстве, коллективной собственности и равенстве. Однако это было равенство в бесправии – человек зависел от природы, а личность была полностью поглощена коллективом. Антагонистическая формация основана на производящем (сначала аграрном, а затем и промышленном) хозяйстве, частной собственности, классовой стратификации и эксплуатации человека человеком. Коммунистическая формация должна быть основана на общественной собственности, социальном и имущественном равенстве людей, отсутствии эксплуатации, свободе и всестороннем развитии личности. Далее, в рамках антагонистической формации выделяются три «подэтапа», каждый из которых основан на определенном способе производства: рабовладельческое общество, феодальное общество, буржуазное общество.

5. **Схема истории** фактически является определенным геохронологическим упорядочиванием тех социокультурных единиц и их типов, которые были выделены при помощи определенного «подхода» и заданы той или иной типологией. Она задает своеобразную систему отсчета, позволяющую определить место каждого исторического события и направленность протекания исторических процессов, подобно тому, как система координат в математике позволяет определить место каждой точки или отрезка.

Под схемой истории, по сути, понимается либо периодизация истории (для линейно-стадиальных концепций), либо историческая хронология цивилизаций (для локально-цивилизационных учений). При периодизации выделенные типы общества зачастую просто располагаются в хронологическом порядке, что приводит к созданию линейно-стадиальной концепции. При цивилизационном подходе первоначально выделяются конкретные общественные организмы (культуры, локальные цивилизации и т.д.), и лишь затем говорится о стадиях, которые проходит каждая из них.

Например, схема истории Гегеля предполагает деление общественного развития на доисторию и собственно историю, а эта последняя делится на три ступени – Восток, Античность, Христианско-германский мир. Схема истории у А. Тойнби, напротив, предполагает деление исторического универсума на некоторое количество локальных цивилизаций, по отношению к каждой из которых (за исключением «неродившихся» и «задержанных» цивилизаций) выделяются фазы возникновения, роста, надлома и разложения.

Хорошо известна схема истории (периодизация), основанная на формационном подходе. Как известно, К. Маркс, основываясь на диалектике Гегеля, предполагал, что любое развитие должно иметь три стадии, каждая из которых должна в свою очередь состоять из трех стадий и т.д. Схема истории К. Маркса, таким образом, состоит из трех этапов: первичная формация – антагонистическая формация – коммунизм, а второй из них (антагонистический) делится еще на три подэтапа. Симптоматично, что советскими учеными эта схема была упрощена. При линейном расположении стадий общественного развития получилась знаменитая «пятичленка»: *первобытность – рабовладение – феодализм – капитализм – коммунизм*.

Конечно, схема истории опирается не только на исторический подход, но и на *интерпретацию* конкретных исторических явлений. Однако интерпретация – это уже не столько само философско-историческое знание, сколько результат его *применения* к конкретному историческому материалу. Вме-

сте с тем интерпретация является «последним» уровнем лишь с позиций общности философских знаний об истории. Если же говорить о последовательности действий в рамках конкретного философско-исторического исследования, то логически интерпретация, разумеется, должна предшествовать типологии обществ и формированию схемы истории, а типология зачастую задается лишь в процессе формирования схемы истории, а не «до» нее. Однако «логическая» последовательность указанных форм философско-исторического знания не является предметом нашего анализа.

2. «Социокультурный подход» П. Сорокина

Проиллюстрируем сказанное на примере философско-исторической и макросоциологической концепции П. Сорокина.

Модель развития П. Сорокина можно охарактеризовать как теорию неупорядоченных циклов. Напомним, что теория упорядоченных циклов предполагает, что фазы циклов повторяются в строго определенной, никогда не нарушаемой последовательности. Такова, например, концепция О. Шпенглера, согласно которой каждая локальная культура проходит в своем развитии одни и те же стадии в строго определенной последовательности: «Всякая культура переживает возрасты отдельного человека. У каждой имеется свое детство, юность, возмужалость и старость» [3, с. 168]. Более того, не только последовательность, но и *длительность* событий является предзаданной. «Каждая культура, каждое начало, каждый подъем и падение, каждая ее необходимая фаза имеют определенную, всегда равную, всегда со значительностью символа возвращающуюся длительность» [3, с. 171–172]. В отличие от этого, П. Сорокин представлял общественное развитие как неупорядоченное, случайное чередование выделенных им типов культуры.

То, что в концепции П. Сорокина принято называть социокультурным подходом, фактически является *объяснительной теорией общества*. Она основана на семиотическом понимании сущности культуры. Если в неживой природе действуют физико-химические закономерности, а в живой природе – и физико-химические, и биологические закономерности, то в обществе, согласно П. Сорокину, присутствует еще и символический компонент, надстраивающийся над физико-химическим и биологическим. Поэтому социокультурная, т.е. собственно человеческая, реальность имеет символическую природу. Философ выделяет три типа символов и, соответственно, три сферы культуры: 1) духовные смыслы и символы, объединенные в системы языка, философии, науки, религии, искусства, этики, права, а также представленные экономическими и социально-политическими теориями, образуют ***духовную культуру***; 2) материальные вещи (начиная от первобытных орудий труда и заканчивая сложнейшим оборудованием), в которых духовные смыслы находят внешнее воплощение, составляют ***материальную культуру***; 3) совокупность действий, поступков, церемоний, ритуалов, в которых человек или группа людей используют тот или иной набор смыслов, представляет собой ***поведенческую культуру***.

Структура социокультуры «имеет три аспекта, неотделимых друг от друга: 1) личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм,

которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [4, с. 218]. Ученый подчеркивает, что ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других.

Философская методология истории П. Сорокина открывается заявлением, что человечество на каждом этапе своего развития представлено некоторым числом самостоятельных культур (локальных цивилизаций). Но развитие каждой локальной культуры протекает через чередование различных типов (форм) культуры, каждый из которых представляет собой целостность, взаимосвязь различных культурных явлений. В основе каждого типа культуры лежит определенный «основополагающий принцип», выражающий одну, главную ценность, которая пронизывает все культурные явления, относящиеся к данному типу.

Философская методология П. Сорокина плавно перетекает в *типологию* культуры. Ученый выделяет три типа культуры: идеациональной (религиозный), сенситивный (материалистический) и идеалистический (промежуточный). Названные типы культуры выделяются в зависимости от основного принципа, лежащего в их основе. Фактически этот принцип указывает на то, как в данном типе культуре понимается реальность.

В *идеациональной* культуре высшей реальностью считается потусторонний мир – сфера существования Бога, а все сферы такой культуры подчинены религии. Наиболее показательным примером идеационной культуры является европейское средневековье периода расцвета IX–XII вв., а также греческая культура VIII–VI вв. до н.э.

В *сенситивной* культуре высшей реальностью признается лишь данный в опыте мир – то, что может восприниматься органами чувств и доступно рассудочному познанию. Человек ориентирован на удовлетворение материальных потребностей, а его идеал – личное счастье. Ярким примером материалистической культуры П. Сорокин считает западную цивилизацию XVI–XX вв.

Наконец, в *идеалистической* культуре истинной реальностью считается бесконечное многообразие, объединяющее чувственное и сверхчувственное начала. Люди идеалистической цивилизации стремятся открыть разумный мировой порядок, проявлением которого является и чувственно воспринимаемая реальность. Идеалом человеческой жизни считается не личное счастье, а долг перед обществом. Этому типу культуры соответствует V–IV вв. до н.э. для греческой культуры и позднее европейское средневековье XIII–XIV вв.

Схема истории П. Сорокина не имеет четкости и строгости аналогичных построений К. Маркса или, скажем, О. Шпенглера. Она основана на утверждении, что развитие каждой локальной цивилизации представляет собой *непредзаданное* чередование указанных типов культуры. «Все эти типы: идеациональный, идеалистический и чувственный – обнаруживаются в истории египетской, вавилонской, греко-римской, индуистской, китайской и других культур» [4, с. 431]. Вместе с тем такое чередование не имеет заранее установленных кем-то или чем-то сроков. Полемизируя со О. Шпенглером, мыслитель говорит, что гибель локальной культуры не предрешена заранее. Когда данный тип культуры входит в полосу кризиса, возникает следующая альтернатива: они «или становятся мертвыми и несозидательными, или изменяются в новую форму, которая открывает новые созидательные возможно-

сти и ценности» [4, с. 433]. Все великие цивилизации, отмечает П. Сорокин, не раз переходили от одного типа к другому.

И здесь ученый делает одно важное уточнение своей методологии. Оказывается, что культура на данном отрезке времени все же не является абсолютно интегрированной, а ее отнесение к определенному типу указывает лишь на «доминантную форму интеграции», а не на характер всей культуры в целом. «Основополагающий принцип» обуславливает не абсолютно все культурные формы данного периода, а только доминирующие в данную эпоху. Но рядом с ними существуют и «побочные» (сейчас бы сказали – периферийные) формы, основанные на альтернативных принципах.

Современное состояние западной культуры П. Сорокин квалифицирует как глубокий кризис. Однако он рассматривает этот кризис не как разрушение Западной культуры вообще, а как симптом ее перехода к новому, идеациональному типу. Поэтому данный кризис несет не смерть, а обновление. «Мы живем и действуем, – пишет философ, – в один из поворотных моментов человеческой истории, когда одна форма культуры и общества (чувственная) исчезает, а другая форма лишь появляется» [4, с. 431].

3. Синергетика и циклические представления в рамках миросистемного подхода И. Валлерстайна

Миросистемный подход И. Валлерстайна показателен во многих отношениях. В частности, в этой концепции мы сталкиваемся на уровне «модели развития» с нетривиальным синтезом двух теорий – синергетической и циклической.

Напомним, что в качестве единицы анализа ученый рассматривает так называемые «исторические системы». Ученый называет три важнейшие характеристики таких систем: 1) они имеют временные границы, т.е. начало и конец; 2) они имеют определенные пространственные границы, которые, однако, могут меняться во времени; 3) они относительно автономны, т.е. их функционирование определяется действием внутренних процессов [5, с. 198].

Исторические системы отличаются друг от друга «способом производства» (в другом варианте – «типом разделения труда»). По сути, это определенный способ распределения материальных благ, в рамках которого через то или иное разделение труда осуществляется воспроизводство системы в целом. Именно это и является в концепции И. Валлерстайна критерием типологии исторических систем.

Исследователь выделяет три таких «способа производства» и, соответственно, три вида исторических систем: 1) мини-системы, основанные на взаимообмене; 2) мир-империи, основанные на редистрибуции материальных благ аппаратом управления; 3) мир-экономики, основанные на товарно-денежных отношениях. При этом мир-империи и мир-экономики рассматриваются И. Валлерстайном как подвиды класса мир-систем.

По словам И. Валлерстайна, в до-сельскохозяйственную эпоху (вероятно, это значит до неолитической революции) существовало множество мини-систем, которые легко возникали и легко гибли. Но «между 8000 г. до н.э. и 1500 г. н.э.» на планете одновременно сосуществовали все три вида исторических систем. Долгое время мир-экономики проигрывали в конкурентной борьбе мир-империям: они либо поглощались соседними мир-империями, либо сами трансформировались в них. Однако на рубеже XV–XVI вв. в Евро-

пе сформировалась капиталистическая мир-экономика, которая не только выжила, но и подчинила все остальные исторические системы, «втягивая» в себя одну за другой существовавшие тогда мир-империи. В результате, как констатирует ученый, сложилась исторически уникальная ситуация: «К концу девятнадцатого столетия капиталистическая мир-экономика распространилась по всей планете, поглотив все существующие исторические системы. Следовательно, впервые в истории Земли на ней начала существовать одна-единственная историческая система» [5, с. 200].

В работах И. Валлерстайна мы находим несколько положений, которые можно идентифицировать как синергетические [5, с. 201–202; 6, с. 5–9].

1. Исторические системы, как и любые сложные системы, имеют ограниченный срок жизни и существуют лишь до тех пор, пока сохраняют «равновесие» (в синергетике сказали бы «устойчивое неравновесие», «гомеостаз»).

2. В состоянии устойчивости система может отклоняться от оптимального устойчивого состояния лишь в определенных пределах, а значит, необходимость здесь преобладает над свободой воли. Однако рано или поздно любая система «все дальше отклоняется от равновесия» и, достигая точки бифуркации (кризиса), гибнет.

3. Но в точках бифуркации диапазон выбора у субъектов социального действия существенно расширяется, свобода воли начинает преобладать над необходимостью, так как даже незначительные воздействия приводят к масштабным изменениям. Следовательно, результаты кризиса не могут быть определены заранее. Мы не можем знать, будет ли последующая система лучше или хуже предыдущей, придет ли на смену данной системе одна или несколько систем. Вместе с тем именно в такие периоды возрастает значение случайности и человеческой деятельности. Следовательно, прогресс хотя и не неизбежен, но все-таки возможен. За несколько последних тысячелетий, как говорит ученый, мир не стал более нравственным, но он мог стать таким.

Именно эта, по сути, синергетическая модель развития и становится фундаментом представлений И. Валлерстайна о цикличности. Насколько можно понять из контекста его работ, ученый рассматривает циклы как колебания определенных параметров системы вокруг условной точки оптимальной устойчивости. Пока такие колебания не выходят за определенные, «допустимые» пределы, система сохраняет жизнеспособность. Но когда «исторические тенденции приведут ее в точку, где колебания системы станут настолько масштабными и хаотичными, что окажутся несовместимыми с обеспечением жизнеспособности ее институтов» [6, с. 51], система погибнет.

Отсюда вытекает два важных следствия. Во-первых, циклы характеризуют функционирование системы, ее сохранение, а не развитие, которое происходит (может происходить) только в точках бифуркации, при разрушении данной системы и возникновении новой системы (или систем). Во-вторых, «повторяющееся, или циклическое, измеряется именно внутри пространственно-временных границ данной исторической системы» [5, с. 201]. Бессмысленно говорить о циклах, которым бы подчинялось функционирование нескольких систем. *У каждой исторической системы – свои собственные циклы*.

Вместе с тем циклические колебания системы не означают полное отсутствие направленных изменений. Ученый отмечает, что хотя циклы и яв-

ляются проявлением механизма, который обеспечивает воспроизводство «общей модели» данной системы, но они, одновременно с этим, «раскачивают систему в разные стороны, которые можно назвать секулярными трендами». Именно поэтому данная «общая модель» системы рано или поздно будет разрушена (раскачена выше определенного предела). Кроме того, каждый новый цикл приносит хотя и незначительные, но все же заметные структурные изменения, которые и определяют исторические тенденции изменения системы (разумеется, в рамках указанной «общей модели»).

Таким образом, циклы в понимании И. Валлерстайна не мешают направленному развитию данной системы в пределах данного уровня сложности. Однако циклы не относятся к ходу бифуркаций при переходе систем на принципиально иную модель функционирования и не могут помочь нам в предсказании «постбифуркационного» развития исторических систем. В лучшем случае они помогают (предположительно) определить время наступления кризиса системы.

4. Типология и схема истории в концепции Сервиса–Салинза

Относительную взаимную автономию социальной типологии и схемы истории прекрасно иллюстрирует концепция форм организации лидерства и управления в обществе, предложенная Маршаллом Салинзом и Элманом Сервисом, и ее критический анализ, осуществленный впоследствии Хенри Классеном.

К концу 50-х гг. XX в. в культурной антропологии актуальным было противостояние двух концепций эволюции человеческой культуры: концепции универсальной эволюции Лесли Уайта и концепции многолинейной эволюции Джулиана Стюарда. В этих условиях М. Салинз и Э. Сервис выпустили совместную книгу «Эволюция и культура» [7], в которой утверждали, что между позициями Л. Уайта и Д. Стюарда нет непреодолимых противоречий[1].

Для обоснования такой позиции М. Салинз вводит разграничение между «общей» и «специфической» эволюцией [11, p. 12–44]. Общая эволюция, изучаемая на высоком уровне абстракции, рассматривается как эволюция человеческой культуры в целом, в рамках которой *скачкообразно* возникают новые культурные типы (классы культурных форм). Здесь мы наблюдаем рост адаптивности и сложности, повышение уровня организации, а значит, известную однонаправленность. Специфическая эволюция, напротив, описывает конкретные пути развития конкретных культурных форм (по сути, конкретных обществ), которые представляют собой конкретные способы адаптации к специфическим условиям (природной и социальной) среды. Как следствие, «специфическая» эволюция здесь рассматривается всего лишь как механизм осуществления «общей», универсальной эволюции обществ. Общая же эволюция, определяемая как движение культуры по стадиям универсального прогресса, характеризуется следующими параметрами: движением от большей к меньшей трансформации энергии; движением от более низких к более высоким уровням интеграции; движением от меньшей к большей адаптивности.

[1] Об этой концепции см. также: [8, с. 10; 9, с. 156–157; 10, с. 11].

Эту идею прекрасно иллюстрирует предложенная исследователями типология форм организации лидерства и управления в обществе. По существу, выделенные исследователем типы лидерства и управления (типы *политий*, как бы сказали сейчас) представляют собой расположенные в определенной последовательности *стадии*, каждая последующая из которых является «более сложной» и, следовательно, более «прогрессивной», чем предыдущая. Здесь выделяется четыре таких типа [11–13]. Это *локальная группа* (бэнд, *local band*) охотников и собирателей с аморфным руководством, несегментированная, члены которой (группы) совместно используют ресурсы. *Племя* (*tribe*) характеризуется появлением различных надлокальных союзов (кланы, общины и т.д.) и отсутствием политической иерархии. Лидерство здесь носит личный характер и возникает лишь для решения конкретных задач. *Вождества* (*chiefdom*) характеризуются наличием центральных органов, которые координируют социальную, экономическую и культурную жизнь общин. *Государство* (*state*) характеризуется центральной властью, способной проводить свои решения в жизнь, в том числе принудительно.

В настоящее время схема истории Сервиса–Салинза подвергается критике со стороны многих исследователей, в том числе со стороны Хенри Классена. Правда, в свое время Х. Классен сам был поклонником этого подхода. В 1978 г. он (совместно со П. Скальником) выпустил монографию «Раннее государство» [14], в которой было показано, что всем ранним государствам предшествовала политическая организация типа вождества и что, следуя различными путями, они (вождества) неизменно достигали уровня раннего государства.

Казалось бы, это подтверждает правоту подхода Сервиса–Салинза. Однако со временем голландский ученый отыскал в своих рассуждениях серьезный логический изъян. Оказывается, в указанной монографии была прослежена эволюция 21 общества, которые со стадии вождества достигли стадии раннего государства, и это было заведомо известно до начала исследования. Вместе с тем здесь не были проанализированы те общества, которые так и не достигли ступени государства. Говоря языком гносеологии, для эмпирического обоснования таких стадиальных схем привлекались только факты, заведомо подтверждающие их, а факты, которые им противоречили, просто игнорировались [10, с. 12–13].

Описанный эпизод в развитии социального эволюционизма не только иллюстрирует относительную автономность социальной типологии по отношению к схеме истории, но и указывает на опасность, связанную с построением исторической периодизации. Если даже мы выделили определенные типы обществ и существование этих типов подтверждается эмпирически, нам тем не менее следует воздержаться от соблазна расположить их в хронологическом порядке и представить в качестве «стадий» развития человеческого общества вообще. Основной изъян схемы Сервиса–Салинза состоит вовсе не в том, что в ней были выделены несуществующие типы организации управления. Напротив, существование таких видов политии, как бэнд, племя, вождество и государство, не вызывает сомнений и в настоящее время. Однако из этого *не следует*, что развитие общества связано с той или иной последовательностью именно этих типов, что последовательность этих типов должна быть именно такая, какой она описана в данной схеме, что не могут существовать другие типы политии, в этой схеме не представленные.

Вместо заключения

Таким образом, философско-историческую концепцию можно сравнить с *мозаикой*, которая состоит из отдельных фрагментов и составляющих, которые, однако, при правильном расположении образуют целостное и осмысленное изображение. Здесь, в принципе, один элемент может быть удален и заменен другим, при условии сохранения непротиворечивости и осмысленности общей картины. Если же элементы изображения будут расставлены противоречиво, несогласованно, то мы вместо целостной картины получим неупорядоченное изображение, нагромождение случайных представлений – калейдоскоп. Поэтому хотя сочетания элементов и уровней представлений в рамках философско-исторической концепции не могут быть произвольными, но они все же вариативны в определенных пределах.

Список литературы

1. **Назаретян, А. П.** Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. (Синергетика – психология – прогнозирование) / А. П. Назаретян. – 2-е изд. – М. : Мир, 2004.
2. **Коротаев, А. В.** Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) / А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин, В. А. Лынша // Альтернативные пути к цивилизации : кол. моногр. / под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. – М. : Логос, 2000.
3. **Шпенглер, О.** Закат Европы / О. Шпенглер ; пер. с нем. – Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2000.
4. **Сорокин, П. А.** Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов ; пер. с англ. – М. : Политиздат, 1992.
5. **Валлерстайн, И.** Исторические системы как сложные системы / И. Валлерстайн // Философские перипетии. Вестник Харьковского государственного университета. – 1998. – № 409. – С. 198–203. – (Философия. ХГУ).
6. **Валлерстайн, И.** Конец знакомого мира: Социология XXI века / под ред. В. И. Иноземцева ; пер. с англ. – М. : Логос, 2004. – 368 с.
7. **Sahlins, M. D.** Evolution and Culture / M. D. Sahlins, E. R. Service. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 1960.
8. **Будон, Р.** Место беспорядка. Критика теорий социального изменения / Р. Будон ; пер. с фр. М. И. Криченко. – М. : Аспект-пресс, 1998.
9. **Штомпка, П.** Социология социальных изменений / П. Штомпка ; под ред. В. А. Ядова ; пер. с англ. – М. : Аспект-Пресс, 1996.
10. **Классен, Х. Дж. М.** Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма / Х. Дж. М. Классен // Альтернативные пути к цивилизации : кол. моногр. / под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. – М. : Логос, 2000.
11. **Sahlins, M. D.** Evolution: Specific and General / M. D. Sahlins // Evolution and Culture I Ed. By M. D. Sahlins, E. R. Service. – Ann Arbor, MI : University of Michigan Press, 1960.
12. **Service, E. R.** Primitive social organization / E. R. Service. – New York : Random House, 1971.
13. **Классен, Х. Дж. М.** Эволюционизм в развитии / Х. Дж. М. Классен // История и современность. – 2005. – № 2. – С. 4–5.
14. **Claessen, H. J. M.** The early state / H. J. M. Claessen, P. Skalnik. – The Hague : Mouton, 1978.

Горюнов Алексей Владимирович
кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, Ульяновский государственный университет

Goryunov Aleksey Vladimirovich
Candidate of philosophy, associate professor, sub-department of philosophy, Ulyanovsk state university

E-mail: algor74@inbox.ru

УДК 101.1:316«312»
Горюнов, А. В.
Архитектоника философско-исторического знания / А. В. Горюнов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 78–89.

УДК 821.111.0

Б. Р. Напцок

К ВОПРОСУ О ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ АНГЛОСАКСОНСКОГО ЭПОСА «БЕОВУЛЬФ» И АНГЛИЙСКОЙ «ГОТИЧЕСКОЙ» ТРАДИЦИИ XVIII в.

Аннотация. Целью статьи явилось исследование вопроса о генетической связи эпоса «Беовульф» и английской «готической» традиции XVIII в. Задачи исследования: рассмотреть поэтику и семантику сверхъестественных образов Гренделя и его матери в сюжетном развитии поэмы; проанализировать «готический» антураж и фантастический фон в произведении. В англосаксонском эпосе «Беовульф» появляются элементы сверхъестественного и ужасного, со временем вошедшие в английскую «готическую» традицию: образ героя-злодея, названного злым и проклятым духом, призраком; мотив ужасного взгляда; психологическая атмосфера страха и ужаса; сочетание реалистических и фантастических картин; темы Рока и Возмездия.

Ключевые слова: англосаксонский эпос «Беовульф», его генетическая связь с английской «готической» традицией, «готические» образы, мотивы, хронотоп, пейзаж, атмосфера страха и ужаса в эпосе.

Abstract. Article purpose was research of a question on an epos genetic relation “Beowulf” and English “Gothic” tradition of XVIII century. The main tasks of the research are: to consider poetics and semantics of supernatural images Grendel and his mothers in subject development of a poem; to analyse “Gothic” surroundings and a fantastic background in epos. In the Anglo-Saxon epos “Beowulf” there are elements supernatural and awful, in due course entered into English “Gothic” tradition: an image of the hero-villain named malicious and damned spirit, a phantom; motive of an awful sight; psychological fear and horror atmospheres; a combination of realistic and fantastic pictures; Fate and Punishment themes.

Keywords: the Anglo-Saxon epos “Beowulf”, its genetic relation with English “Gothic” tradition, “Gothic” images, motives, the chronotopos, the landscape, fear and horror of atmosphere in the epos.

Англосаксонский эпос «Беовульф» всегда был неисчерпаемым источником самых разнообразных исследований. В последние десятилетия наблюдается расцвет беовульфоведения. В английских изданиях с обширными комментариями Ф. Клэбера, К. Добби, в обстоятельных исследованиях М. Пери, А. Б. Лорда, Р. Гирвана, У. У. Лоуренса и др. определяются истоки поэмы, связи с легендами, историей, мифами, толкуются лингвистические и семантические сложности древнеанглийского текста, отмечаются параллели с Библией, с ирландской и скандинавской эпическими традициями и т.д. Несмотря на широту рассматриваемых вопросов, в литературоведении практически не поднимался вопрос о генетической связи эпоса «Беовульф» с английской «готической» традицией. Вместе с тем мы склонны утверждать наличие такой связи. Доказательства этому представляет сам текст поэмы.

I. Эпос «Беовульф», относящийся к VII–VIII вв., содержит в своей основе устные предания и общегерманские мифы, очевидно, обработанные не одним профессиональным автором. Событийный план, отраженный в эпосе, не включает в себя определенные исторические факты. В нем нет и исторически известных персонажей.

«Беовульф» состоит их двух частей, содержащих описание основных событий жизни главного героя поэмы – битвы с чудовищем Гренделем и его матерью и боя с драконом. Богатырь Беовульф не был конкретным историческим лицом и не имел прототипов. Однако он соединил в себе легендарно-мифологические представления об идеальном могучем герое, порожденные народной фантазией языческих времен и утверждающейся христианской идеологией.

Фантастические подвиги Беовульфа перенесены из ирреального мира сказки на историческую почву и происходят среди народов Северной Европы – датчан, шведов, геатов. Историческое повествование о войнах между народами и королями сочетается здесь со сказочными ужасами, что вполне естественно, потому что в существование чудовищ и драконов в те времена все верили безоговорочно.

II. В первой части поэмы обнаруживаются явные параллели с появившейся через несколько веков английской «готической» традицией. Вторая часть связана лишь с фольклорными и историческими источниками.

Беовульф, племянник и вассал короля геатов (скандинавского племени гаутов), вместе с четырнадцатью воинами прибывает ко двору датского короля Хротгара, чтобы освободить датчан от страшного чудовища Гренделя, который по ночам приходит в Хеорот («Палату Оленя») – королевский пиршественный зал – и уничтожает воинов датского конунга Хротгара:

«Счастливо жили
дружинники в зале,
пока на беду им
туда не явилось
ада исчадие;
Гренделем звался
пришелец мрачный,
живший в болотах,
скрывавшийся в топях,
муж злосчастливый,
жалкий и страшный
выходец края,
в котором осели
все великаны
с начала времен,
с тех пор, как Создатель
род их проклял» [1, с. 33–34].

«Ночью Грендель
вышел разведать,
сильна ли стража
кольчужников датских
возле чертога,
и там, в покоях,

враг обнаружил
дружину, уснувшую
после пиршества, –
не ждали спящие
ужасной участи, –
тогда, не мешкая,
грабитель грозный,
тать кровожорный
похитил тридцать
мужей-воителей,
и, с громким хохотом
и корчась мерзостно,
вор в берлогу
сволок добычу,
радуясь запаху
мяса и крови» [1, с. 34–35].

В описании Гренделя и его кровавых деяний частично сохранены черты древнеанглийского поэтического стиля: мало сравнений, условные эпитеты, а метафор вообще нет, зато встречается большое количество малоупотребительной поэтической лексики, разнообразных синонимов – существительных, глаголов. Например, «Господом проклятый Грендель», «шел отверженец тропой изгнанников», «муж, что огромней любого смертного», «грабитель грозный», «тать кровожорный»; «вор в берлогу сволок добычу, радуясь запаху мяса и крови» и т.д.

На протяжении двенадцати зим повторяются набеги Гренделя, и даны (датчане) не знают, как избавиться от него:

«И слагались в то время
по всей земле
песни горестные,
но правдивые
о том, как Грендель
войной на Хродгара
год за годом
злосердый ходит,
и нет предела
проклятой пагубе…» [1, с. 36].

«Исчадием ночи», выходящим на охоту, именуется Грендель. Звучит мотив Судьбы, связанный с дохристианскими представлениями, когда верили не в промысел Бога, а в Рок или Судьбу. Не случайно здесь Грендель называется «хищной тварью Судьбы-владычицы», которая часто виделась злой и непредсказуемой.

В начале поэмы в трех отрывках говорится о том, как Грендель нападает на Хеорот. Эти отрывки сходны по содержанию: они создают атмосферу напряженного ожидания и впечатление неотвратимости будущей смертельной схватки:

«Из топей сутемных
по утесам туманным
Господом проклятый
шел Грендель

искать поживы,
крушить и тратить
жизни людские
в обширных чертогах…» [1, с. 63].

Появление Гренделя в Хеороте во время пиршества, устроенного Хротгаром, не становится неожиданностью для Беовульфа:

«Едва он коснулся
рукой когтелапой
затворов кованых –
упали двери,
ворвался пагубный
в устье дома,
на пестроцветный
настил дворцовый
ступил, неистовый,
во тьме полыхали
глаза, как факелы,
огонь извергали его глазницы.
И там, в палатах,
завидев стольких
героев-сородичей,
храбрых воителей,
спящих по лавам,
возликовал он:
думал, до утра
душу каждого,
жизнь из плоти,
успеет вырвать,
коль скоро ему
уготовано в зале
пышное пиршество» [1, с. 63].

III. Описание Гренделя сводится к эпитетам «пагубный», «неистовый», к отдельным деталям портрета: «рука когтелапая», «во тьме полыхали глаза, как факелы, огонь извергали его глазницы», а также к показу его стремительных действий: коснулся дверей – они упали, ворвался во дворец, увидел добычу, возликовал от того, что сумеет вырвать у воинов «жизнь из плоти».

Далее в тексте рисуется ужасная натуралистическая сцена:

«…чудище попусту
не тратило времени! –
тут же воина
из сонных выхватив,
разъяло ярое,
хрустя костями,
плоть и остов
и кровь живую
впивало, глотая
теплое мясо;

мертвое тело
с руками, с ногами
враз было съедено» [1, с. 64].

В жестокой схватке Беовульф побеждает Гренделя, который убегает в свое логово:

«…еще не встречал он
руки человечьей
сильней и тверже;
душа содрогнулась,
и сердце упало, но было поздно
бежать в берлогу,
в логово дьявола…» [1, с. 64–65].

Схватка Беовульфа с Гренделем не была долгой. Преимущество изначально оказалось на стороне Беовульфа. Он победил Гренделя лишь силой своих рук. Рукопашная – излюбленный Беовульфом способ сражения. Но герой не знает, что если бы ему захотелось победить врага с помощью меча, то он не стал бы победителем, так как Грендель «от железных мечей, от копий заговорен был» [1, с. 67].

IV. На следующую ночь в Хеорот после празднования славной победы Беовульфа является мать Гренделя для того, чтобы отомстить за сына. Она названа «родителем Гренделя – женочудовищем, жившим в море, в холодных водах», «матерью страшилища», «тварью зломрачной»:

«Но мать страшилища,
тварь зломрачная,
решила кровью
взыскать с виновных,
отмстить за сына…» [1, с. 89].

Мать Гренделя убивает любимца Хродгара Эскхере. По германским понятиям, она имела несомненное право на месть.

Мстительнице не удается причинить Беовульфу какого-либо вреда, и в следующую ночь он отправляется на битву с нею. Беовульф находит ее в подводной пещере; разгорается продолжительный бой.

Несмотря на то, что в поэме звучит фраза: «...не так ведь могуча жена в сражении...», она, скорее всего, дань представлению, что существо женского пола не приспособлено к боевой схватке. На самом же деле победа над матерью Гренделя далась Беовульфу с гораздо большим трудом, чем над самим Гренделем. Интересно, что в оригинальном тексте поэмы мать Гренделя несколько раз называется «он». В древнеисландской литературе к наиболее воинственным героиням тоже изредка применяются эпитеты, естественные для характеристики мужчин (правда, ни об одной из них не сказано «он») [1, с. 646].

Беовульф убивает мать Гренделя заколдованным мечом, висевшим на стене пещеры, потому что противница могла погибнуть только от собственного оружия. После победы над чудищами Беовульф возвращается в Хеорот, все славят его храбрость и мужество.

V. В основе англосаксонского эпоса лежит противопоставление двух основных мотивов – «Добра» и «Зла». Доброе начало олицетворяют богатырь Беовульф и его воины, выступающие в защиту справедливости. «Зло» персонифицируется в образах ужасных чудовищ, «ведущих свой род от Каина», –

Гренделя и его матери. «Зло» связано с ужасными преступлениями, убийствами, стихийными бедствиями, страшными природными явлениями.

Сказочно-фантастические образы чудовищ в поэме «синтезируют понятия о Зле, выработанные и язычеством, и христианством» [2, с. 21]. В концентрированной форме они символически воплощают то реальное зло, которое несли людям постоянные войны и междоусобицы. Сцены, связанные с ужасом, страхом, возникают из сочетания реалистических и фантастических элементов, ясно отражающих особенности мировосприятия человека того исторического времени.

VI. Образ Гренделя трактуется исследователями с различных точек зрения. С одной стороны, он рассматривается как фантастический образ германской мифологии. С другой – как изгой, отверженный людьми враг, потерявший человеческий облик, оборотень, «потомок Каина», «язычник», осужденный на адские муки.

В «Беовульфе» только начинает формироваться образ ужасного злодея, названного позже в английской литературе XVIII в. «готическим». Возникает он опять-таки из христианских и языческих представлений, переплетающихся и подчас друг другу противоречащих. Так, сначала Гренделя называют «язычником», на котором лежит древнее проклятие. Затем он уподобляется дьяволу, осужденному на адские муки. Таким образом, противоречиво трактуемый в «Беовульфе» Грендель занимает промежуточное место в эволюции образа дьявола.

С помощью постоянных и составных эпитетов в образе Гренделя подчеркивается символическое воплощение Зла: «проклятые существа, подобные Гренделю-волку», «сыроядец», «зломогучий», «злорадец», «исчадие ночи», «жизнекрушитель», «несыть», «нежить», «тьмой порожденный», «грабитель грозный» и т.д.

Большую роль в сюжете «Беовульфа» играет условный пейзаж. Для древних германцев было очень важно разделение всего сущего на две сферы: «здесь» и «по ту сторону». Это разделение, отраженное и в эпосе, восходит к мифологическому взгляду на мир. Для англосакса развернутое описание логова Гренделя – это прежде всего картина потустороннего царства и лишь потом пейзаж. Хотя потустороннее царство в «Беовульфе» находится неподалеку, оно отделено от людей хорошо видимой чертой. Не случайно Грендель с матерью живут в недоступном болоте, называемом «норой болотной», «берлогой смрадной», «бучилом адским» и т.п.

VII. В «Беовульфе» сюжетные линии стянуты не только к хронотопу Хеорота, но и к хронотопу мест обитания чудовищ – к страшным, диким, полным ужаса, таинственным местам: скалам, пустошам, болотам и пещерам.

Описания северной природы даются с помощью реалистических красок: «туман болотный», «волчьи скалы», «склоны, поросшие мрачным лесом», «сумрачные топи»; рисуются мрачные пейзажи:

«…и кто был их предком
из темных духов,
и где их жилище –
люди не знают;
по волчьим скалам,
по обветренным кручам,
в тумане болотном

их путь неведом,
и там, где стремнина
гремит в утесах,
поток подземный,
и там, где, излившись,
он топь образует
на низких землях;
сплетает корни
заиндевелая
темная чаща
над теми трясинами,
где по ночам
объявляется чудо –
огни болотные;
и даже мудрому
тот путь заказан…» [1, с. 93–94].

Или другой отрывок:

«…вдруг перед ними
явились кручи,
склоны, поросшие
мрачным лесом,
камни замшелые,
а ниже – волны,
кипящие кровью…» [1, с. 95–96].

Фантастические описания появляются в тот момент, когда Беовульф начинает свой спуск в логово чудовищ:

«…и потащила
пучин волчица
кольцевладельца
в свой дом подводный…» [1, с. 100].

«Так в скором времени
он оказался
в неведомом зале,
который кровлей
был отмежеван
от вод прожорливых,
от бездн холодных,
чертог обширный…» [1, с. 100–101].

Синтез реализма и фантастики отражает специфику мировосприятия, свойственного человеку языческих и раннехристианских времен. Не всегда ощущается враждебность природы. Освобожденная от «нечисти» после победы Беовульфа над Гренделем и его матерью природа как будто обновляется и очищается. На смену зловещим и подчас устрашающим пейзажам приходит описание восходящего солнца.

Анализ текста «Беовульфа» дает основание к следующим выводам:

1. В жизнь людей вмешиваются неизведанные сверхъестественные силы. Мрачный каламбур проходит через все описание Гренделя: по-древнеанглийски слова «gāst» и «gæst» – «гость» и «призрак», «дух» – звучали очень похо-

же, а Грендель часто называется злым и проклятым духом, призраком, но он же и незваный гость.

2. Грендель – существо, сочетающее в себе черты чудовища и человека, изгоя, отщепенца, – очевидный источник героев-злодеев из романов ужасов, английских «готических» романов XVIII в.

3. В портрете Гренделя мало подробных описаний, но выделяется его основная черта – «взгляд, пылающий огнем»: «во тьме полыхали глаза, как факелы, огонь извергали его глазницы». В большинстве английских «готических» романов «испепеляющие глаза», «страшный взгляд, от которого стынет кровь» являются типичными чертами для «готического» героя-злодея и играют важную роль во внешней характеристике персонажа.

4. Шокирующие натуралистические картины злодейских деяний Гренделя в «Беовульфе» – это предтеча сцен «готических» романов, в которых используется не столько натурализм, сколько психологическое нагнетание атмосферы страха и ужаса. Зло сконцентрировано в отчетливых образных формах.

5. В «Беовульфе» реалистическое описание мрачного ландшафта северной природы сочетается с фантастическими описаниями «подводного чертога» Гренделя и его матери и окружающей местности, «кишащей нечистью».

6. С Гренделем связаны темы Рока и Возмездия, которые впоследствии будут восприняты и по-новому осмыслены в английской «готике».

Таким образом, в англосаксонском эпосе «Беовульф» появляются отдельные элементы сверхъестественного и ужасного, со временем вошедшие в английскую «готическую» традицию XVIII в. и ставшие ее частью.

Список литературы

1. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М. : Худ. лит., 1975. – 752 с.
2. Литература и искусство западноевропейского Средневековья / под ред. О. Л. Мощанской, Н. М. Ильченко. – М. : Владос, 2002. – 208 с.

Напцок Бэлла Радиславовна
кандидат филологических наук, доцент, кафедра литературы и журналистики, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп)

Naptsok Bella Radislavovna
Candidate of philological sciences, associate professor, sub-department of literature and journalism, Adigeya state university (Maykop)

E-mail: bella@maykop.ru

УДК 821.111.0

Напцок, Б. Р.

К вопросу о генетической связи англосаксонского эпоса «Беовульф» и английской «готической» традиции XVIII в. / Б. Р. Напцок // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 90–97.

УДК 821.161.1.0

Д. Н. Жаткин, Т. А. Яшина

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ВОСПРИЯТИЯ «ИРЛАНДСКИХ МЕЛОДИЙ» ТОМАСА МУРА В РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX в. (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ СТИХОТВОРЕНИЯ «НЕ ПРОИЗНОСИТЕ ЕГО ИМЯ…»)[1]

Аннотация. Авторами статьи впервые проведен сопоставительный анализ осуществленных в XIX – начале XX в. М. П. Вронченко, Д. П. Ознобишиным, А. Н. Плещеевым, Ф. А. Червинским, В. С. Лихачевым, Л. И. Уманцем и неизвестным переводчиком интерпретаций стихотворения «Oh! Breathe not his name…» («Не произносите его имя…»), входящего в известный цикл «Irish Melodies» («Ирландские мелодии») Томаса Мура. Отмечено художественное своеобразие каждой из русских интерпретаций, их созвучность общественно-политическим событиям и литературной жизни России. Стихотворение «Oh! Breathe not his name…» рассматривается в контексте всего цикла «Irish Melodies», что позволяет выйти на значимые для науки обобщения.

Ключевые слова: Томас Мур, русско-английские литературные и историко-культурные связи, поэтический перевод, реминисценция, традиция.

Abstract. The authors firstly deals with the comparison analysis made in the XIX and the beginning of the XX century by M. P. Vronchenko, D. P. Oznobishin, A. N. Pleshcheev, F. A. Chervinsky, V. S. Lykhachov, L. I. Umanets and the unknown translator on the material of the interpretations of the poem «Oh! Breathe not his name…», which belonged to the famous cycle «Irish Melodies», written by Thomas Moore. The authors of the article marked the artistic originality of the each of Russian interpretation and their harmony with the public and political events and literary life in Russia. The poem «Oh! Breathe not his name…» considers in the context of the whole poetic cycle «Irish Melodies», which helps to find important scientific facts and conclusions.

Keywords: Thomas Moore, Russian-English literary and history-cultural connections, poetic interpretation, reminiscence, tradition.

Цикл «Irish Melodies» («Ирландские мелодии») Томаса Мура, публиковавшийся десятью отдельными выпусками с 1807 г. на протяжении более четверти века (по 1834 г.), принес английскому поэту общеевропейскую литературную известность благодаря успешному сочетанию национально-специфических и общеевропейских черт, многообразию форм художественного выражения особенностей романтического мировосприятия литературной эпохи. «Ирландские мелодии» Томаса Мура, обретя устойчивую и длительную популярность в России, стали символом ирландского освободительного движения конца XVIII – начала XIX в. Известно, что стихотворения данного цикла не только широко переводились на русский язык [1, с. 400–403; 2, с. 31–41; 3, с. 212–216; 4, с. 142–144], но и фрагментарно включались в поэтические и прозаические произведения русских писателей,

[1] Статья подготовлена по проекту НК-441(6)п «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению «Филологические науки и искусствоведение» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» (госконтракт № П2568 от 25.11.2009 г.).

использовались в качестве эпиграфов [5, с. 95–101; 6, с. 87–89]. Авторов переводов привлекали созвучность жизненных представлений ирландского романтика общественно-политическим событиям, происходившим в России, его свободолюбивые мысли.

Четвертое стихотворение цикла «Irish Melodies» «Oh! Breathe not his name…» («Не произносите его имя…»), неоднократно приковывавшее к себе внимание русских интерпретаторов на протяжении XIX – начала XX в., было посвящено другу Томаса Мура, ирландскому патриоту Роберту Эммету, одному из руководителей ирландского восстания 1803 г., активному участнику левого крыла движения «Объединенных ирландцев», близкому своими гражданскими устремлениями к якобинцам. Роберт Эммет, казненный англичанами, запомнился тем, что накануне казни сказал: «Уходя из этого мира, я прошу лишь об одном. О даре забвения. Пусть никто не сочиняет для меня эпитафии. Но когда моя страна займет достойное место среди других стран земли, только тогда, и не раньше, пусть напишут эпитафию и мне» [7, с. 492]. Близость молодого Мура с Робертом Эмметом, прекратившаяся после исключения последнего из университета, сменилась теплым дружеским чувством, которое поэт сохранил в себе на протяжении всей последующей жизни. Стихотворение «Oh! Breathe not his name…», равно как и другие ранние «ирландские мелодии», пронизано болью и глубоким разочарованием, вызванными трагедией ирландского народа, подавлением его национально-освободительного движения; вместе с тем глубинные протестные настроения словно растворены в задушевном, проникновенном лиризме, изящной грусти, наконец, в характерной элегической тональности, указывавшей на разочарование поэта в жизни и при этом настраивавшей на примирение со свершившимся, со сложившимися обстоятельствами действительности.

Два ранних перевода «Oh! Breathe not his name…» появились практически одновременно: в «Невском альманахе» на 1829 г. был опубликован перевод данного стихотворения, выполненный М. П. Вронченко («Умолчим его имя: пусть там оно спит…») [8, с. 255]; на страницах альманаха «Зимцерла» на 1829 г. увидел свет перевод Д. П. Ознобишина «Не зовите его: пусть спит он в безмолвье…» [9, с. 68], выполненный еще в 1826 г. По мнению А. Н. Гиривенко, первые обращения к стихотворению Мура в России носили программный характер («Во всяком случае, и Вронченко, и Ознобишин не стремились просто ознакомить своих соотечественников еще с одним произведением ирландского поэта-патриота» [10, с. 68]), связанный с возникновением в русской поэзии темы поиска могилы декабристов [11, с. 540]. В настоящее время часть исследователей (вслед за А. С. Пушкиным и А. А. Ахматовой) придерживается мнения о том, что пятеро казненных декабристов были тайно зарыты на невском взморье, на Голодае, представляющем собой северную конечность Васильевского острова, отделенную от него рекой Смоленкой (ныне Голодай – остров Декабристов); следы поисков могилы декабристов усматриваются во многих пушкинских произведениях – Евгений из «Медного всадника» похоронен на «острове малом», в котором можно распознать Голодай; в стихотворениях «Когда порой воспоминанье…», «Стремлюсь привычною мечтою…» с их характерной ностальгией по пережитому, равно как и в повести «Уединенный домик на Васильевском», можно почувствовать проникновенно прорисованную Пушкиным сумрачную атмосферу Голодая [12, с. 211]. Очевидно, возможность соотнесения безымянной моги-

лы борца за свободу ирландцев Роберта Эммета с безвестными могилами казненных декабристов и обусловила интерес к муровскому произведению со стороны Д. П. Ознобишина, накануне восстания сблизившегося с В. К. Кюхельбекером и Ф. Н. Глинкой, и М. П. Вронченко, командированного в Дерптский университет для изучения астрономии и сдружившегося там со студентом Н. М. Языковым, входившим в круг дружеского общения Е. А. Баратынского и находившимся под несомненным творческим влиянием А. С. Пушкина.

В 1834 г. стихотворение Мура было упомянуто в третьей части повести Н. А. Полевого «Аббаддонна», действие которой происходило в Германии: на вечере у героини повести Элеоноры, услаждавшей разноплеменных гостей игрой на фортепиано, английский лорд «умолял <…> играть что-нибудь его родное и закрыл глаза рукою, когда после печальной Муровой мелодии: «Oh! breathe not his name, let is sleep in the shade» («О, не вспоминай о нем – пусть мирно покоится он…») Элеонора перелетела тихими аккордами в Шотландские горы и начала романс Кольмы [«Песнь Кольмы» Дж. Макферсона (из цикла поэм Оссиана)]; глубокое молчание царствовало в зале» [13, с. 32–33].

Новые интерпретации «Oh! Breathe not his name…» появились только в 1870–1880-е гг., когда произошел всплеск внимания русских писателей и переводчиков к ирландской теме, обусловленный историческими причинами. К этому времени Ирландия, так и не добившаяся независимости, была окончательно превращена в аграрный придаток английской экономики, источник сырья и дешевой рабочей силы, рынок сбыта английской продукции. К тому же система лендлордизма (аренда земли бедняцкой массе на кабальных условиях) порождала в Ирландии «земельный голод», приводивший в упадок сельское хозяйство, и без того подорванное уничтожением домашней промышленности из-за конкуренции английских товаров и многолетними неурожаями картофеля (1877–1880, 1886), являвшегося основным продуктом питания ирландцев. Недовольство бедного крестьянства подавлялось британскими властями при помощи национальной ирландской буржуазии, боявшейся открытых мятежей, но при этом использовавшей проблемные ситуации в собственных целях, истребуя для себя уступок и преференций. Острота проблем российского крестьянства была столь же значительной, и потому, обращаясь к произведениям Мура, русские интерпретаторы акцентировали внимание на проблемах в своем отечестве, в прямом или завуалированном виде говорили о необходимости преодоления вопиющего социального неравенства, пробуждения дремлющего, «темного» сознания крестьянских масс.

Ирландская мелодия «Oh! Breathe not his name…» с ее программностью и открытой иносказательностью заинтересовала А. Н. Плещеева, который, публикуя свой вольный перевод «Не называйте его!» в № 6 «Отечественных записок» за 1875 г. [14, с. 367], вероятно, напоминал читателям о трагической судьбе петрашевцев, чье социально-утопическое мировоззрение показалось вредоносным Николаю I. А. Н. Плещеев, осужденный в 1849 г. в рамках дела петрашевцев за распространение известного письма В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю к четырем годам каторги, а затем переведенный рядовым в Уральск в Оренбургский линейный батальон, мысленно возвращался в свою молодость, к поломанным судьбам, погибшим надеждам и мечтам своих друзей, близких кругу М. В. Петрашевского, многих из которых уже не было к тому времени в живых. Символично, что при первой публикации перевода

А. Н. Плещеева отсутствовала ссылка, содержавшая соотнесение содержания английского оригинала с судьбой Роберта Эммета; эта ссылка появилась только в последующих изданиях.

Публикуя в 1887 г. в «Вестнике Европы» свой перевод «О, не шепчите над гробом вы имя его дорогое!..» [15, с. 752], Ф. А. Червинский, в отличие от предшественников, в большей мере ориентировался на решение творческих, нежели идейно-политических, гражданственных задач. Стремясь сохранить ритмический строй оригинала, непринципиальный для переводчиков-предшественников, Ф. А. Червинский использовал шестистопный дактиль с его характерной ритмической растянутостью, придававшей тексту ощущение сугубо русской напевности, задушевности. Благодаря использованию стилистических повторов, способствовавших проведению параллелей между первой и второй строфами (например, «Пусть наши *слезы* печальные льются из глаз омраченных / *Тихо*, как перлы *росинок* <…>» и «Падает *тихо роса* <…> / *Тихие* жаркие *слезы* над этой могилой» [15, с. 752]), Червинский мастерски придавал нейтральным словам экспрессивный ореол.

Перевод Ф. А. Червинского был несомненной творческой удачей, что осознавал, в числе прочих, и сам переводчик, републиковавший «О, не шепчите над гробом вы имя его дорогое!..» в сборнике собственных оригинальных произведений в 1892 г. [16, с. 167]. Однако появление данного талантливого перевода не только не притупило интереса интерпретаторов к муровскому произведению, но и во многом способствовало усилению внимания к «Oh! Breathe not his name…». В № 9 журнала «Труд. Вестник литературы и науки» за 1893 г. увидел свет перевод В. С. Лихачева «Эпитафия» [17, с. 585–586]; в ноябрьской книге «Русской мысли» за 1900 г. был опубликован перевод Л. И. Уманца «Не вздыхай! Пусть в тени он в объятиях сна…» [18, с. 115]; наконец, в книге «Томас Мур (1779–1852). Биографический очерк ирландского писателя с приложением его стихотворений» (М., 1901) был напечатан анонимный перевод «Эпитафия неизвестным» («Не знают люди имени родного…») [19, с. 43]. Символично, что поздние переводчики, стремясь подчеркнуть как содержательную, так и формальную (жанровую) близость этой ирландской мелодии Томаса Мура жанру эпитафии, указывали на данное обстоятельство уже в заглавии, после чего шли по пути установления связей мира живых и мира мертвых, подчеркивали просьбу ирландского барда не тревожить память погибших, тем самым усиливая трагизм от потери сынов отечества.

Первый стих английского оригинала, характеризовавшийся повелительностью интонации («Oh! breathe not is name, let it sleep in the shade» [7, с. 48] [«О! Не произносите его имя, пусть оно спит в тени»]), был вполне точно воспринят всеми русскими интерпретаторами, каждый из которых, однако, по-своему понимал значимую для Мура лексему «shade» (тень, навес), символизировавшую укромное тихое место, могилу. Так, в переводе Вронченко «shade» заменено указательным местоимением «там», предполагавшим в дальнейшем развернутое описание: «Умолчим его имя: пусть там оно спит, / Где без славы, без почестей прах его скрыт; / Пусть во мраке текут наши слезы о нем, / Как роса над могильным холмом» [8, с. 255]. В эмоциональном плане наиболее близок к оригиналу Плещеев, использующий вместо «shade» синтагму «тенистый приют», тем самым создавая эффект умиротворенности и покоя: «Пусть лежит он в тенистом приюте своем, / Где зарыт он без почес-

тей нами» [14, с. 367]; Уманец дословно переводит лексему «shade», однако заменяет глагол «sleep» («спать») поэтическим оборотом «в объятиях сна»: «Не вздыхай! Пусть в тени он в объятиях сна, / Где сложили без почестей прах…» [18, с. 115]. В переводе Ознобишина вместо лексемы «shade» использовался поэтический собирательный образ «безмолвье», усиливавший колорит описания («Не зовите его, пусть спит он в безмолвье» [9, с. 68]); у Червинского символическое обозначение места, где покоится прах, заменено конкретным существительным «гроб»: «О, не шепчите над гробом вы имя его дорогое!» [15, с. 752], при этом сохранено восклицание, выраженное междометьем «Oh» и использован инверсивный эпитет «имя дорогое», привносящий мысль о том, что ратный подвиг погибшего надолго останется в памяти потомков; для Лихачева, вообще опускавшего упоминание о тени, было важно, благодаря использованию повелительного наклонения и мастерской постановке пауз, подчеркнуть мысль ирландского поэта о бесполезности красноречивых слов и невозможности изменить события прошлых лет: «Не надо имени… Пусть он спокойно спит» [17, с. 585].

Почти все интерпретаторы близко к тексту передают муровское описание способа захоронения неизвестного героя – «Where cold and unhonored his relics are laid» [7, с. 48] [Где лежит его холодный, без почестей прах]: так, в переводах Плещеева, Ознобишина, Уманца и Вронченко сохранено придаточное в значении обстоятельства места, однако при этом у Плещеева опущено упоминание о «холодном <…> прахе» («Где зарыт он без почестей нами» [14, с. 367]), у Уманца акцент сделан на способе захоронения, незатейливость которого, в сочетании с поэтически-возвышенным «сложили <…> прах», формирует продуманный переводчиком отчетливый диссонанс («Где сложили без почестей прах…» [18, с. 115]), у Ознобишина отсутствие почестей заменено «бесчестьем», что далеко не одно и то же («Где хладный с бесчестьем сложен его прах» [9, с. 68]), у Вронченко пропуск перевода эпитета «cold» («холодный») замещается перечислением обстоятельств образа действия, причем дается буквальный перевод эпитета «unhonored» («бесславный»), получающий некое разъяснение, уточнение («Где без славы, без почестей прах его скрыт» [8, с. 255]). В переводе Лихачева стих английского оригинала представлен в качестве обособленного обстоятельства образа действия, в котором, несмотря на своеобразие формы, сохранена мысль о лишенном почестей захоронении героя: «Без почестей зарытый в землю нами» [17, с. 585]. Червинский, используя анафору, характерную интонацию повелительного предложения, а также эпитеты «омрачненный», «глубокий» и «вечный», достигает, пожалуй, наиболее сильного эмоционального воздействия на читателя: «Пусть оно спит под землею в глубоком и вечном покое. / Пусть ваши слезы невольные льются из глаз омрачненных» [15, с. 752]; здесь анафора подчеркивает синтаксический параллелизм и при этом акцентирует внимание на метрической монотонности. Отметим также, что анафора «Пусть <…> / Пусть <…>», способствующая нарастанию поэтического напряжения, используется и в более ранних переводах Ознобишина, Вронченко, Плещеева.

Сравнительная конструкция, в которой проведена аналогия между слезами горести и печали и ночной росой («Sad, silent, and dark, be the tears that we shed, / As the night-dew that falls on the grass o'er his head» [7, с. 48] [Слезы, что мы проливаем, грустны, молчаливы и печальны, / Как ночная роса, которая падает на могилу к его изголовью]), сохранена в переводе Уманца, который почти

дословно передал муровскую характеристику слезы («молчалива, мрачна»), подчеркнул скорбность могильной росы: «Да прольется слеза – молчалива, мрачна, / Как роса на могильных цветах!» [18, с. 115]. Лихачев использует усиливающие мрачный колорит описания слез и могилы неизвестного героя эпитеты «безмолвно-скорбные» и «угрюмая», при этом поэтически-возвышенные слова придают переводу особую торжественность в сочетании с благозвучием и проникновенным лиризмом: «Кому он дорог был – пусть прах его почтит / Безмолвно-скорбными слезами. / Вспоенная росой в безмолвии ночей, / Угрюмая могила оживится» [17, с. 585–586]. Если для Уманца значимо само сравнение слезы и росы, для Лихачева – описание могилы, «вспоенной росой», то для ранних интерпретаторов важно представить в реальном времени, как «упадает» роса на могилу: «Пусть во мраке текут наши слезы о нем, / Как роса над могильным холмом. / Но роса, упадая, и в мраке ночном / На могиле его мураву возрастит» (М. П. Вронченко [8, с. 255]); «Пусть слезы застынут на наших очах, / Как вечерня роса на его изголовье» (Д. П. Ознобишин [9, с. 68]). Плещеев, в отличие от других переводчиков, сначала говорил о «ночной росе» и только потом – о «безмолвной слезе»: «И, как ночью роса, наши слезы о нем / Пусть безмолвными будут слезами!» [14, с. 367]. В интерпретации Червинского возникает множество образов, отсутствующих в английском оригинале, но вместе с тем вполне уместных, в частности, упомянуто о «глазах омраченных», слезы соотносятся с «перлами росинок, дрожащих на ландышах сонных» [15, с. 752].

Отметим, что в восприятии Томаса Мура слезы не только оказывались способными превратиться в росу, но и приобретали живительную силу, помогали сохранить память об ушедшем герое: «But the night-dew that falls, tho' in silence it weeps, / Shall brighten with verdure the grave where he sleeps; / And the tear that we shed, tho' in secret it rolls, / Shall long keep his memory green in our souls» [7, с. 48] [Но слезы, что мы проливаем, хотя и льем их в тиши, / Сделают могилу, в которой он спит, зеленой; / А слезы, что проливаем мы о нем, хоть и тайно, / Сохранят память о нем свежей в душе]. Параллель между свежей зеленью на могиле, вспоенной росою, и слезами соотечественников, способными оживить в сердцах память, почти дословно передана Плещеевым и Ознобишиным. Плещеев использует словосочетание «дерн могил» для перевода муровского «verdure the grave» («озеленить могилу»), сохраняет придаточное предложение уступки («Хоть она и в тиши их роняет»), а также характерную инверсию английского оригинала: «От слезинок росы дерн могил зеленей, / Хоть она и в тиши их роняет… / Так и память о нем в нашем сердце свежей / Сохранить нам слеза помогает…» [14, с. 367]. В интерпретации Ознобишина можно видеть дословный перевод словосочетания «the night-dew» («вечерняя роса») и глагола «to shed» («лить <слезы>»), а также использование придаточных уступки («хоть безмолвно ложиться, / <…> / <…> хоть льем их в тиши»), что позволяет переводчику вслед за английским оригиналом осуществить сближение слез и росы: «Но с вечерней росы, хоть безмолвно ложится, / Свежим дерном могила его обновится, / А слезы, что льем мы, хоть льем их в тиши, / Сохранят его память живей для души» [9, с. 68].

О тайно пролитых слезах говорится и в переводе Вронченко, который, дважды называя погибшего героя «другом», привносит новые смысловые оттенки в свою интерпретацию, подчеркивает силу и глубину переживаний лирического героя: «И слеза, что о друге мы тайно прольем, / Память друга надолго в сердцах сохранит» [8, с. 255]. Особая атмосфера торжественности и

печали создана в интерпретации Лихачева, заменяющего обстоятельство места «in silence» («в тишине») поэтическим оборотом «в безмолвии ночей» и использующего однокоренные слова для того, чтобы подчеркнуть связь между живой зеленью на могиле и памятью о погибшем герое: «Вспоенная росой в безмолвии ночей, / Угрюмая могила оживится: / Так и в сердце о нем, слезами без речей, / Живая память сохранится» [17, с. 586]. Уманец по-новому интерпретирует образ слезы, пролитой в тишине, заменяя его синтагмой «сдержанные слезы», и дополняет текст упоминанием о «молчаливом потоке», при этом нарочито используя однокоренные слова и даже повторы слов («молчаливо» и «молчаливый», «оживляет» и «оживит») для усиления параллели между росой и слезой: «Как ночная роса оживляет цветок / Молчаливо над мрамором плит, / Так и сдержанных слез молчаливый поток / Об усопшем мечту оживит!» [18, с. 115]. Наконец, в переводе Червинского последние стихи звучат особенно возвышенно, чему способствует использование экспрессивных прилагательных, нередко выполняющих функцию эпитетов («жаркие слезы», «чуткое сердце», «усопший друг», «пустынная могила» и др.). Интерпретатор усиливает смысловую нагрузку английского оригинала, употребляя контекстуально антонимичные лексемы для описания слезы («тихие, жаркие слезы»), поэтизируя образ луга («ковер изумрудного луга»), – это придает переводу приподнятую восторженность: «Падает тихо роса на ковер изумрудного луга, / Но от нее зеленеет могила усопшего друга; / Тихие, жаркие слезы над этой пустынной могилой / В чутких сердцах оживят его образ волшебною силой» [15, с. 752]. В последних стихах перевода Червинского отмечается как смирение со свершившимся, так и глубина чувств лирического героя, который оплакивает погибшего соотечественника.

Следует особо сказать об «Эпитафии неизвестному», которая, будучи анонимно опубликованной в 1901 г., представляла собой скорее оригинальное стихотворение «на мотив Мура», нежели интерпретацию «Oh! Breathe not his name…». Поэт-переводчик использует мотивы, позволяющие создать близкую произведению ирландского поэта интонацию скорби и печали от бесславной потери защитников отечества. Однако вместо обращения к людям, оплакивающим могилу неизвестного героя, анонимный поэт-переводчик лишь ссылается на существование «безвестно погибших странников», при этом эпитет «родное имя» призван все же подчеркнуть смысл и значение смерти во имя родины: «Не знают люди имени родного / Тех странников, что путь в безвестности прошли, / И, после трудного скитания земного, / Те путники безмолвно с поприща сошли…» [19, с. 43]. В интерпретации упомянут живительный образ росы, для описания которой использован эпитет «небесная», позволяющий по-новому взглянуть на ее происхождение и привносящий христианские мотивы в стихотворение. По-мнению анонимного интерпретатора, о всех подвигах героя осведомлен лишь Господь, приславший «небесную росу» на могилу безвестного героя: «Не слезы канули на тайные могилы, / Роса небесная теперь все орошает их… / И скрытыми остались душ отшедших силы – / Их соберет Господь в обителях своих» [19, с. 43].

Подводя итоги, отметим характерный профессионализм и специфику творческого подхода большинства интерпретаторов стихотворения Томаса Мура «Oh! Breathe not his name…», разнообразие художественных форм и средств для воссоздания и переосмысления образов и мотивов английского оригинала. И в последующие годы стихотворение Мура «Oh! Breathe not his

name…» продолжало привлекать внимание переводчиков, свидетельством чему стали интерпретация М. И. Алигер «О, не шепчите его имя», увидевшая свет в 1975 г. в сборнике «Поэзия английского романтизма» [20, с. 305], и перевод Г. С. Усовой «Ты имя его не тревожь», опубликованный в № 5 журнала «Памир» за 1979 г. [21, с. 79].

Список литературы

1. **Жаткин, Д. Н.** «Ирландские мелодии» Томаса Мура и их русские переводчики 1820–1830-х гг. / Д. Н. Жаткин, Т. А. Яшина // Литература в диалоге культур – 4 : материалы Междунар. науч. конф. (21–23 сентября 2006 г.). – Ростов н/Д : РГУ, 2006. – С. 400–403.
2. **Жаткин, Д. Н.** К вопросу о русских переводах «Ирландских мелодий» Томаса Мура / Д. Н. Жаткин, Т. А. Яшина // Иностранные языки и литература в современном международном образовательном пространстве : сб. науч. тр., подготовленный к II Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. – Екатеринбург : УрГТУ, 2007. – Т. 2. – С. 31–41.
3. **Жаткин, Д. Н.** «Ирландские мелодии» Томаса Мура в творческой интерпретации П. А. Вяземского и Д. П. Ознобишина / Д. Н. Жаткин, Т. А. Яшина // Мир – Язык – Человек : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 45-летнему юбилею факультета иностранных языков ВГГУ (г. Владимир, 27–29 марта 2008 г.). – Владимир : ВГГУ, 2008. – С. 212–216.
4. **Жаткин, Д. Н.** Ранние переводы «Ирландских мелодий» Томаса Мура (А. М. Редкин, И. П. Бороздна, В. И. Любич-Романович) / Д. Н. Жаткин, Т. А. Яшина // Коммуникативные аспекты языка и культуры : сб. материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых : в 2 ч. – Томск : ТПУ, 2008. – Ч. 1. – С. 142–144.
5. **Жаткин, Д. Н.** Традиции творчества Томаса Мура в русской поэзии 1820–1830-х гг. / Д. Н. Жаткин, Т. А. Яшина // Дергачевские чтения – 2006: Русская литература: национальное своеобразие и региональные особенности : материалы Междунар. науч. конф. (5–7 октября 2006 г.) : в 2 т. – Екатеринбург : УрГУ, 2007. – Т. 1. – С. 95–101.
6. **Жаткин, Д. Н.** Традиции Томаса Мура в русской прозе 1820–1830-х гг. / Д. Н. Жаткин, Т. А. Яшина // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы: Альманах современной науки и образования : в 3 ч. – Тамбов : Грамота, 2007. – Ч. 1. – С. 87–89.
7. **Мур, Т.** Избранное : [на англ. и рус. яз.] / Т. Мур ; сост. Л. И. Володарская. – М. : Радуга, 1986. – 544 с.
8. **Вронченко, М. П.** «Умолчим его имя: пусть там оно спит…» / М. П. Вронченко // Невский альманах на 1829 год. Изданный Е. Аладьиным. – СПб. : Тип. Департамента народного просвещения, 1828. – Ч. V. – С. 255.
9. **Ознобишин, Д. П.** «Не зовите его: пусть спит он в безмолвье…» / Д. П. Ознобишин // Зимцерла: Альманах на 1829 год. – М. : Тип. С. Селивановского, 1829. – С. 68.
10. **Гиривенко, А. Н.** Русская рецепция Томаса Мура : дис. … канд. филолог. наук / Гиривенко А. Н. – М. : МПГУ, 1992. – 18 с.
11. **Гиривенко, А. Н.** Отражение творчества Томаса Мура в русской литературе первой трети XIX в. / А. Н. Гиривенко // Известия АН СССР. – 1984. – Т. 43. – № 6. – С. 537–543. – (Серия литературы и языка).
12. **Виролайнен, М. Н.** Медный всадник. Петербургская повесть / М. Н. Виролайнен // Знамя. – 1999. – № 6. – С. 208–220.
13. **Полевой, Н. А.** Аббаддонна : роман : в 3 ч. / Н. А. Полевой. – М. : Тип. С. Селивановского, 1834. – Ч. 3. – 206 с.

14. **Плещеев, А. Н.** Не называйте его! / А. Н. Плещеев // Отечественные записки. – 1875. – № 6. – С. 367.
15. **Червинский, Ф. А.** «О, не шепчите над гробом вы имя его дорогое!..» / Ф. А.Червинский // Вестник Европы. – 1887. – Кн. 6. – С. 752.
16. **Червинский, Ф. А.** Стихи / Ф. А. Червинский. – СПб. : Тип. «Общественная польза», 1892. – 282 с.
17. **Лихачев, В. С.** Эпитафия / В. С. Лихачев // Труд. Вестник литературы и науки. – 1893. – № 9. – С. 585–586.
18. **Уманец, Л. И.** «Не вздыхай! Пусть в тени он в объятиях сна…» / Л. И. Уманец // Русская мысль. – 1900. – Кн. 11 (ноябрь). – С. 115.
19. **<Анонимный переводчик>.** Эпитафия неизвестным («Не знают люди имени родного…») / <Анонимный переводчик> // Томас Мур (1779–1852). Биографический очерк ирландского писателя с приложением его стихотворений. – М. : Тип. Общества распространения полезных книг, арендованная В. Кудиновым, 1901. – С. 43.
20. **Алигер, М. И.** О, не шепчи его имя / М. И. Алигер // Поэзия английского романтизма. – М. : Художественная литература, 1975. – С. 305.
21. **Усова, Г. С.** Ты имя его не тревожь / Г. С. Усова // Памир. – 1979. – № 5. – С. 79.

Жаткин Дмитрий Николаевич
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, Пензенская государственная технологическая академия, академик Международной академии наук педагогического образования, член Союза писателей России, член Союза журналистов России

Zhatkin Dmitry Nikolaevich
Doctor of philological sciences, professor, head of sub-department of interpretation and translation science, Penza State Technological Academy, fellow of the International Academy of sciences of the pedagogical education, Russian Writers' Union member, Russian Journalists' Union member

E-mail: ivb40@yandex.ru

Яшина Татьяна Анатольевна
кандидат филологических наук, доцент, кафедра перевода и переводоведения, Пензенская государственная технологическая академия

Yashina Tatiana Anatolyevna
Candidate of philological sciences, associate professor, sub-department of interpretation and translation science, Penza State Technological Academy

E-mail: yashina_tanya@mail.ru

УДК 821.161.1.0

Жаткин, Д. Н.

Художественное своеобразие восприятия «Ирландских мелодий» Томаса Мура в России XIX – начала XX в. (на материале интерпретаций стихотворения «Не произносите его имя…») / Д. Н. Жаткин, Т. А. Яшина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 98–106.

УДК 821 (7СОЕ).09

Н. В. Морженкова

ЭВОЛЮЦИЯ ПОРТРЕТНОГО ВИДЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПОРТРЕТАХ ГЕРТРУДЫ СТАЙН

Аннотация. Статья посвящена исследованию эволюции портретного видения в литературных портретах Гертруды Стайн. Автор анализирует, как в стайновских портретных текстах актуализируется отказ от референтности и нарастает степень «герметичности» письма. Особое внимание в статье уделяется интерпретации отдельных литературных портретов, в которых наглядно воплотилась авторская поэтика авангардистского литературного портрета.

Ключевые слова: Гертруда Стайн, литературный портрет, авангардистский язык, отказ от референтности.

Abstract. The article examines the development of portrait concept in Gertrude Stein's literary portraits of different periods, demonstrating gradual decrease in referentiality. Focusing on the close reading of particular portraits the paper prompts reflections on the nature of Gertrude Stein's avant-garde portrait vision. The author demonstrates how Stein's portrait techniques develop from «readable» portraits of early period to her most hermetic third-phase portraits.

Keywords: Gertrude Stein, literary portrait, avant-garde portrait vision, decrease in referentiality.

Большое число своих произведений американская модернистка Гертруда Стайн определяла как портреты, декларируя значимость портретного видения для своего творчества. Жанр портрета в рамках ее творчества функционирует в качестве метажанра, становясь «ядром» жанровой системы автора. О том, что она обращается к проблематике портрета уже в процессе работы над своим ранним романом «Становление американцев» (The Making of Americans, 1925), Г. Стайн говорит в лекции «Портреты и повторы» (Portraits and Repetition, 1934) [1, с. 107]. По наблюдению К. Дж. Найта, ранние портреты («Ада», «Матисс», «Пикассо» и т.д.) стилистически очень близки этому роману [2]. Исследователь видит основную причину поэтологических схождений между хронологически близкими литературными портретами и романами автора в том, что в этот период своего творчества Г. Стайн создает своеобразную поэтику абзаца (the major formal force was located in the paragraph), стремясь показать, как целое рождается из постепенной сборки частей [2, с. 94].

В творчестве Г. Стайн, создавшей сотни литературных портретов, В. Стайнер выделяет три основные группы портретов, указывая на то, что эта хронология фактически совпадает с временными рамками, намеченными самой писательницей в лекции «Портреты и повторы»: 1) типологизирующие портреты (1908–1911); 2) портреты зрительно-ориентированного периода (1913–1925); 3) портреты, ориентированные на передачу самодовлеющего движения, создаваемые в период с 1926 по 1946 г. [3, с. 65]. Говоря о портретах первого периода прежде всего следует обратиться к знаменитому портрету «Ада» (Ada), работа над которым велась, очевидно, в период с 1908 по 1910 г. [4, с. 14]. Среди стайноведов нет единого мнения относительно точной датировки портрета. Как утверждает сама писательница в «Автобиографии Алис Б. Токлас», «Ада» – ее первый литературный портрет, написанный сразу же после завершения «Становления американцев» [5, с. 114]. Традици-

онно «Ада» атрибутируется как портрет стайновской компаньонки Алис Б. Токлас. Портрет определяется и как художественное признание в любовной привязанности писательницы к Токлас, выраженное на языке герметичной поэтики [6, с. 90]. У. Дайдо полагает, что в начале портрета под псевдонимами Абрама Колхарда и Барнса Колхарда скрываются фигуры отца Алис и ее младшего брата Кларенса, живя с которыми Алис была полностью подчинена мужскому авторитету [7, с. 100]. Исследовательница отмечает, что в первых двух третях текста портретируемая не дается как самостоятельный субъект, а появляется лишь в ее соотнесенности с отцом и братом как дочь и как сестра. Не случайно портрет «Ада» открывается по-стайновски сжатым рассказом о жизни брата, женившегося на богатой невесте и превратившегося в рачительного хозяина. Сами имена мужских героев оказываются «говорящими» (фамилия Colhard – ср. «cold», «cool», «hard», «cold heart») и задающими гендерную проблематику портрета. Выбрав псевдоним, соотносящий героев с семантикой холода, твердости и бессердечия, Г. Стайн дает мужскую «картину мира» как враждебную по отношению к женщине. Интересно, что само женское имя Ada звучит как усеченная женская версия от Adam, фиксируя патриархальный миф о происхождении женщины из ребра мужчины. Параллелизм сочетаний ada – aba в именах героини и ее отца (Ada – Abram) поддерживает вышеприведенное прочтение. В контексте портрета имя словно фиксирует несвободу его носительницы от родственных связей. Так, во фразе «the daughter, Ada they had called her after her grand-mother» имя героини словно фонетически «вытекает» из ее роли дочери и внучки (ср. **da**ughter, **Ad**a, gr**and**-mother) [4, с. 14]. «Ада» – не единственный ранний портрет Г. Стайн, в котором звучит мотив семейных связей. Этот мотив появляется и в следующих портретах (Miss Furr and Miss Skeene; A Family of Perhaps Three) [8, 9].

В портрете упоминается смерть матери героини, в результате которой исчезает женский «текст», возникавший в процессе общения матери и дочери (she and her mother had always told very pretty stories to each other) [4, с. 15]. Кстати, мотив смерти матери имеет биографические параллели. В двадцатилетнем возрасте Алис Токласс потеряла мать, умершую от рака. Помимо биографических перекличек, появление мотива сиротства актуализирует и определенные литературные контексты. Смерть матери является топосом викторианского романа. Иллюстративна в данном случае смерть миссис Домби и матери Оливера Твиста (Ч. Диккенс «Домби и сын», «Оливер Твист»), сиротство Джейн Эйр (Ш. Бронте «Джейн Эйер»). По мнению К. Девер, материнская смертность в викторианском романе намного превышала реальную смертность женского населения в викторианской Англии [10, с. 11]. По мысли исследовательницы, сюжетообразующий мотив смерти матери в викторианском романе позволял через своеобразный минус-образ создать художественную реконструкцию идеального материнства. В викторианской детской литературе апелляция к фигуре умершей матери часто выступала способом воздействия на детей, которых убеждали в необходимости думать о том, каким покажется их земное поведение умершей матери [11, с. 26–27]. Очевидно, в портрете «Ада» Стайн играет с этими викторианскими топосами. В тексте образ умирающей матери явно связан с оценкой поведения дочери. Какие-то рассказы матери могут понравиться, а какие-то – нет (she did sometimes think her mother would be pleased with a story that did not please her mother, when her mother later was sicker the daughter knew that there were some

stories she could tell her that would not please her mother) [4, с. 15]. Но вот героиня портрета освобождается от семейных уз. Ей встречается «некто», способный соединить «story telling», «listening, loving and living» [4, с. 16]. Традиционно считается, что под этим непоименованным персонажем (some one who was living was almost always listening. Some one who was loving was almost always listening) скрывается сама Г. Стайн [4, с. 16]. Действительно, имя писательницы анаграммировано в повторяющихся лексемах финального фрагмента анализируемого портрета (ср. **st**ein – **st**ory, almo**st**, li**st**ening). В многолетнем союзе Г. Стайн и А. Токлас тесно сплетаются жизнь и письмо. Происходит их взаимное приращение. Г. Стайн глубоко не случайно определяет рассматриваемый текст как «портрет». Именно портрет как поверхность, на которой сополагаются два бытия (портретируемого и портретиста), дает возможность показать совмещение истории жизни А. Токлас, начавшейся в викторианском духе, и само событие рассказывания истории в совсем ином ключе.

Следующим этапом в развитии авторского «портретного» стиля стал цикл стихов в прозе «Нежные пуговицы» (Tender Buttons, 1914) [12]. Сборник представляет собой авангардистские литературные натюрморты и описания интерьеров и состоит из трех разделов: «Предметы», «Еда», «Комнаты». Нарочитая сложность «Нежных пуговиц», являющихся ярким образцом чрезвычайно «темной» авангардистской поэтики, не перестает провоцировать в литературоведах стремление расшифровать это произведение. Вокруг небольшого по объему сборника, в котором Г. Стайн создает чрезвычайно сложные для дешифровки образы тривиальных предметов повседневной жизни, образовалось обширнейшее интерпретационное поле. В контексте творчества Г. Стайн сборник определяется как первое произведение автора, в котором осуществлен полный отказ от референтности. М. Перлофф отмечает, что в «Нежных пуговицах» писательница использует метонимический стиль стихов-загадок, заглавия которых служат в качестве своеобразного «толчка» к созданию вербальной кубистической поэтики [13, с. 97]. Один из вопросов, возникающих в связи с жанровой дефиницией «Нежных пуговиц», связан с авторским определением этих литературных «натюрмортов» как «портретов». В этом контексте следует иметь в виду установку модернистского живописного портрета на «эффект двойной экспозиции», проявляющийся в том, что «художник принимает в качестве структурной матрицы изображения жанровую норму традиционного портрета с характерными для него типовыми изобразительными схемами и сознательно нарушает ее, применяя к модели портретирования другие жанровые нормы и изобразительные схемы» [14, с. 37]. В модернистском портрете часто можно обнаружить проступающие жанровые схемы натюрморта [15, с. 62]. Так, характеризуя портретное творчество художников из группы «Бубновый валет», М. А. Волошин определяет его как «натюрмортное», отмечая, что «им свойственно, как последовательным неореалистам, принявшим импрессионизм с поправками Сезанна, Ван-Гога и Матисса, трактовать человека как «*nature morte*», только несколько более сложный» [16, с. 286–287]. Показательны и портреты Сезанна, традиционно определяемые как «натюрмортные» и «антипсихологические». Особый «натюрмортный» подход Сезанна к портретному изображению сказывался, кстати, и в особых требованиях, которые художник предъявлял к модели. Известно, что от натурщиков художник требовал полной неподвижности в течение многочасовых сеансов. Эта тенденция к натюрмортности

портретного видения несомненно соотносится с характерным для модернизма образом человека-вещи. Очевидно, в кроссжанровости модернистского портрета проявилась не только общая установка современного искусства на синтез и «дегуманизацию», но и сознательно или бессознательно актуализированная модернистами жанровая «память» портрета, восходящего к погребальной маске. В определенной мере можно сказать, что с точки зрения жанрового генезиса портрет буквально является изображением «мертвой натуры». Кстати, глубоко не случайно, что и критики, и защитники модернистского портрета отмечали именно его «нежизненность». Понимание этой связи проявляется в том или ином виде на протяжении всей истории портретирования. Например, сближение портрета и натюрморта становится основным принципом «визуальных каламбуров» итальянского художника маньериста XVI в. Арчимбольдо Джузеппе, составлявшего лица своих моделей из различных органических и неорганических компонентов (цветов, корней, ракушек, овощей, фруктов, фрагментов животных, предметов домашней утвари и т.д.). Стайновские литературные «натюрморты», определяемые писательницей как «портреты», являются иллюстративным примером авторской игры с «памятью» жанра.

Особую группу портретов, созданных в 1920-х гг., составляют портреты, вошедшие в книгу «Десять портретов», опубликованную в 1930 г. в Париже [17]. «Десять портретов» – очередная попытка Стайн акцентировать определенный параллелизм между литературным портретом и портретом живописным, вскрыв саму суть портретного видения. Первая часть книги включает десять стайновских портретов художников, писателей, композиторов, с которыми ее связывала дружба (If I told him / a completed portrait of Picasso (1923); Guillaume Apollinaire (1913); Erik Satie (1922); Pavlik Tchelitchef or Adrian Arthur (1926); Virgil Thomson (1928); Christian Berard (1928); Bernard Fay (1929); Kristians Tonny (1929); George Hugnet (1928); More Grammar Genia Berman (1929). Вторую часть книги составили графические портреты П. Пикассо (Pablo Picasso), П. Челищева (Pavel Tchelitchew), К. Берарда (Christian Berard), К. Тонни (Kristians ***Tonny***) и Ю. Бермана (Eugene Berman). Третья часть – переводы В. Томсона (Virgil Thomson) и Дж. Ханета (George Hugnet) стайновских портретов на французский язык. Во второй половине 1920-х гг. литературное портретирование писательницы претерпевает значительные изменения. Интерес к выявлению глубинной сути определенных человеческих типажей (rhythm of anybody's personality), характерный для ее ранних портретов, перестает определять особенности авторского «портретного» стиля [1, с. 105]. Ослабление референтности авторского языка достигает предела. По мнению У. Дайдо, портреты этого периода представляют собой самодостаточные в своей языковой сосредоточенности формы [18, с. 340]. Но, как отмечает исследовательница, читательская неспособность соотнести их с каким-либо объектом или субъектом внеязыковой реальности не означает, что мы должны, в принципе, отказаться от возможности рассматривать эти тексты как портреты. Речь следует вести, скорее, о необходимости иного, не ориентированного на языковую репрезентативность чтения [18, с. 340].

Г. Стайн часто обвиняли в том, что между объектом портретирования и текстом портрета нельзя обнаружить никакой связи. Однако невозможность объяснить с точки зрения традиционной логики отношения, которые связывают стайновские портреты с текстом портретируемого (а точнее, с портре-

тируемым как с текстом), не означает непроизвольность соположения портрета и его объекта. Интересный «диалог» между художественным экспериментом портретиста и творчеством портретируемого представляет собой портрет Кристиана Берарда (Christian Berard), французского дизайнера и театрального художника, оказавшего значительное влияние на развитие новой сценографии французского театра XX в. [17, с. 73–79]. На то, что ключевым принципом этого портрета является принцип комплиментарности, при помощи которого автор совмещает в тексте художественную эстетику Берарда и свою собственную поэтику как взаимодополняющие и взаимопроясняющие, указывают неоднократно повторяющаяся лексема «complimented» (англ. *compliment* – комплимент) и этимологически близкое ему слово «complement» (дополнение, дополняющий). Игру слов, основанную на близости вышеупомянутых лексем, усматривает в портрете и У. Дайдо. Согласно предложенному ей прочтению, слово «complimented» намекает на то, что портрет Стайн, написанный Берардом, требует «дополнения», т.е. своеобразного «комплимента» со стороны писательницы в адрес художника в форме литературного портрета [18, с. 341]. Однако слово «complimented» маркирует в данном случае не просто взаимное желание Стайн и Берарда создать портреты друг друга, а художественный «принцип комплементарности», акцентированный, кстати, итальянскими футуристами из круга Мариннети в «Техническом манифесте футуристической живописи» как значимый принцип нового художественного видения [19, с. 150–152]. Футуристы провозгласили комплементарность как внутренне присущую и абсолютную необходимость языка различных искусств. Специфика авангардистской поэтики и онтологии во многом обусловливается установкой на принцип взаимодополнительности, «актуальной на всем поле культуры исторического авангарда» [20, с. 132]. Принцип дополнительности интересно преломляется в портрете Берарда, одним из ключевых слов которого является слово «sentence» (предложение).

Здесь следует отметить особую значимость понятия «sentence», превратившегося в ключевой концепт авторской поэтики. Три из восьми эссе («Saving the Sentences», «Sentences and Paragraphs», «Sentences»), вошедших в сборник «How to Write» (1927–1931), Г. Стайн посвящает авторским экспериментам в сфере предложения [21–23]. Лейтмотивом стайновских эссе о предложении является понимание предложения как языкового единства, в рамках которого, в отличие от слова или абзаца, грамматика конституирует структуры, единосущные первичным онтологическим схемам. Синтаксис предложения не предполагает частностей, а дает обобщающие схемы, возникающие в результате абстрагирующей работы человеческого мышления. Размышляя о преодолении дискретности картины мира на грамматическом уровне, Г. Стайн иллюстрирует, как, наполняясь различной «лексической утварью», предложения с аналогичной синтаксической структурой в плане грамматики мыслятся как тождественные. Именно на синтаксическом уровне происходит освобождение предложения от частных, субъективных смыслов и достигается особый внеличностный модус текстопорождения. Интересно, что в контексте авторской поэтики концепт «sentence» связан с мотивом святости и образами святых. Основанием для их сближения служит семантика «надмирности», подразумевающая преодоление личностного, индивидуального содержания и утверждение сверхпсихологического смысла. С этой парой ключевых авторских концептов, объединенных доминантой надличностного значения, через фонетическое подобие корреспондируется и имя самой писа-

тельницы (Stein – saint – sentences). Интересно, что в «Автобиографии Алис Б. Токлас» Стайн описывает свои размышления по поводу особенности таланта Берард, пытаясь соотнести его с истерией или со святостью, между которыми «католическая церковь проводит жесткую границу» [5, с. 228]. Мотив святости, сближаемый с артистизмом, поддерживается и самим именем художника (Christian), явно актуализирующим образ Христа.

Авторское понимание предложения как надличностной структуры, в которой преодолевается человеческая единичность и происходит «приращение бытия», реализуется и в тексте портрета Берарда, в котором предложение описывается как связанное с мотивом комплимента-дополнения и противостоящее «сужению» (Thinking of sentences in complimented. Sentences in in complimented in thank in think in sentences in think in complimented… Sentences should not shrink. Complimented) [17, с. 78]. В портрете «sentence» (предложение) как ключевая единица стайновского языка проецируется на «scenery» (декорации), «scene» (сцену) театрального художника Берарда. Обращает внимание и звуковое схождение в словах «sentence», «scenery», «scene». Как отмечает У. Дайдо, фактически весь портрет Берарда состоит из разрозненных на первый взгляд предложений и весьма напоминает вышеупомянутые стайновские теоретические эссе [18, с. 337]. Предложение Стайн и декорации Берарда образуют соотнесенность по аналогии. Очевидно, писательница усматривает определенные параллели между своими асинтаксическими практиками по деконструкции традиционного синтаксиса и новой сценографией Берарда, во многом определившей театральную эстетику французского театра XX в. Отказавшись от традиционной имитирующей сценографии, Берард создает новую структуру сценической образности. Для его стиля характерны упрощенные и геометризованные декорации, выполненные в монохромных тонах, на фоне которых активно работают яркие цвета костюмов. Упраздняя реалистическую иллюзорность оформления спектакля, которая ориентировалась на создание реалистического видения, художник превращает сцену и декорации в своеобразный «каркас» бытия, внутри которого и разворачивается действие. Знаменитый минимализм сценографии Берарда явно перекликается со стилистическим аскетизмом стайновских текстов. Таким образом, в портрете намечен ряд диалогически направленных элементов (Christian – saint – scenery – sentences – Stein), которые фиксируют сложные отношения взаимоприращения и дополнения, возникающие в процессе портретирования.

Весьма интересно начало портрета художника, которое представляет собой тавтологичный, семантически «затемненный» текст на гастрономическую тему, соотносимый с неопределенным женским субъектом речи, маркированным местоимением «she». Исследователи творчества Стайн, анализируя портрет Берарда, отмечают прежде всего биографические параллели [18, с. 340]. Как и сама писательница, упитанный и круглолицый Берард был любителем хорошей кухни. Но это лишь самые поверхностные смыслы. Мотив еды в контексте авторской поэтики оказывается метафорически связанным с мотивом текстопорождения. Так, грамматика сравнивается Стайн в эссе «Arthur A Grammar» с приготовлением блюда (grammar makes a dish) [24, с. 98]. Как и грамматика, приготовление пищи есть преодоление дискретности, в результате которого из разрозненных элементов рождается нечто целое (grammar unites parts and praises) [24, с. 63]. Работая над эссе, она пишет в письме В. Томсону о том, что наглядной иллюстрацией сущности грамматики (a continuous illustration of the essentials of grammar) является хорошо и просто

организованное приготовление еды [18, с. 250]. За процессом приготовления пищи, как и за процессом построения синтаксических структур предложения, обнаруживается универсальная модель сотворения целого из частей. Ритуализация и сакрализация мотива еды в портрете Стайн осуществляется через обращение автора в начале портрета Берарда к ритмичной схеме считалки, генетически связанной с заговором. Обращают на себя внимание и очевидные пародийные библейские аллюзии к тексту Шестоднева из книги Бытия, в котором повествуется о днях сотворения мира. После описания каждого гастрономического «действа» следует упоминание дня, когда происходило пиршество (She ate a pigeon and a soufflé / That was on one day / She ate a thin ham and its sauce / That was on another day / She ate dessert / That had been on one day) [17, с. 74]. Это прочтение поддерживает и отсылка к последнему седьмому дню, как дню отдыха от трудов по мироустройству. В тексте портрета суббота упоминается как день, когда пища вкушается холодной (What is the difference between steaming and roasting. She ate it cold because of Saturday) [17, с. 75]. Согласно иудейской традиции, в субботу нельзя готовить никакую еду. Вся жарка и парка должна быть закончена до захода солнца в пятницу. Очевидно, что Стайн, разворачивая в портрете эту ритуально-гастрономическую образность, использует неожиданный параллелизм, образующийся благодаря фонетическому подобию, между именем художника и образом сакрального христианского хлеба (ср. Christian Berard – christian bread). Не случайно лексема «bread», созвучная фамилии портретируемого, неоднократно появляется в тексте портрета. Таким образом, портрет оказывается интенсивным диалогом между автором и героем, фокусом совмещения различных семиотических планов, по-разному соотносимых с портретируемым и портретистом. Портретирование выступает способом «разомкнуть» человека, показать его онтологически приращенным и проясненным иными смыслами. Эволюционируя в сторону усложнения и повышения «непроницаемости» художественного языка, портреты Г. Стайн демонстрируют стремление автора избавиться от традиционно понимаемой «человечности» искусства и дать иной, не связанный с реалистической традицией образ человека, приобщенного к «большому времени» (в терминологии М. М. Бахтина).

Список литературы

1. **Stein, G.** Portraits and Repetition / G. Stein // Look at me and here I am. Writings and Lectures 1909–1945. – Harmondsworth : Penguin Books, 1967. – P. 99–124.
2. **Knight, J. Ch.** The Patient Particular: American Modernism and the Technique of Originality / J. Ch. Knight. – Cranbury, New York : Bucknell University Press, 1995. – 252 p.
3. **Steiner, W.** Exact Resemblance to exact Resemblance: the Literary Portraiture of Gertrude Stein / W. Steiner. – New Haven : Yale University Press, 1978. – 235 p.
4. **Stein, G.** Ada / G. Stein // Geography and Plays. – Mineola, New York : Dover Publication, INC., 1993. – P. 14.
5. **Stein, G.** Autobiography of Alice B. Toklas / G. Stein. – New York : Vintage Books, A Division of Random House, Inc., 1990. – 252 p.
6. **Knapp, B. L.** Gertruda Stein / B. L. Knapp. – New York : Continuum, 1990. – 201 p.
7. **Dydo, U. E.** A Stein Reader / U. E. Dydo, G. Stein. – Evanston Illinois : Northwestern University Press, 1993. – 624 p.
8. **Stein, G.** Miss Furr and Miss Skeene / G. Stein // Geography and Plays. – Mineola, New York : Dover Publication, INC., 1993. – P. 17–22.

9. **Stein, G.** A Family of Perhaps Three / G. Stein // Geography and Plays. – Mineola, New York : Dover Publication, INC., 1993. – P. 331–340.
10. **Dever, C.** Death and the Mother from Dickens to Freud. Victorian Fiction and the Anxiety of Origins / C. Dever. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – 234 p.
11. **Thiel, E.** The Fantasy of Family: Nineteenth-Century Children's Literature and the Myth of the Domestic Ideal / E. Thiel. – New York : Routledge, 2008. – 199 p.
12. **Stein, G.** Tender Buttons / G. Stein. – Mineola, New York : Dover Publications, 1997. – 52 p.
13. **Perloff, M.** Six Stein Styles in Search of a Reader / M. Perloff // A Gertrude Stein Companion: Content with the Example. Bruce Kellner (ed). – New York : Greenwood Press, 1988. – P. 96–108.
14. **Шило, А. В.** «Двойная экспозиция» в портретном творчестве П. П. Кончаловского / А. В. Шило // Вісник МСУ (Vestnik MSU). Мистецтвознавство. – 2008. – № 1. – Т. XI. – С. 37–39.
15. **Шило, А. В.** Натюрмортный подход к портрету в творчестве И.И. Машкова / А. В. Шило // Вестник Международного Славянского университета. – 2006. – № 1. – Т. IX. – С. 60–64. – (Искусствоведение).
16. **Волошин, М. А.** Художественные итоги зимы 1910–1911 гг. (Москва) / М. А. Волошин // Лики творчества. – Л. : Наука, Ленингр. отд., 1988. – С. 286–288.
17. **Stein, G.** Dix portraits / G. Stein. – Paris : Editions de la Montagne, 1930. – 85 p.
18. **Dydo, U. E.** Gertrude Stein: The Language That Rises 1923–1934 / U. E. Dydo. – Evanston Illinois : Northwestern University Press, 2003. – 686 p.
19. Technical Manifesto of Futurist Painting / Ch. Harrison, P. Wood (ed.) // Art in Theory, 1900–2000: An Anthology of Changing Ideas. – Oxford : Blackwell Publishing, 2003. – 1258 p.
20. **Гирин, Ю. Н.** Диалектика авангарда / Ю. Н. Гирин // Литературная классика в диалоге культур. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – Вып. 1. – С. 119–147.
21. **Stein, G.** Saving the Sentences / G. Stein // How to Write. – New York : Dover Publication, INC., 1975. – P. 11–21.
22. **Stein, G.** Sentences and Paragraphs / G. Stein // How to Write. – New York : Dover Publication, INC., 1975. – P. 23–35.
23. **Stein, G.** Sentences / G. Stein // How to Write. – New York : Dover Publication, INC., 1975. – P. 113–213.
24. **Stein, G.** Arthur A Grammar / G. Stein // How to write. – New York : Dover Publications, INC., 1975. – P. 37–101.

Морженкова Наталия Викторовна
кандидат филологических наук, доцент, кафедра западноевропейских языков и переводоведения, Московский городской педагогический университет

Morzhenkova Natalya Viktorovna
Candidate of philological sciences, associate professor, sub-department of West-European languages and translation science, Moscow city Teachers' Training University

E-mail: natalia.morzhenkova@gmail.com

УДК 821 (7СОЕ).09

Морженкова, Н. В.

Эволюция портретного видения в литературных портретах Гертруды Стайн / Н. В. Морженкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 107–114.

УДК 811.112.2(045)

Е. И. Чепанова

ПРЕЗЕНТАЦИЯ АКТА МОЛЧАНИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу лексического оформления молчания в художественном тексте на материале немецкого языка. На конкретных примерах рассматриваются наиболее распространенные способы передачи акта молчания в немецкоязычном художественном тексте. Проводится анализ контекста, сопровождающего описание молчания.

Ключевые слова: молчание, художественный текст, коммуникация, прагматическая функция, коммуникативная значимость, эксплицитность, имплицитность.

Abstract. This article analyzes the lexical processing of silence in the literary text based on German language. The most common means of transmission of the act of silence in German literary text are investigated on specific examples. An analysis of context, accompanied by a description of silence is carried out.

Keywords: silence, artistic text, communication, pragmatic function, communicative significance, explicitness, implicitness.

Проблема молчания всегда относилась к числу междисциплинарных. Ее научный анализ формировался в различных плоскостях изучения: в философии и теологии, в художественной литературе и поэзии, в театральной сфере и психологии. Исследования в этой области были проведены В. фон Гумбольдтом, А. А. Потебней, М. Хайдеггером. Большой вклад в развитие данного направления внесли труды М. М. Бахтина, который, в частности, четко разграничил молчание и тишину: «Нарушение тишины звуком механистично и физиологично (как условие восприятия); нарушение же молчания словом персоналистично и осмысленно: это совсем другой мир. В тишине ничто не звучит (или нечто не звучит) – в молчании никто не говорит (или некто не говорит)… Молчание – осмысленный звук (слово) – пауза составляют особую логосферу, единую и непрерывную структуру, открытую (незавершенную) целостность» [1, с. 357]. Таким образом, молчание является неотъемлемым компонентом процесса коммуникации. Там, где есть речь, всегда найдется место молчанию. И молчание будет иметь, наравне с каждым произнесенным словом, свою причину, цель и результат.

Нередко молчание ассоциируется с пустотой, закрытостью и даже враждебностью. Немногословный собеседник, склонный к сравнительно долгим паузам в разговоре, может вызвать настороженность: его заподозрят в невнимании, равнодушии, утаивании информации. Молчание способно вызвать сильное эмоциональное напряжение, желание немедленно заполнить образовавшуюся неприятную «пустоту». Неслучайно именно молчание является символом смерти. Во многих странах принято ритуальное выражение скорби через минуту молчания. В этой связи Н. Д. Арутюнова пишет: «Об ушедших из жизни говорят, что они навек умолкли. Речь ассоциируется с жизнью, молчание – со смертью» [2, с. 114]. Поэтому стремление нарушить молчание, дискомфорт, испытываемый многими людьми при затянувшейся паузе, имеет психологическое объяснение.

В современном обществе отчетливо прослеживается тенденция к многословным высказываниям. Становится модным уметь высказаться практически по любому вопросу, буквально на ходу формируя личную позицию и уверенно излагая ее на публике. Речь как общественное достояние позволяет оратору оказаться в центре внимания. Суть позиции говорящего становится понятной после первых же фраз. А вот молчание оставляет человека в тени. Его позиция неизвестна, его отношение к дискуссии непонятно. В молчании, таким образом, всегда присутствует некая тайна, даже мистика, ведь мнение не всегда может быть вербализовано, для точной его передачи порой просто не хватает слов, и любая попытка искажает первоначальный смысл.

Поскольку молчание является неотъемлемой составляющей коммуникативного процесса, оно неизбежно присутствует в художественном тексте, помогая автору подчеркивать значимые моменты повествования, создавать нужный психологический фон, а читателю – следить за коммуникацией персонажей, строить предположения относительно их намерений и чувств. При этом автор может использовать разнообразные формы презентации акта молчания, обзору которых и посвящена настоящая статья.

Прежде всего следует отметить, что молчание в данной статье понимается как осмысленная тишина, отсутствие говорения. В этом качестве молчание может быть передано как эксплицитно, так и имплицитно. При эксплицитном именовании молчание четко обозначается автором с помощью соответствующих лексических единиц, будь то непосредственно глагол «schweigen», глагол говорения с отрицательной частицей или другие формы. При имплицитной передаче автор не упоминает молчание как коммуникативный акт, прибегая взамен к описанию состояния или действий молчащего коммуниканта. При этом важно подчеркнуть, что для настоящего исследования наибольший интерес представляет эксплицитное описание: говоря о молчании открыто, автор придает ему больший вес, возводит молчание в ранг коммуникативного действия. Что же касается имплицитных способов описания молчания, то они умаляют его значимость и даже могут поставить его под сомнение: можно ли, например, говорить о молчании коммуниканта, если он молча пожимает плечами? Тишина при этом не нарушается, но подобная трактовка молчания была бы излишне прямолинейна, ведь коммуникант, пусть не произнеся ни единого слова, ясно и однозначно изложил свою позицию.

Для большей наглядности в статье будут рассмотрены обе группы способов передачи молчания – как эксплицитные, так и имплицитные.

Первый способ эксплицитной передачи акта молчания, наиболее распространенный в немецкоязычном художественном тексте, – через глагол «schweigen». Но просто констатировать факт молчания обычно бывает недостаточно, необходимо пояснить его причину или описать сопровождающие его обстоятельства, что позволит читателю сделать верные выводы. Поэтому глагол «schweigen» редко употребляется изолированно и дополняется контекстом, который может иметь следующие формы:

а) поясняющего эпитета:

«Wie alt bist du eigentlich?» fragte sie von drinnen.

Er <u>schwieg</u> beschämt [3, с. 12].

Вопрос собеседницы смутил молодого человека. Он предпочел не отвечать, а причину его молчания читателю поясняет эпитет «beschämt». Эпитеты, используемые в примерах такого рода, помогают читателю понять харак-

тер отношений между собеседниками. Кроме того, анализ показывает, что молчание в подобных ситуациях обычно бывает продиктовано эмоциями, вызывающими у человека душевный дискомфорт: это страх, растерянность, смущение, обида;

б) описания эмоциональной реакции молчащего коммуниканта:

«Guten Morgen, Herr Stephan, was kann ich für Sie tun?»

«Ich möchte Sie zu einer Aussprache in unser Amt bitten, Herr Doktor».

Krumbacher schwieg und sah mich an. Die Wangenmuskeln zitterten.

«Jetzt sofort?»

«Ja, bitte» [4, с. 264].

Реакция собеседника, описанная фразой «Die Wangenmuskeln zitterten», выдает его испуг, которым и объясняется его молчание. Ему необходимо время, чтобы справиться со своими эмоциями, после чего он готов продолжить беседу;

в) передачи мыслей коммуниканта, не подлежащих оглашению:

«Ralf Stephan», stellte ich mich vor. «Ich bin ein Kollege Ihres Mannes. Er ist heute nicht zum Dienst gekommen. Könnte ich ihn bitte einmal sprechen?»

«Nein».

«Wieso, ist er krank? Wissen Sie, es ist sehr wichtig…»

«Er ist weggefahren».

«Und wohin?»

«Das weiss ich nicht».

«So». Ich schwieg. Natürlich log die Frau des Komissars [5, с. 241].

Один из коммуникантов понимает, что его собеседница лжет, но он не может сказать ей об этом прямо. Понимание описано в форме авторского текста, поскольку повествование ведется от первого лица. Задача остается нерешенной, персонаж не получил нужной ему информации. Его молчание вызвано необходимостью обдумать дальнейшие действия.

Итак, глагол «schweigen», присутствующий во всех вышеприведенных примерах, служит для констатации акта молчания, который, как правило, нуждается в дальнейших пояснениях. Иногда глагол «schweigen» принимает форму субстантивированного инфинитива. Например:

Er stand auf. «Das ist eine Frage, die ich mir nie vor dem Schlafengehen stelle».

Wir lachten alle.

Jetzt gab es ein langes Schweigen [3, с. 96].

Реплика одного из собеседников вызвала всеобщий смех. Однако проблема осталась нерешенной, поэтому затем последовало долгое молчание. Ни один из участников коммуникации не готов взять на себя ответственность за решение сложного вопроса.

Следует выделить еще один вариант, когда молчание описывается как сопровождающее какое-либо действие и выражается деепричастием «schweigend», например:

«Marianne hat mir von Ihnen erzählt», sagte Hein. «wenige Monate vor ihrem Tode. Oh, ich kannte sie lange, seit Jahren kannte ich sie».

Mit bleichem Gesicht lächelte Bertram.

«Ich habe ihr Unglück gebracht», sagte er traurig.

«Natürlich!» sagte Hein. «Was kann man denn von euch anderes erwarten!» Er blätterte eine Weile schweigend in dem kleinen Büchlein.

«Kann man mich nicht bald von hier wegbringen?» bat Bertram. «Ich habe starke Schmerzen» [6, с. 609].

В приведенном примере собеседники вынуждены вести тяжелый для них обоих диалог. При этом они избегают смотреть друг другу в глаза из-за взаимной неприязни. Один из коммуникантов, пытаясь сдержать негативные эмоции, молча листает книгу. Это действие помогает ему не только держать себя в руках, но и демонстрировать отсутствие интереса, даже пренебрежение к собеседнику. Такая форма поведения в сочетании с долгими паузами призвана уязвить партнера по общению, причинить ему боль.

Следующий способ эксплицитной передачи молчания в немецкоязычном художественном тексте – через отрицание речевого акта. В этом случае также возможны варианты:

а) отрицание «nicht(s)» в сочетании с глаголами говорения:

Hein dachte an Dörte, die auf dem Kai nach ihm Ausschau hielt. Was würde sie von ihm glauben?

«Willst du zusammen mit ihm hochgehen? Wozu soll das gut sein?» höhnte Georg.

Hein wandte sich rasch, so dass den anderen Hand von seiner Schulter glitt. Sein roter Haarbusch leuchtete dicht vor Georgs Gesicht.

«Ich weiss, ich weiss; aber ich muss ihm doch wenigstens Nachricht geben!» rief Hein leise.

Georg antwortete nicht [6, с. 142].

В этом примере оба собеседника понимают, что Хайн не должен делать то, что собирается. Георг осторожно и тактично высказывает эту мысль. Хайн реагирует очень бурно, его реакция показывает, что на душе у него неспокойно, он боится совершить ошибку. Георг не отвечает – он молчит, потому что его аргументы исчерпаны, но молчание в этой ситуации красноречивее слов.

Следующий пример:

Sie sagte: «Hast du und hat Rose die Papiere unterschrieben?»

Einen Moment lang war ich durcheinander und sagte: «Welche Papiere?»

«Die Gesellschaftspapiere».

«Oh». Ich war von ihrem kühlen Ton getroffen.

Sie sagte nichts [6, с. 125].

Вопрос начальницы поставил девушку в тупик. Она пытается избежать точного ответа, переспрашивает и лихорадочно ищет выход из сложной ситуации. Холодный, неприязненный тон начальницы сбивает подчиненную, заставляет ее нервничать. Видя испуг девушки, начальница умолкает и тем самым усиливает напряжение;

б) выражение «keine Antwort»:

– Daddy? Du kannst zu uns zum Abendessen kommen, wenn du möchtest. Du könntest ihn dann fragen.

Sein Gesicht rötete sich, er starrte hinaus.

– Daddy?

Keine Antwort [3, с. 87].

Этот пример интересен тем, что молчание в нем фигурирует дважды. В первом случае оно выражено имплицитно, через описание эмоционального состояния коммуниканта: «Sein Gesicht rötete sich». Он в ярости, его молчание предвещает взрыв. Здесь молчание объясняется в том числе и физическими

причинами: собеседник буквально не способен вымолвить ни слова, эмоции душат его. Напряжение нарастает, и в ответ на вторую реплику следует фраза «Keine Antwort», словно обезличивающая коммуниканта, хранящего молчание.

И еще один пример:

Jetzt war es Mitternacht. Von Pünktlichkeit schien mein Unbekannter nicht viel zu halten. «Hallo!», schrie ich, und noch einmal: «Hallo!» Keine Antwort [4, с. 204].

Это достаточно типичное описание тишины в художественном произведении. Следует отметить, что подобную ситуацию (участник диалога отсутствует) можно передать различными выражениями, например, «тишина» или «ни звука». Но автор использует именно фразу «Keine Antwort», чтобы подчеркнуть расположенность действующего лица к диалогу, к вербальному общению и отсутствие, в первую очередь, партнера для этого общения;

в) слова и выражения с корнем «Wort»:

Nach wenigen Sekunden trat wortlos ein blasser langer Mensch ein, in der bräunlichen Uniform des Vorvernehmers, er setzte sich ohne ein Wort zu sagen hin und blickte mich an. [5, с. 89].

В данном примере автор, желая подчеркнуть напряженную атмосферу, дважды указывает на молчание персонажа. В первом случае используется наречие «wortlos», во втором – выражение «ohne ein Wort zu sagen». Поведение этого человека приковывает внимание главного героя произведения, поскольку от него зависит очень многое. Это именно тот случай, когда молчание тревожит и настораживает, поскольку молчащий человек остается загадкой.

Во всех вышеприведенных примерах факт молчания обозначен автором в тексте эксплицитно. Это прямое указание на молчание или на отсутствие речи, которое сопровождается необходимыми пояснениями, дающими ключ к пониманию причин молчания.

Имплицитный вариант презентации акта молчания в художественном тексте наблюдается в тех случаях, когда автор описывает состояние или действия молчащего коммуниканта, заменяя этим прямое указание на отсутствие вербальной реакции.

Имплицитно молчание может быть выражено через описание эмоциональной реакции. Например:

«Träumen Sie etwa gar von breiten Biesen an den Hosen und einem Platz im Stab?»

Bertram errötete [6, с. 38].

Указание на смущение, вызванное вопросом, заменяет вербальную реакцию и одновременно объясняет ее отсутствие. И в этом случае молчащий коммуникант чаще испытывает неприятные эмоции: тревогу, испуг, неуверенность в себе, смущение и т.п.

Значительно чаще имплицитное выражение акта молчания осуществляется путем передачи невербальных форм общения – мимики, жестов, взглядов. Невербалика в целом имеет огромное значение для понимания молчания, ведь речь – это лишь одна из сторон человеческого общения. В тех случаях, когда слова излишни, бывает достаточно визуального контакта, жеста, улыбки, прикосновения. Например:

Ich klingelte noch einmal, aber da trat eine Frau an mich heran, die kurz vorher mit der Milchkanne an mir vorübergegangen war. Sie sah müde aus.

«Zu wem wollen Sie?»
«Meixner», sagte ich.
Sie schüttelte den Kopf: «Der ist doch tot».
«Und seine Frau?»
Sie ging kopfschüttelnd weg [5, с. 112].

Не желая говорить на тяжелую для нее тему, женщина молча качает головой, и этот жест многое объясняет ее собеседнику. Традиционное толкование покачивания головой – отрицательный ответ – здесь обогащается дополнительным смыслом, который едва ли может быть передан словами.

Интересным является следующий пример, демонстрирующий ту степень духовной близости между людьми, когда они понимают друг друга без слов:

Der Fluss sang mit seiner Stimme des Leidens, sehnlich sang er, sehnlich floss er seinem Ziele zu, klagend klang seine Stimme.
«Hörst du?» fragte Vasudevas stummer Blick.
Siddhartha nickte.
«Höre besser!», flüsterte Vasudeva.
Siddhartha bemühte sich, besser zuhören [7, с. 167].

Один из собеседников спрашивает другого взглядом, а автор вербализует этот взгляд, озвучивает молчание для читателя. Другой коммуникант отвечает также молча, используя вместо слов кивок – один из наиболее распространенных жестов.

Молчание, будучи важным компонентом невербальной коммуникации, находится в тесной связи с другими ее формами. Жесты, мимика, взгляд способны полностью заменить речь и бесценны в тех случаях, когда вербальное общение невозможно в силу каких-либо обстоятельств. В следующем примере молчание обусловлено тем, что один из коммуникантов не знает языка другого. Слова в этом случае бессмысленны, поэтому героиня произведения прибегает к языку жестов:

Der Gondoliere verstand sie nicht. Ilse Wagner winkte zu dem Café hin, zeigte mit ausgestreckten Armen auf die Hausecke und machte die Bewegung des Kaffeetrinkens [8, с. 92].

Таким образом, молчание в художественном тексте может быть передано эксплицитно или имплицитно. Среди эксплицитных способов доминирует употребление глагола «schweigen» в сочетании с уточняющим контекстом. Среди имплицитных – замена речи невербальными средствами.

Кроме того, анализ показал, что форма презентации акта молчания в художественном тексте может зависеть и от значимости коммуникантов для конкретной ситуации или произведения в целом. Для характеристики того, кто молчит, важны причины молчания. А в описании собеседника молчащего гораздо больший интерес представляет его реакция на молчание.

Способы презентации акта молчания в немецкоязычном художественном тексте достаточно разнообразны. И автор выбирает ту форму описания молчания, которая максимально соответствует реализации его творческого замысла.

Список литературы

1. **Бахтин, М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.

2. **Арутюнова, Н. Д.** Молчание: контексты употребления / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Язык речевых действий. – М. : Наука, 1994. – С. 106–117.
3. **Smiley, J.** Tausend Morgen / J. Smiley. – Frankfurt am Main : S. Fischer Verlag, 1992. – 448 s.
4. **Боас, Х.** Убийство в заброшенной штольне = Der Mörder kam aus dem Toten Mann / Х. Боас. – М. : Айрис-Пресс, 2005. – 352 с.
5. **Белль, Г.** Мое печальное лицо. Рассказы : сборник [на нем. яз.] / Г. Белль. – М. : Радуга, 2003. – 288 с.
6. **Uchse, B.** Bertram Leutnant / B. Uchse. – Berlin : Aufbau Verlag, 1982. – 610 s.
7. **Гессэ, Г.** Сиддхартха. Индийская поэма = Siddhartha. Eine indische Dichtung / Г. Гессэ. – М. : Айрис-Пресс, 2004. – 256 с.
8. **Konsalik, H.** Die schweigenden Kanäle / H. Konsalik. – München : Goldmann Verlag, 2004. – 192 s.

Чепанова Евгения Ивановна
кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева (г. Саранск)

Chepanova Evgeniya Ivanovna
Candidate of philological sciences, associate professor, sub-department of German language, Mordovia State Pedagogical University named after M. E. Evsevyev (Saransk)

E-mail: chepanova74@mail.ru

УДК 811.112.2(045)

Чепанова, Е. И.

Презентация акта молчания в немецкоязычном художественном тексте / Е. И. Чепанова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 115–121.

УДК 801.73

О. Ю. Осьмухина

СПЕЦИФИКА ОСВОЕНИЯ НАБОКОВСКИХ ПРИЕМОВ В РОМАНАХ А. БИТОВА И В. ПЕЛЕВИНА НАЧАЛА XXI в.[1]

Аннотация. В статье впервые исследуются реминисценции набоковской прозы в романах А. Битова и В. Пелевина. Выявляется, что Битов воспроизводит и развивает нарративное устройство набоковского текста, основанное на игровом отождествлении автора-повествователя-героя, тогда как Пелевин субверсирует стиль и тематику писателя.

Ключевые слова: повествователь, авторская маска, мистификация, аллюзия, пародия.

Abstract. In the article is the first time revealing the reminiscences Nabokov′s prose in A. Bitov′s and V. Pelevin′s novels. Comes to light, that Bitov reproduces and develops narrative the device Nabokov′s text, based on a game identification of the author-storyteller-hero, whereas Pelevin subversion style and subjects of the writer.

Keywords: narrator, author mask, mystification, allusion, device, parody.

Общеизвестно, что в творчестве В. В. Набокова не только получили дальнейшее развитие некоторые темы и приемы, характерные для культурных открытий отечественной прозы XIX столетия, но и наметилось обширное поле для нарративных экспериментов последующего поколения писателей. Выявлению типологического родства, обнаружению непосредственного сходства и взаимосвязей творчества Набокова с произведениями Пушкина, Толстого, Чехова неоднократно посвящали исследования российские и западные набоковеды [1]. Однако вопрос о сопоставлении прозы В. В. Набокова и наследия прозаиков современных, в первую очередь В. Пелевина и А. Битова, фактически остается в современных литературоведческих исследованиях неразработанным, за исключением, пожалуй, статей Вяч. Десятова и Ю. Левинга, оценивающих влияние писателя на русскую литературу 1980–1990-х гг. [2, с. 210–284]. Не умаляя самобытности отечественных писателей рубежа XX–XXI вв., мы полагаем необходимым обратиться к выявлению в их прозе набоковских приемов и реминисценций, поскольку они, на наш взгляд, явились для прозаиков-постмодернистов, ориентировавшихся на достижения предшественников, одним из способов эстетического освоения реальности.

Как справедливо отмечал Ю. М. Лотман, именно «раскрытие цитат и реминисценций не только способствует пониманию отдельных мест текста, оно раскрывает также сознательную или бессознательную ориентацию автора на ту или иную культурную традицию» [3, с. 133]. Замечание это в случае с литературой постмодернизма и ее интертекстуальной связью с набоковским наследием особенно актуально, поскольку, во-первых, вся постмодернистская проза по отношению к предшествующему наследию «вторична», а во-вторых, именно Набоков безоговорочно считается «предтечей отечественного постмодерна [4, с. 52], что, разумеется, делает весьма продуктивным и небезын-

[1] Статья выполнена при финансовой поддержке и в рамках гранта Президента РФ (грант МК-1759.2008.6 «Русская литература сквозь призму идентичности: авторская маска как средство самоидентификации писателя в прозе XX столетия»).

тересным выявление набоковских «претекстов» того или иного постмодернистского произведения. Это касается не только «Укуса ангела» П. Крусанова, где при создании романа «альтернативной истории» интертекстуальные связи с «Адой» лежат на поверхности, или же пародирования «Лолиты» в «Палисандрии» Саши Соколова, но и куда в большей степени, чем это представляется на первый взгляд, последних романов В. Пелевина («Священная книга оборотня», 2004; «Ампир V», 2006) и А. Битова («Преподаватель симметрии», 2008).

1. В творчестве А. Битова набоковский текст продолжает оставаться актуальным – от типологической взаимосвязи «Пушкинского дома» с «Даром», обыгрываемой самим прозаиком, до последнего романа «Преподаватель симметрии», являющегося искусным примером элегантной мистификации. Мистифицирующая природа текста здесь раскрывается различными способами.

Во-первых, посредством системы эпиграфов, первый из которых является высказыванием Вольтера о романах Л. Стерна, что неслучайно, особенно, если учесть известную страсть к мистификациям самого Стерна, анонимно выпустившего «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», а затем активно использующего маску пастора Йорика не только в «Сентиментальном путешествии», но и в «Дневнике для Элизы», а второй взят из романа Я. Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе», где, в игровом плане отчуждаясь от своего произведения, автор «реальный» передает текст другому повествователю (автору фиктивному), настаивая на собственной ложной идентификации.

Во-вторых, переадресация авторства некоему Э. Тайрд-Боффину (кстати, английский инициал «А» при транскрипции эквивалентен русскому «Э», и имя англоязычного автора «Andrew» служит аллюзией к имени «автора подлинного», а двойная фамилия «Tired-Boffin» переводится как «утомленный исследователь (дознаватель)» и намекает на литературную искушенность «переводчика», зашифровавшего в анаграмме собственное имя «Andrei Bitoff»), поставленному в «соавторы» Битову, происходит еще до начала повествования в «Предисловии переводчика», повествующем об обнаруженной некогда книге «известного английского автора», содержание которой писатель Битов «пересказывал в экспедиции» друзьям [5, с. 3]. Сходными приемом пользовался В. Набоков, к примеру, в «Лолите», используя двойную перекодировку: не сам автор, но некий психоаналитик доктор Рэй дает «разъяснения» читателю об истинной природе «исповеди» Гумберта Гумберата. Однако Битов не просто воспроизводит, но развивает набоковскую игру на тождестве/различии автора «реального» и «фиктивного», подчеркивая в предисловии, что сам он и *референтный автор предисловия*, излагающий свое авторское видение предлагаемого материала, и *автор*, как будто бы *играющий* традиционной формой обращения к читателю, и одновременно – *автор-творец публикуемого текста*, «забывший оригинал» и «заново переведший» рукопись Э. Тайрд-Боффина: «Рассказ выплыл так полностью, <…> будто я его читал вчера… Зато теперь я никак не могу вспомнить того небывалого случая собственной жизни, из-за которого я этот рассказ вспомнил. <…> я стал потихоньку переводить ее, как переводят не тексты, а именно переводные картинки. <…> «Переведя» таким образом некоторые из них, я окончательно забыл оригинал (как в свое время тот факт из собственной жизни). Концов теперь уже почти нет» [5, с. 4].

Заметим, что упомянутая нами анаграмма, отсылающая к В. В. Набокову, в романе А. Битова не единственная: имя героя романа Э. Тайрд-Боффина

«Урбино Ваноски» (особенно в связи с упоминанием «Фонда В. Ван-Боока» [5, с. 6]) прочитывается как «Сирин Набокову», что, учитывая сцены прихода юного корреспондента Тайрд-Боффина к пишущему (как и Набоков) и прозу, и стихи литературному мэтру Ваноски, и последующую публикацию его романа «Исчезновение предметов» [6, с. 44–49] (очевидная аллюзия на набоковские «Прозрачные вещи»), композиционно закольцовывающие роман, можно считать комплексным усвоением и развитием А. Г. Битовым особенностей набоковской поэтики (прежде всего кольцевой композиции и сложной текстовой структуры, основанной на игровом различении/тождестве автора-героя-повествователя).

Примечательно, что «биография» Э. Тайрд-Боффина неизвестна, за исключением весьма примечательных деталей: годы жизни (1859–1937), из которых 1937 совпадает не только с годом рождения настоящего «переводчика», реинкарнирующего англоязычный текст забытого автора в «русском» варианте, но и является аллюзией на «знаковую» дату творческой биографии В. Набокова – публикацию последнего «русского» романа «Дар» с последующим переходом писателя на английский язык. Мало того, «переводчик» упоминает о некоторых биографических «чертах» Э. Тайрд-Боффина, переданных его герою Урбино Ваноски, из которых «стилистические изыски» и «позднее вхождение в язык своей будущей литературы» [5, с. 4] вновь отсылает к фигуре Набокова, что подчеркивается и самим «переводчиком» в характерной ремарке: «Читал ли Тайрд-Боффина его ровесник, *будущий автор «The Real Life of Sebastian Knight»*?» [5, с. 4; курсив наш – О. О.]. На наш взгляд, «Истинная жизнь Себастьяна Найта» – как роман, знаменовавший собой окончательный переход В. Набокова на английский язык, – аллюзия к «неанглийскому происхождению» и Тайрд-Боффина, и его героя-писателя Урбино Ваноски, но, кроме того, именно в «Истинной жизни...» описаны взаимоотношения автора-повествователя-персонажа, их варьирующееся перевоплощение, характерное для битовского «Преподавателя симметрии»: «<...> Себастьян Найт – это я. У меня такое чувство, будто я воплощаю его на освещенной сцене, а люди, которых он знал, приходят и уходят... Они движутся вокруг Себастьяна – вокруг меня, играющего роль... И вот маскарад подходит к концу. <…> но герой остается, ибо мне не выйти из роли <...>: маска Себастьяна приросла к моему лицу, сходство несмываемо. Себастьян – это я, или я – это Себастьян, а то, глядишь, мы суть кто-то, не известный ни ему, ни мне» [7, с. 165–166].

Как в «Истинной жизни Себастьяна Найта», «кто-то», скрывающийся под личиной героев, – подлинный автор, так и в «Преподавателе симметрии» герои (и Урбино, и фиктивный автор) чувствуют, что попадают в зазеркалье художественного вымысла и движимы «чьей-то» волей – автора реального – именно он посредством сложной нарративной игры, основанной на стилизации «чужих» писаний и мистификации читателя, первоначально в качестве формы репрезентации использует авторскую маску якобы существовавшего Э. Тайрд-Боффина, а затем перевоплощается и в героя Э. Тайрд-Боффина Урбино Ваноски.

2. В романах В. Пелевина, в которых, равно как и в набоковских произведениях, демонстрируется игровой подход к тексту, проявляющийся в обнажении авторской роли в литературной конструкции, тематизации приемов, обыгрывании излюбленных тем, включении читателя в творческую игру и

постоянном разрушении предварительно созданного эффекта достоверности, также происходит отчуждение автора от собственного текста посредством мнимых предисловий и мистификаций, в которых «реальный» создатель романа настаивает на своей непричастности к написанному, вводя фиктивных авторов-нарраторов. Подобную функцию со всей очевидностью выполняет не только «новообращенный» вампир Рама в «Ампир V», но и лиса А Хули в «Священной книге оборотня», ретроспективно описывающая свой путь к высшему знанию: автор «реальный» скрывается за маской автора фиктивного (А Хули), ведущего повествование от первого лица и становящегося единственной говорящей и оценивающей инстанцией.

Кроме того, средством ложной авторской идентификации, органично дополняющим игру «чужими голосами», оказывается и репрезентующий саму рукопись А Хули предполагаемым читателям «Комментарий эксперта», приписанный «официальным лицам», фигурам, легитимизирующим читательскую продукцию, перерастающим в символ манипулирования массовым сознанием (майор милиции, литературоведы и телеведущий). Автопародийное предисловие официальных «экспертов» даёт отрицательную оценку «сомнительным» духовным поискам и обретению фиктивной авторессой найденной рукописи абсолютной свободы. Таким образом, предисловие не просто иронически демонстрирует откровенную противоречивость взаимоотношений власти (государства) и личности (и это автоотсылка ко всем предыдущим пелевинским текстам), но обыгрывает отзывы отечественной критики на творчество самого Пелевина как автора реального. Так, по мнению «экспертов», представленный текст не заслуживает «серьезного литературоведческого или критического анализа» [8, с. 7], что, несомненно, отсылает к неоднократным упрекам в адрес Пелевина А. Архангельского [9, с. 190–193], П. Басинского [10, с. 4; 11, с. 11] в «дурном слоге», «инфантилизме», «индивидуализме», «беспринципности» и «какой-то детской (чтобы не сказать идиотической) любознательности ко всему, что не напрягает душу, память и совесть» [11, с. 4]. И в этом смысле можно считать, что Пелевин воспринимает набоковский опыт: так, общеизвестно, что русская эмигрантская критика неоднозначно воспринимала наследие Набокова-Сирина, нередко подчеркивая, «формальность» его дарования и «отсутствие человека» в набоковской прозе [12, с. 238–239], что нередко писателем обыгрывалось. Например, подобные обвинения «в надменном презрении к Человеку, в невнимании к интересам читателя, в опасном чудачестве <…>» [13, с. 103] звучат в «Даре». Пелевин же, следуя подобной «схеме», расширяет игровые авторские возможности, контаминируя в «предисловии» к своему роману «реальные» критические отзывы, предлагая тем самым их пародийное прочтение.

Заметим, что предисловие к «Священной книге оборотня», равно как к набоковской «Лолите», функционально служит созданию авторской маски, причем, автопародийный «комментарий экспертов» у Пелевина выстраивается аналогично комментарию доктора Рэя, появление которого также вполне объяснимо, если учитывать известное неприятие Набоковым фрейдизма и более чем скептическое отношение к различного рода психоаналитическим концепциям. Доктор Рэй становится маской автора, скрываясь за которой, Набоков, во-первых, пародирует рассуждения и диагнозы психоаналитиков, а во-вторых, раз и навсегда отгораживается от возможных отождествлений его как автора «реального» с главным героем книги, сопоставление которых,

что, вероятно, писатель предвидел, выглядит весьма соблазнительным для исследователей набоковского творчества (например, известный американский литературовед-славист К. Проффер, детально комментирующий литературные аллюзии романа, в общем-то, не разделяет фигуры автора и персонажа: «Набоков-Гумберт обожает направлять своих читателей по ложному следу» [14, с. 65] и др.). Поводом к подобным высказываниям, несомненно, служит все та же тема «нимфеток», не раз рассматриваемая Набоковым в «Волшебнике», «Даре», а позже – и «Прозрачных вещах».

Кроме того, говоря о непосредственном следовании Пелевиным набоковской традиции, заметим, что, как это ни парадоксально, весь роман «Священная книга оборотня» можно рассматривать если не как перифраз, то как явную пародию на набоковскую «Лолиту», начиная с «вывернутого наизнанку» сюжета, прямых отсылок к роману Набокова: «Лолиту в наше время читали даже Лолиты», как полагает героиня [8, с.10], вплоть до использования в качестве авторской нарративной маски (фиктивного нарратора, ведущего повествование и берущего на себя функции автора «реального») выступающей очевидной аллюзией на набоковскую Лолиту лисы-оборотня А Хули, профессионально имперсонирующей нимфетку с наивным взглядом, говорящую просто и односложно. Один из эпиграфов «Священной книги…» является прямым цитированием набоковского текста: «Кто твой герой, Долорес Гейз? / Супермен в голубой пелерине? / О, дальний мираж, о, пальмовый пляж! / О, Кармен в роскошной машине! *Гумберт Гумберт*» [8, с. 6]. Примечательно, что эти строки, представляющие собой цитату из стихотворения, сочиненного героем романа В. Набокова «Лолита» Гумбертом Гумбертом, не просто устанавливают интертекстуальную связь с этим произведением еще до начала повествования, но и способствуют созданию объемного образа главной героини – лисицы А, которую, как и набоковскую Долорес Гейз, можно назвать «нимфеткой».

Во-первых, она похожа на четырнадцати-семнадцатилетнюю («ближе к четырнадцати» [8, с. 10]) девушку внешне, т.е. почти попадает в обозначенные возрастные границы «9–14». Во-вторых, она даже в большей степени, чем набоковская героиня, обладает не человеческой, а именно демонической, «нимфической» сущностью. Наконец, как и Лолита, А Хули вызывает у мужчин «сильные и противоречивые чувства» [8, с. 10]. Сама же лиса А «принимает историю Лолиты лично и всерьез», поскольку она «любила Набокова с тридцатых годов прошлого века» [8, с. 62], Долорес Гейз для нее «была символом души, вечно юной и чистой, а Гумберт – председателем совета директоров мира сего» [8, с. 64–65]. Знаменательно также, что ставшее источником для эпиграфа стихотворение набоковского героя цитируется в тексте еще раз [8, с. 62–63] как продолжение развертывания мотивики «Парижской поэмы» В. Набокова, а кроме того, «объяснение» появления сюжета «Лолиты» («Он был соткан в Париже, году в тридцать восьмом <…>, и потом рулоном доехал до Америки…» [8, с. 63]) аллюзивно отсылает не только к разрабатываемой прозаиком теме нимфеток и педофилии в конце 1930-х гг. в «Даре» и «Волшебнике», но и к фразе самого Набокова из известного «Послесловия к американскому изданию 1958-го года»: «Первая маленькая пульсация «Лолиты» пробежала во мне в конце 1939-го или в начале 1940-го года, в Париже, на рю Буало <…>» [15, с. 377].

Помимо сопоставления А Хули с Лолитой, тем более любопытным, что пелевинской героине столько же лет, сколько набоковской дней, В. Пелевин проводит параллель между лисой и Гумбертом Гумбертом, поскольку оба они совершают бесконечные перемещения (лиса во времени и пространстве, Гумберт лишь в пространстве), обоих их «гложет тоска по утраченной красоте и смыслу» [8, с. 61] и оба они к финалу преображаются (их хитрость и цинизм сменяются на не свойственные им стремление помочь любимому и способность искренне любить самим), заставляя читателя включиться в игровой, профанный мир, конструируемый на его глазах, предлагая ему некую недосказанность: кто же, в действительности, пародийно воплощается в А Хули?

Мало того, пелевинская героиня зарабатывает на жизнь проституцией, дабы питаться высвобождаемой сексуальностью клиентов, как повелось у лис-оборотней несколько тысяч лет назад, но остается при этом девственной, и мотив двойственной связи нимфетки с чистотой и одновременно – с проституцией также оказывается заимствованным у Набокова и пародийно обыгрываемым Пелевиным – в «Лолите» Гумберт, еще в Париже, в вечных своих поисках нимфетки, попадает в передрягу, когда сводня разыгрывает перед ним фарс, подсовывая вместо девочки-нимфетки проститутку: «<…> на сцене никого не было, кроме чудовищно упитанной, смуглой, отталкивающе некрасивой девушки, лет по крайне мере пятнадцати, <…> которая сидела на стуле и нарочито нянчила лысую куклу» [15, с. 34–35]. И как Гумберт находится в поисках идентичности подлинной нимфетки до встречи с Долорес Гейз, к которой в конечном итоге он испытывает отнюдь не похоть, но истинную любовь, преображающую его, так и на протяжении всего повествования «Священной книги оборотня» происходит узнавание, идентификация героями (лисой А и Сашей Серым) друг друга, которая, однако, оборачивается для Александра трагедией – гипнотическая сила поцелуя лисы А превращает его не в волка (сверхоборотня), но в черную собаку, что пародийно выворачивает наизнанку не только сказочный мотив о воскрешающей силе поцелуя, но предлагает сниженный вариант разрешения сюжета набоковского романа.

И наконец, финальные строки пелевинского романа также вполне сопоставимы с заключением «исповеди» Гумберта в «Лолите»: в обоих романах фиктивные авторы-нарраторы демонстрируют свой ожидаемый «исход» из мира реального в мир иной, где их ожидает бессмертие метафизическое, которого достоин лишь познавший любовь: «Если зарожденная в сердце любовь была истинная, то после крика хвост на секунду перестанет создавать этот мир. Эта секунда и есть мгновение свободы, которого более чем достаточно, чтобы навсегда покинуть пространство страдания» [8, с. 379] (ср. в «Лолите»: «Говорю я о турах и ангелах, о тайне прочных пигментов, о предсказании в сонете, о спасении в искусстве. И это – единственное бессмертие, которое мы можем с тобой разделить, моя Лолита» [15, с. 376]).

Кроме того, об укорененности набоковской традиции (использование авторской маски, приемов мистификации, игры и т.д.) в сознании Пелевина свидетельствует также и отнюдь не случайная отсылка непосредственно все к тем же «культовым» набоковским произведениям («Лолите» и «Аде») в последнем романе прозаика «Ампир V»: «На стене висели две картины с обнаженной натурой. На первой в кресле *сидела голая девочка лет двенадцати*. <…> у нее была голова немолодого лысого Набокова; *соединительный шов в районе шеи был скрыт галстуком-бабочкой в строгий буржуазный горошек*. Картина называлась «Лолита». Вторая картина изображала примерно такую

же девочку <…>. На этой картине *лицо Набокова было совсем старым и дряблым, а маскировочный галстук-бабочка* на соединительном шве был несуразно большим и пестрым, в каких-то *кометах, петухах и географических символах*. Эта картина называлась «Ада». <…> *глаза двух Набоковых внимательно и брезгливо изучали смотрящего* <…>. – Владимир Владимирович Набоков как *воля и представление* <...>. <…> *– Романы Набокова «Лолита» и «Ада» – это варианты трехспальной кровати «Владимир с нами». Таков смысл.* <...> *между любовниками в его книгах всегда лежит он сам. И то и дело отпускает какое-нибудь тонкое замечание, требуя внимания к себе*» [16, с. 42–44; курсив наш – О. О.]. Очевидно, что в процитированном фрагменте пародийно обыгрываются «общие места» набоковской поэтики. Во-первых, тема бабочек иронически трансформируется в «галстук-бабочку», «строгий буржуазный горошек» которого отсылает к биографической подробности В. В. Набокова (эмиграция в США, «ощущение» себя «американским писателем», «истинным американцем» и одновременное саркастическое отношение к буржуазности как «величайшей пошлости»), во-вторых, «старое и дряблое лицо» Набокова на второй картине маркирует «Аду» как один из последних романов писателя, «кометы, петухи и географические символы» – явная аллюзия на пространную географическую Вселенную «Ады», хронотоп которой совмещает современность и прошлое, и наконец – «глаза двух Набоковых, внимательно и брезгливо изучавших смотрящего» – отсылка к ставшему хрестоматийным собственно набоковскому высказыванию о себе самом как «единственном идеальном» читателе своих же романов, к тому же «умеющем размножаться»: «Как читатель я умею размножаться бесконечно и легко могу набить огромный отзывчивый зал своими двойниками, представителями, статистами и теми наемными господами, которые, ни секунды не колеблясь, выходят на сцену из разных рядов, как только волшебник предлагает публике убедиться в отсутствии обмана» [15, с. 389]. Кроме того, столь пространная цитата из романа В. Пелевина понадобилась нам, чтобы подчеркнуть ключевой момент в восприятии эстетики как самого прозаика-постмодерниста, так и рецепции им набоковских открытий – принципиально значимым оказывается именно позиция «автора реального», одновременно удаленного из текста, укрывающегося за нарративной игрой масок и личин и неизменно присутствующего в художественной реальности каждого из романов, инициируя читателя к поиску многообразных авторских идентичностей.

Остается заметить, что набоковские «присутствие» в собственных текстах и репрезентация себя под масками фиктивных нарраторов как важнейшие открытия повествовательных возможностей «пишущего» оказались удивительно живучи, что подтверждает активное освоение их не только интеллектуальной отечественной прозой (в данном случае представленной философским романом А. Битова), но и переведением в пародийно-иронический дискурс текстами, балансирующими на грани «серьезной» литературы и масскульта (романы В. Пелевина). И если Битов, как мы показали, воспроизводит и развивает нарративное устройство набоковского текста, основанное на игровом отождествлении автора-повествователя-героя, то Пелевин очевидно субверсирует стиль и тематику писателя.

Список литературы

1. **Злочевская, А. В.** Художественный мир Владимира Набокова и русская литература XIX века / А. В. Злочевская. – М. : Изд-во МГУ, 2002. – 188 с.

2. Империя *N*. Набоков и наследники : сб. ст. / ред.-сост.: Юрий Левинг, Евгений Сошкин. – М. : НЛО, 2006. – 544 с.
3. **Лотман, Ю. М.** Из комментариев к «Путешествию из Петербурга в Москву» / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. – Таллинн : Александра, 1992. – Т. 2. – С. 124–133.
4. **Липовецкий, М.** Русский постмодернизм: Очерки исторической поэтики / М. Липовецкий. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1997. – 317 с.
5. **Битов, А.** Учитель симметрии : роман-эхо / А. Битов, Э. Тайрд-Боффин // Октябрь. – 2008. – № 8. – С. 3–95.
6. **Битов А.** Учитель симметрии : роман-эхо / А. Битов, Э. Тайрд-Боффин // Октябрь. – 2008. – № 9. – С. 3–49.
7. **Набоков, В. В.** Истинная жизнь Себастьяна Найта / В. Набоков // Набоков В. В. Романы. – М. : Художественная литература, 1991. – С. 7–183.
8. **Пелевин, В.** Священная книга оборотня : роман / В. Пелевин. – М. : Эксмо, 2007. – 384 с.
9. **Архангельский, А.** Пустота. И Чапаев / А. Архангельский // Дружба народов. – 1997. – № 5. – С. 190–193.
10. **Басинский, П.** Из жизни отечественных кактусов / П. Басинский // Литературная газета. – 1996. – 29 мая. – С. 4.
11. **Басинский, П.** Новейшие беллетристы / П. Басинский // Литературная газета. – 1997. – 4 июня. – С. 11.
12. **Терапиано, Ю. В.** Сирин. «Камера обскура» / Ю. Терапиано // В. В. Набоков: Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей / сост.: Б. Аверин, М. Маликова, А. Долинин. – СПб. : РХГИ, 1997. – С. 238–239.
13. **Набоков, В. В.** Дар / В. В. Набоков // Набоков В. В. Собрание сочинений : в 4 т. – М. : Правда, 1990. – Т. 3. – С. 5–330.
14. **Проффер, К.** Ключи к «Лолите» / К. Проффер ; пер. с англ. и предисл. Н. Махлаюка и С. Слободянюка. – СПб. : Симпозиум, 2000. – 302 с.
15. **Набоков, В. В.** Американский период. Собрание сочинений : в 5 т. / В. В. Набоков ; пер. с англ. ; сост.: С. Ильина, А. Кононова ; комм. А. Люксембурга. – СПб. : Симпозиум, 1999. – Т. 2. – 672 с.
16. **Пелевин, В.** Ампир V : роман / В. Пелевин. – М. : Эксмо, 2006. – 416 с.

Осьмухина Ольга Юрьевна
доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (г. Саранск)

Osmukhina Olga Yuryevna
Candidate of culturology, associate professor, senior staff scientist, sub-department of Russian and foreign literature, Mordovia State University named after N. P. Ogarev (Saransk)

E-mail: osmukhina@inbox.ru

УДК 801.73
Осьмухина, О. Ю.
Специфика освоения набоковских приемов в романах А. Битова и В. Пелевина начала XXI в. / О. Ю. Осьмухина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 122–129.

УДК 378

А. С. Мещеряков, А. Ю. Бехтер

ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОМУ САМОРАЗВИТИЮ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ СРЕДСТВАМИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА[1]

Аннотация. В данной статье анализируется проблема формирования творческой готовности к профессионально-личностному саморазвитию будущего специалиста средствами иностранного языка; рассматриваются также различные подходы разных исследователей по данному вопросу.

Ключевые слова: профессиональное, личностное, самоопределение, саморазвитие, совместная деятельность, будущие инженеры.

Abstract. The article runs about the analysis of the problem of developing creative availability to self-develop professionally and personally for being a future specialist by means of studying a foreign language; different scientific investigations are also considered here.

Keywords: professional, personal, self-determination, self-development, cooperation, future engineers.

Актуальность обозначенной проблемы связана с тем, что идеалом будущего мира становится молодой человек, свободно владеющий иностранным языком или несколькими иностранными языками. Многие студенты высших учебных заведений стараются наряду с освоением основной профессии совершенствовать и знание иностранного языка. Вузовский курс продолжает школьный, поэтому обучение иностранному языку в вузе должно обеспечить преемственность в языковой подготовке студентов.

Многие исследователи считают, что профессиональная подготовка специалистов будущего выявляет два приоритета: *язык* в неразрывной связи с *культурой* и *профессиональные знания*, причем названные направления прослеживаются по всем областям подготовки специалистов в контексте «технологического» или «личностного» подходов.

Любая совокупность материальных и духовных ценностей, по мнению И. Я. Лернера, является продуктом общественно-технической деятельности человечества и каждого человека в отдельности. А поэтому *знание*, навык, любое чувство, любые отношения можно, по его мнению, рассматривать как различные проявления деятельности, деятельность, способ ее осуществления как форму сосуществования всех компонентов культуры, как достояние личности [1].

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, в рамках проекта № 09-06-28616 а/В «Сопровождение личностного и профессионального самоопределения студентов».

Культура, как личностный аспект человеческого бытия, всей истории общества, конкретизируется посредством понятий «творчество», «сущностные силы человека», «духовное богатство», «духовное совершенствование». В ней, несмотря на всю внешнюю противоположность «технологического» и «личностного» подхода нельзя не признать их известного сходства, наличия у них точек соприкосновения (И. М. Орешников) [2].

С помощью *языка* осуществляется познание мира, в языке объективизируется самосознание личности. Язык является специфическим социальным средством хранения и передачи информации, а также управления человеческим поведением (С. М. Вишнякова) [3].

В статье «Об интеллигентности» (где речь шла о необходимости изучения иностранных языков как средства гуманизации профессионального образования) В. П. Катаев еще в 1986 г. писал: «Изучение языков (не одного едва-едва, как сейчас, а двух, трех – по-настоящему), живописи, музыки, истории, культуры наряду с всеобщей историей, литературой, географией… это все знания удивительные. Знания с секретом. Их можно сравнить с фундаментальными науками: сами они, может быть, и не дают практических рекомендаций, но без них невозможно развитие ни одного научного направления, невозможно развитие конкретных наук во имя практических целей» [4].

По мнению К. Д. Ушинского, иностранный язык выступает как индикатор нравственного применения учения, показателем которого является не столько количество знаний, сколько то, на что они пойдут, в какие взгляды и убеждения сложатся и какое окажут влияние на образ мыслей, чувств и поведения обучаемого [5].

И. А. Зимняя считает, что иностранный язык, как всякий другой язык, является средством формирования мысли, и поэтому процесс обучения не будет развивающим, если он не вносит изменений в структуру личности [6].

Принимая эту позицию авторов, мы в своем исследовании ориентируемся на поиск технологии, требующей сосредоточиться на понятии «готовность к ПЛС будущих инженеров в неязыковом вузе средствами иностранного языка» с тем, чтобы ее сформированность рассматривать как ожидаемый результат экспериментального процесса профессиональной подготовки.

Проблема готовности к различным видам деятельности, определение путей ее формирования является предметом изучения многих исследователей. Наиболее существенные результаты опубликованы в трудах П. П. Блонского, А. Н. Леонтьева, В. Н. Мясищева, Б. Г. Ананьева, С. Л. Рубинштейна, С. Т. Шацкого, Д. И. Узнадзе и др.

В современной психолого-педагогической литературе понятие готовности к выполнению профессиональной деятельности употребляется в различных значениях. Готовность определяется как наличие способностей (Н. Д. Левитов, С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев); как качество личности (К. К. Платонов); как психологическое условие успешности выполнения деятельности (И. Д. Ладанов); как совокупность убеждений личности, знаний о профессиональных и практических умениях и навыках (Р. В. Романенко, В. В. Сериков); как целостное образование личности, интегрирующее мотивационный, содержательный и операциональный компоненты (Л. В. Кондрашова, А. И. Мищенко, В. А. Сластенин и др.).

Большое внимание уделяется конкретным видам готовности: к профессиональному самоопределению, профессиональному саморазвитию (Г. И. Ильи-

на); к профессиональному самообразованию, психологической готовности к профессиональной деятельности.

В большинстве из них готовность личности к определенному виду деятельности рассматривается в единстве трех составляющих ее компонентов: мотивационно-целевого, содержательного и процессуального (В. В. Сериков и др.). При этом в первый компонент готовности включаются личностные свойства, которые определяют направленность будущей деятельности и обеспечивают ее действенность и интенсивность на основе функционирования механизмов воли.

Поскольку мы имеем дело с изучением готовности к ПЛС как будущего специалиста технического направления в профессиональной деятельности посредством иностранного языка, то для нас важным моментом является выделение в педагогическом процессе по изучению иностранного языка тех видов форм и методов учебной и внеучебной работы студентов, которые влияют на развитие значимых для будущего специалиста качеств личности. Качества личности, в нашем понимании, – это сложные структурные компоненты личности, предопределяющие поведение личности в социальной и природной среде.

Соглашаясь с И. А. Зимней, мы рассматриваем готовность к ПЛС в профессиональной деятельности как самостоятельную активность субъекта образования в русле личностно-деятельностного подхода, в процессе совместной деятельности преподавателя и студента.

Результаты наблюдения показывают, что с ростом готовности к профессионально-личностному саморазвитию в деятельности преподавателя и студента меняются ориентиры. В деятельности преподавателя роль планирования и контроля на начальном этапе формирования готовности ПЛС преобразуется в действия согласования и коррекции. Эти действия носят рекомендательный, практико-ориентирующий характер и направлены в основном на достижение результатов в обучении. В деятельности студента преобладает активность, в результате которой студент становится субъектом деятельности, в которой сам организует, планирует, контролирует и корректирует свои достижения и результаты обучения.

Сегодня это очень важно, так как XXI век коренным образом изменил социокультурный контекст изучения иностранного языка, его функции и профессиональную значимость на рынке труда, что, в свою очередь, влияет на усиление мотивации по его изучению на всех уровнях деятельности, в том числе и профессиональной. Для успешной деятельности каждому специалисту необходимы зарубежные информационные издания и связи со специалистами других стран.

Языковые, ресурсные и информационные барьеры до Болонского процесса не давали возможности сближения систем высшего профессионального образования к мировым стандартам.

Сегодня возможности общения студенческой молодежи и будущих специалистов с зарубежными коллегами представляются благодаря быстроразвивающимся международным контактам, развитию глобальных компьютерных сетей. Изменения характера международных связей нашего государства, интернационализация всех сфер общественной жизни, создание единого образовательного пространства в рамках Болонской конвенции делают иностранный язык востребованным и в профессиональной деятельности специа-

листа инженерного профиля. В России разработан новый Перечень направлений (по номенклатуре, структуре и содержанию) подготовки специалистов в области техники и технологий с учетом мировой практики формирования образовательных программ при сохранении лучших традиций российского инженерного образования (фундаментальности, практической ориентации и др.). Планируется расширение практики трудоустройства специалистов в области техники и технологий с квалификацией бакалавра – на инженерные должности в промышленности, а с квалификацией магистра – на должности конструктора и прикладного исследователя в проектных организациях, обогащающих модернизацию национальной системы образования и подготовку специалистов по разным направлениям.

Своеобразие инженерной деятельности по сравнению с другими видами человеческой практики заключается в изобретательстве, конструировании, проектировании, создании систем, преобразующих материалы, энергию, информацию в более полезную форму. Онтогенез инженерной деятельности выражается в развитии способов и приемов работы, в рационализации технологии, в изобретательстве, в обогащении технического инструментария, в расширении области его применения. В результате онтогенеза субъекта ему становятся доступными все более сложные профессиональные задачи по созданию и обслуживанию инженерных систем (М. Ю. Резник, Г. В. Суходольский) [7, 8]. Следовательно, и функции, которые выполняет современный инженер в своей профессиональной деятельности, должны быть весьма разнообразны. Так, в исследованиях Б. А. Душкова, Б. Ф. Ломова, Б. А. Смирнова выделены конструктивная, организаторская, управленческая, гностическая, информационная, исследовательская, изобретательская, коммуникативная, перцептивная функции [9, 10].

Такое разнообразие выполняемых ими функций способствует профессиональному становлению и развитию личности, обеспечивает специалисту инженерного профиля достаточную мобильность на рынке труда, возможность оперативно осваивать технические новшества с учетом развития мировых тенденций в технической политике, творчески пользоваться усваиваемой информацией (в том числе и иноязычной): уметь ее найти, переработать и применить в своей инженерной деятельности, успех которой зависит прежде всего от его способности работать с людьми.

Большая часть рабочего дня инженера уходит на общение. Он должен уметь вести деловую беседу, переговоры, совещания, решать служебные вопросы по телефону, работать с документами, вести деловую переписку, проявляя высокий уровень компетентности. И здесь перцептивной стороной общения выступает процесс воспитания и познания людьми друг друга с последующим установлением на этой основе определенных межличностных отношений. Социально-перцептивный компонент общения включает умения ориентироваться в коммуникативной ситуации, умения слушать и слышать, правильно интерпретировать информацию, понимать эмоциональное состояние партнеров по общению, прогнозировать их возможные реакции в процессе профессионального общения. В исследовании мы из четырех основных функций социальной перцепции, выделенных Н. И. Шевандриным: 1) познание себя; 2) познание партнера по общению; 3) организация совместной деятельности на основе взаимопонимания; 4) установление эмоциональных отношений [11], ориентировались на три первые. Были использованы вербаль-

ные и невербальные средства общения, как на родном, так и на иностранном языках, направленные только на организацию взаимодействия людей в их совместной деятельности. По мнению В. В. Горшковой, совместная деятельность – это процесс сопряженных усилий субъектов, в которых на основе принципиальной эгалитарности и стремления к интерактивному результату реализуется право каждого на непрерывность и своеобразие собственного развития [12].

В настоящее время в системе обучения студентов технических специальностей университета иностранному языку все большее распространение получают методы активного социально-психологического обучения – дискуссионные методы, игровые и многое другое. Учитывая минимальное количество времени на изучение иностранного языка в неязыковом вузе, необходимо обучать студентов осуществлять деловые контакты на элементарном уровне – посредством обмена этикетными деловыми письмами и письмами-бланками, а также ответами на них. Соответственно, у студентов должны быть сформированы речевые умения, необходимые для реализации таких коммуникативных намерений, как информирование, побуждение, отказ, согласие, уклонение от принятия решения и т.д. С этой целью нами было разработано учебное пособие по обучению составления деловых писем на английском языке (А. Ю. Бехтер) [13], которое было успешно апробировано на кафедре «Английский язык» Пензенского государственного унтверситета.

Оперирование студентами языковыми средствами общения в процессе говорения, аудирования, чтения и письма на занятиях по английскому языку, в контексте высказываний В. В. Горшковой, дало им возможность приобрести знания и умения в аудиториях вуза, необходимые для нравственного самоопределения, саморазвития, творчества в будущей социальной и профессиональной сферах деятельности.

В связи с чем мы полагаем, что главной задачей педагога в вузе является создание условий для развития творческой личности, ее способности к саморазвитию, самосовершенствованию, к компетентностно-ориентированной подготовке, ибо саморазвиваться творчески означает преодоление пути постепенного качественного изменения самосознания, формирования внутренней готовности к всестороннему раскрытию своей индивидуальности в обучении и деятельности через самообучение, самообразование и самореализацию (В. И. Щеголь, Т. А. Михайловская) [14]. Какими же мотивами в обучающей, а впоследствии и в производственной деятельности должны руководствоваться современные студенты? Ведь мотив есть то, ради чего осуществляется деятельность, он определяет смысл того, что делает человек. Именно мотив провоцирует студента на его творческую готовность к ПЛС, на самостоятельные действия.

Наши наблюдения дают нам основание утверждать, что основными мотивами человека должны выступать рост его профессионального мастерства и общекультурное развитие во всех проявлениях. Для этого, согласно А. Н. Леонтьеву, мы и стараемся обеспечить студенту его деятельное включение в новые социально-экономические условия жизни общества, чтобы жизненная и деятельностная составляющие образовательного процесса были тесно взаимосвязаны и направлены на творческое саморазвитие личности. Свои убеждения мы подкрепляем словами В. Н. Мясищева: «Изучая деятельность, не должно забывать о ее носителе – личности, о человеке, а изучая личность,

нельзя забывать о том, что изучать ее можно только в деятельности» [15]. Сегодня особенно это важно для будущей инженерной деятельности, так как изменяется политика в сфере технического образования. Она направлена на решение задач по подготовке конкурентоспособных специалистов, социально защищенных качеством и профессионально-деятельностными возможностями этого образования, готовых лично принимать самостоятельные нестандартные решения.

Поскольку профессионально-личностное саморазвитие студента проходит в условиях, когда его ведущей деятельностью является учебная, то один из путей формирования готовности к саморазвитию осуществляется через учебную деятельность, в частности, через групповую или индивидуальную самостоятельную учебную деятельность. Планирование и организация самостоятельной учебной деятельности в нашем исследовании имело следующие цели:

– помощь личности в познании себя и партнера;

– самоопределение и самореализация на основе взаимопонимания;

– формирование самоуправляющих механизмов личности, готовой к регулированию своего психологического состояния и самораскрытию творческого потенциала.

Профессионально-личностное становление студента в процессе обучения в вузе позволяет сформировать зрелую личность, способную адаптироваться к меняющимся социальным условиям в соответствии со своими жизненными позициями и ценностными ориентациями. С целью выявления факторов, способствующих организации совместной деятельности преподавателя и студентов в учебном процессе, нами были разработаны анкеты (как для преподавателей, так и для студентов)[1].

Проведенное анкетирование показало, что дидактическая адаптация студентов технических специальностей прежде всего зависит от качества организации учебного процесса на факультетах и в вузе, от профессиональной направленности учебных дисциплин. Социально-психологическая адаптация студентов связана с психологической готовностью студентов к получению знаний по специальности, с формированием у них устойчивой мотивации к получению диплома по выбранной профессии. На успешность ПЛС также

[1] Из всех вопросов, заданных студентам и преподавателям, хочется выделить (руководствуясь целями данной статьи) следующие. Для преподавателей: 1) на какие категории Вы преимущественно опираетесь при выборе форм организации учебной деятельности студентов: а) возраст и реальные возможности студентов; б) степень трудности учебного материала; в) уровень развития личностных качеств студентов, в том числе развитие их инициативы, самостоятельности; г) объем учебного материала; д) степень новизны учебного материала; е) рациональность использования времени студентов и преподавателя? 2) Как Вы работаете над профессионально-личностным развитием студентов? 3) Каким образом Вы совершенствуете технику педагогического сотрудничества преподавателя и студента в поиске новых идей, в решении учебных проблем? Для студентов: 1) Как Вы считаете, «Вы учитесь» или «Вас учат»? 2) Чувствуете ли Вы уважение и взаимопонимание со стороны преподавателя? 3) Необходима ли Вам какая-либо помощь преподавателя (если «да», то какая)? 4) Способствует ли внеаудиторная самостоятельная работа, по Вашему мнению, раскрытию Вашего творческого потенциала? 5) Какие творческие задания, по Вашему мнению, помогают Вам самореализоваться?

влияет складывающаяся система деловых и межличностных отношений среди студентов и преподавателей в студенческой группе.

Анализ результатов исследования показывает, что для повышения требований к качеству владения студентами технических факультетов иностранным языком и использованию его в профессиональной деятельности разработанные в процессе профессиональной подготовки специалистов идеи, методы и подходы должны охватывать все ступени, все звенья единой образовательной системы, в которой просматривается восхождение каждого человека по «лестнице» становления личности, ее профессионального саморазвития.

Ступени такой «лестницы» представлены Э. П. Комаровой в виде последовательного движения человека ко все более высоким достижениям в своем образовательном уровне следующей схемой: грамотность → образованность → профессиональная компетентность → культура → менталитет [16].

Однако в рамках нашего исследования мы полагаем, что эта лестница «восхождения» человека не имеет логического начала и конца. Ведь весь образ жизни человека есть накопление индивидуального опыта, обеспечивающего ему устойчивость и изменчивость жизнедеятельности и предпосылки к саморазвитию. Психологи доказали, что человек от рождения получает разнообразные психофизиологические задатки (ДНК), в которых заложены необходимые и достаточные внутренние условия – возможности, «первичный духовно-природный капитал» для выполнения индивидуального предназначения на Земле.

В исследованиях К. Я. Вазиной, Э. Ф. Зеера, А. И. Павловой, О. А. Рулей, Н. О. Садовниковой и других авторов мы находим этому подтверждение. А именно: главным из этих задатков выдвигается «духовно-природный механизм, обеспечивающий непрерывное духовное саморазвитие в течение жизни человека. Он лежит в основе творчества, сотворения себя, накопления индивидуального опыта.

Саморазвитие человека есть накопление индивидуального опыта в течение всей жизни, ибо «каждому человеку природой предназначено развивать заложенные от рождения возможности… непрерывно творя, созидая себя и мир» [17].

«Опыт выступает универсальной формой процесса и результата духовно-сенсорно-интелектуально-биологического проявления индивидуальности человека в течение всей жизни» [17]. Еще более конкретно, касательно к процессу обучения, находим у Дж. Локка: «Вообще же не мешает, в интересах наших учебных занятий, изредка изучать самих себя, т.е. свои способности и дефекты. Почти каждому человеку присущи свои духовные дарования и природные способности, как и свои дефекты и слабости. Если мы обратим на них внимание и изучим их, нам не только легче будет найти средство для исправления своих слабостей, но мы будем также лучше знать, как обратиться к тем вещам, для которых мы лучше всего подходим, и так приспособиться в ходе наших занятий, чтобы мы могли извлечь из них наибольшую пользу» [18].

Накапливая индивидуальный опыт, человек осознает первоочередную цель своей жизни – «познать себя – как уникальный духовно-природный саморазвивающийся механизм – и перейти на режим саморазвития для выполнения своего жизненного опыта» [19]. Этот механизм и лежит в основе творчества, сотворения себя и накопления индивидуального опыта.

Почему во все времена представители передовой мысли и призывали человека познавать прежде всего себя, так как они понимали, что добро и зло в самом человеке, в его индивидуальности, а индивидуальность они понимали как:

– «уникальность, особенность, необычность, непохожесть, интересность;

– символ проявления жизненной шкалы ценностей;

– инструмент посредничества, взаимосвязи между людьми, мироздание, творцом» [17].

Таким образом, схему «лестницы» восхождения человека, мы полагаем, необходимо представить следующим образом: психофизиологические задатки как внутренние условия (возможности, «первичный духовно-природный капитал») → грамотность → образованность → профессиональная компетентность → культура → менталитет → энергия творчества, созидания, накопления индивидуального опыта.

В заключении можно констатировать, что в процессе профессионально-личностного саморазвития студент обретает личное место в образовательном пространстве вуза, которое позволяет ему самоактуализироваться в общественной и профессиональной жизни, определить личную позицию, отношение к фактам и явлениям. Педагогам основное внимание необходимо уделять развитию способностей студентов, определять взаимосвязь, интеграцию (пространственную, временную, культурную, социальную, историческую, понятийную, образную связь и др.), задавать и отвечать на вопросы, искать и находить общий смысл культурных процессов, происходящих в России и странах изучаемого языка.

Список литературы

1. **Лернер, И. Я.** Дидактические основы методов обучения / И. Я. Лернер. – М. : Педагогика, 1981.
2. **Орешников, И. М.** Что такое гуманитарные культуры? / И. М. Орешников. – Саранск : Изд-во Мордовск. ун-та, 1992. – 148 с.
3. **Вишнякова, С. М.** Профессиональное образование: Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика / С. М. Вишнякова. – М. : НМЦСПО, 1999. – 538 с.
4. **Катаев, В. П.** Об интеллигентности / В. П. Катаев // Литературная газета. – 1986. – 1 января. – С. 4.
5. **Ушинский, К. Д.** Собр. соч. : в 11 т. / К. Д. Ушинский. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1948. – Т. 2. – 552 с.
6. **Зимняя, И. А.** Психология обучения иностранным языкам в школе / И. А. Зимняя. – М. : Просвещение, 1991. – 222 с.
7. **Резник, М. Ю.** Социальная инженерия: предметная область и границы применения / М. Ю. Резник // Социологические исследования. – 1994. – № 2. – С. 87–96.
8. **Суходольский, Г. В.** Инженерно-психологический анализ и синтез профессиональной деятельности : дис. … д-ра психол. наук. / Г. В. Суходольский. – Л., 1982. – 407 с.
9. **Душков, Б. А.** Хрестоматия по инженерной психологии / Б. А. Душков, Б. Ф. Ломов, Б. А. Смирнов. – М. : Высш. шк., 1996. – 287 с.
10. **Ломов, Б. Ф.** Вопросы общей педагогической и инженерной психологии / Б. Ф. Ломов. – М. : Педагогика, 1991. – 295 с.
11. **Шевандрин, Н. И.** Социальная психология в образовании / Н. И. Шевандрин. – М. : ВЛАДОС, 1995. – 544 с.

12. **Горшкова, В. В.** Педагогика отношений / В. В. Горшкова. – Комсомольск-на-Амуре, 1995. – 105 с.
13. **Бехтер, А. Ю.** Деловое письмо : учеб. пособие / А. Ю. Бехтер, Д. П. Казанникова. – Пенза : Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2008. – 72 с.
14. **Щеголь, В. И.** Формирование творческой самообразовательно-рефлексивной компетентности студентов / В. И. Щеголь, Т. А. Михайловская // Профессиональная педагогика: сущность, содержание, перспективы развития : материалы юбил. Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. – М. : МПГУ, 2005. – Ч. 2. – 789 с.
15. **Мясищев, В. Н.** Проблемы отношений человека и его место в психологии / В. Н. Мясищев // Вопросы психологии. – 1957. – № 5. – С. 142–154.
16. **Комарова, Э. П.** Теоретические основы профессионального обучения иноязычному опосредованному общению в неязыковом вузе : дис. ... д-ра пед. наук / Комарова Э. П. – Воронеж, 2001. – 337 с.
17. **Вазина, К. Я.** Опыт – универсальная форма саморазвития индивидуальности человека в течение жизни / К. Я. Вазина // Человек. Образование. Профессия : сб. науч. ст. – Н. Новгород, 2009. – 407 с.
18. **Локк, Дж.** Обучение / Дж. Локк // Педагогические сочинения. – М., 1939. – С. 299.
19. Глоссарий по психологии профессионального развития / сост.: А. М. Павлова, О. А. Рулей, Н. О. Садовникова ; под общ. ред. Э. Ф. Зеера. – Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф. пед. ун-та, 2006. – 62 с.

Мещеряков Анатолий Семенович
доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой профессиональной педагогики и психологии, Пензенский государственный университет

Meshcheryakov Anatoly Semenovich
Doctor of pedagogic sciences, professor, head of sub-department of professional pedagogy and psychology, Penza State University

E-mail: bekhter@yahoo.com

Бехтер Анна Юрьевна
старший преподаватель, кафедра английского языка, Пензенский государственный университет

Bekhter Anna Yuryevna
Senior lecturer, sub-department of English language, Penza State University

E-mail: bekhter@yahoo.com

УДК 378

Мещеряков, А. С.

Формирование творческой готовности к профессионально-личностному саморазвитию будущих инженеров средствами иностранного языка / А. С. Мещеряков, А. Ю. Бехтер // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 130–138.

УДК 378

Н. И. Попов, В. И. Токтарова

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСИММЕТРИИ ЧЕЛОВЕКА И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УСВОЕНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. Фундаментальные различия между лево- и правополушарной стратегиями переработки информации имеют непосредственное отношение к формированию различных психолого-педагогических особенностей студентов при изучении математики.

Ключевые слова: асимметрия полушарий головного мозга, переработка математической информации.

Abstract. This paper describes the fundamental differences between left and right cerebrum hemispheres strategies of thinking. It influences to form different abilities of student at mathematics study.

Keywords: asymmetry of cerebrum hemispheres, understanding of mathematical information.

Теория функциональной асимметрии полушарий головного мозга за последние десятилетия активно развивалась, накоплен значительный теоретический и практический материал [1, 2]. Однако в своей работе педагоги и психологи редко учитывают данные об индивидуальном профиле функциональной асимметрии мозга человека. Основы функциональной специализации полушарий мозга являются врожденными. По мере развития человека происходит усложнение механизмов межполушарной асимметрии.

По мнению психологов все люди делятся на три группы с разной функциональной организацией полушарий мозга:

– доминирование левого полушария – словесно-логический характер познавательных процессов, склонность к абстрагированию и обобщению (левополушарные люди);

– доминирование правого полушария – конкретно-образное мышление, развитое воображение (правополушарные люди);

– отсутствие ярко выраженного доминирования одного из полушарий (равнополушарные люди).

К односторонне представленным правополушарным и левополушарным типам реагирования принадлежит чуть меньше половины людей. Каждое из полушарий человеческого мозга является самостоятельной системой восприятия внешнего мира, переработки информации о нем и планирования поведения в этом мире. Несмотря на специализацию полушарий головного мозга, он функционирует как единое целое благодаря межполушарному взаимодействию. Предполагается, что разница между функциями полушарий сводится к разным способам организации концептуальной связи между элементами обрабатываемой информации.

Каждому взрослому человеку свойственно предпочтение (асимметрия) одного из двух парных органов – рук и ног, слуха, зрения. У здорового индивидуума возможно отсутствие предпочтения лишь для одного или двух парных органов при обязательной одинаковой асимметрии других. Каждый че-

ловек имеет присущее ему сочетание предпочтений, называемое индивидуальным латеральным профилем: психическим, обусловленным специализацией полушарий мозга; моторным, говорящим о предпочтении ведущей руки (и ноги, что редко рассматривается); сенсорным, показывающим выбор для ведущего глаза и ведущего уха. Теоретически выделяют правый, левый и смешанный латеральные профили, однако и среди них есть достаточно большое число сочетаний.

Наличие функциональной асимметрии позволяет говорить о двух различных стратегиях обработки информации человеком.

Логико-знаковая (левополушарная) стратегия основана на символическом отображении реального физического пространства и строится на основе символической знаковой системы – естественного языка. С помощью логического мышления человек формирует концептуальное пространство, в пределах которого он может планировать свою деятельность, придавать ей цели, переходить от манипулирования предметами к оперированию понятиями. С помощью логических рассуждений человек способен проанализировать ситуацию, сделать прогноз на будущее. Логико-знаковая стратегия мышления обусловлена способностью человека к формализации, обобщению. Она тесно связана с естественным языком, речью; протекает во времени в виде цепочки логически связанных дискретных знаков.

Наглядно-образная (правополушарная) стратегия основана на практически мгновенной оценке ситуации, окружающей обстановки. Правое полушарие формирует перцептивное пространство, которое является отражением реального мира, вернее, той его части, которая находится в непосредственной близости, в пределах досягаемости органов чувств человека. Отличительной особенностью невербальной информации является то, что она носит не дискретный, а протяженный характер. Образное мышление связано с чувственным восприятием реального мира. Оно позволяет мгновенно ориентироваться в окружающей обстановке. Это становится возможным благодаря памяти человека, в которой зафиксирован весь его предыдущий индивидуальный опыт, а также опыт предшествующих поколений.

Мысли, обобщения, оценки, высказывания и т.д., т.е. все те психические явления, которые в своей совокупности характеризуют абстрактное познание, «запоминаются», по всей вероятности, отлично от образов восприятия. Запоминанию в строгом смысле слова (т.е. хранению в неизменном виде) могут подлежать только чувственные образы как уже случившиеся психические явления.

Для характеристики «запоминания» речевых мыслительных операций кажется более уместным обозначение «накопление опыта абстрактного познания». Обозначения «запоминание», «хранение» по отношению к опыту абстрактного познания, психомоторных актов человека, наверное, условны. Способы «существования» этого опыта в сознании представляются совершенно иными, чем хранение опыта чувственного познания. Отличие проявляется в отношении к пространству и времени, в которых происходит та и другая деятельность. С ними тесно спаиваются чувственные образы, «существуют» без связи с ними бывшие планы, действия. Это обстоятельство обуславливает, может быть, неустойчивость, активную подвижность, развитие и совершенствование мыслительных и двигательных операций. Мысль и движе-

ние в настоящем времени только начинаются, завершение их – только в будущем.

Отметим, что психосенсорные и психомоторные деятельности запоминаются несходно. Первые запоминаются тесно спаянными с тем временем и пространством, в которых осуществлялись, «остаются» в соответствующем отрезке прошлого времени; вторые – вне связи с этим временем и пространством. В содержании прошлого времени сведений о совершавшейся в нем психомоторной деятельности не оказывается [2].

Правое полушарие человеческого мозга выглядит способным схватывать непосредственные выражения (письменные или устные). Оно улавливает конкретные зрительные и слуховые стимулы, всегда данные в конкретном пространстве и времени. Левое же полушарие способно как бы уловить смысл, стоящий за конкретными зрительными или звуковыми знаками; этот смысл может быть вариабельным, множественным, не привязанным к конкретному пространству и времени. Чтобы уловить этот смысл, необходимо «выйти» за пределы реального сейчас пространства и времени. Таким образом, уникальность функциональной асимметрии человеческого мозга можно усмотреть в неповторимости пространственно-временной организации функций правого и левого полушарий при формировании целостной психики.

Н. Н. Брагина и Т. А. Доброхотова отмечают: «Дальнейшее изучение именно пространственно-временной организации вскроет… механизмы, с помощью которых парным органом – мозгом обеспечивается полостная психика человека. В этом изучении особо значимым нам представляется участие представителей фундаментальных наук» [2].

Многочисленные эксперименты [3] показали, что у различных людей по-разному может проявляться асимметрия головного мозга. У одних бывает лучше развит вербальный механизм мышления, а у других – образный. К тому же внутренний диалог между этими механизмами также может протекать по-разному. Разделение людей на три группы с разной функциональной организацией полушарий мозга генетически предопределено, и существуют специальные тесты для определения склонности к тому или иному типу мышления [4] и принадлежности к той или иной типологической модели социального или индивидуального характера [5].

Описанные выше фундаментальные различия между лево- и правополушарной стратегиями переработки информации имеют прямое отношение к формированию различных математических способностей студентов.

Дифференцируя в своей работе обучающие стили, педагоги должны учитывать различия между пониманием алгебры и геометрии студентами с разным типом межполушарной организации. Так, правополушарные более успешны в изучении геометрии благодаря ее пространственной природе. Алгебра требует поиска, последовательного мышления, что является преимуществом левополушарных студентов. В частности, они решают пространственную задачу речевым, знаковым методом; обозначают все углы и стороны геометрических фигур буквами, не обращая внимания на чертеж, оперируют только этими символьными обозначениями. Функция «правополушарных» компонентов мышления – одномоментное схватывание большого числа противоречивых с точки зрения формальной логики связей и формирование за счет этого целостного и многозначного контекста. Преимущество такой стра-

тегии мышления проявляется в тех случаях, когда информация сложна, внутренне противоречива и не может быть сведена к однозначной интерпретации.

Студенты с противоположными стилями мышления могут реально помочь друг другу. Например, студент правополушарного типа мышления, работая в паре с левополушарным над заданием, может показать своему товарищу такие стратегии обучения, как синтез, применение схем, привлечение данных из контекста и сопоставление фактов. Левополушарный студент может поделиться со своим партнером способами построения логической структуры решения задачи, выделения нужных деталей, выявления различий, создания категорий.

Работа над пересекающимися целями в задании приводит к значительной затрате усилий. Студенты, работающие вместе, могут получить пользу от совместной деятельности. Исследования показывают [6], что группы обычно выполняют задания лучше, чем средний индивидуум, работающий в одиночку над широким кругом задач, хотя наиболее способные студенты все-таки могли бы превзойти группу. Оказывается, что существуют, по меньшей мере, три причины этого «группового эффекта»:

– группы в большей степени способны распознать и приспособить правильные стратегии решения, когда они предложены членом группы;

– группы могут распознать и исключить ошибки в представлении;

– группы способны обработать большее количество информации коллективно, чем индивидуумы.

В разработке компьютерных интеллектуальных систем, как отмечает Д. А. Поспелов, имеет место «левополушарный крен» [7]. В связи с этим четкое выделение неявных, подсознательных компонентов знания позволяет также конкретно ставить задачу их освоения, сформулировать соответствующие требования к методам и средствам обучения, в том числе и к методам компьютерной графики.

Психолого-педагогические исследования показывают, что использование компьютерной графики не только способствует более успешному восприятию и запоминанию учебного математического материала, но и позволяет проникнуть глубже в существо познаваемых явлений. Это происходит за счет работы обоих полушарий, а не одного левого, логического, привычно работающего при освоении точных наук. Правое полушарие, отвечающее за образно-эмоциональное восприятие предъявляемой информации, начинает активно работать именно при ее визуализации.

Естественно, что, компьютерная реализация учебного математического материала имеет как общие с традиционными средствами обучения черты, так и отличные от них. «С появлением компьютера существенно меняется характер... обучающей среды... Новый подход к передаче знаний влечет за собой изменение взгляда на сами принципы изложения учебной информации – подача учебного материала должна быть осуществлена так, чтобы стал возможен активный зрительный анализ его структуры» [8].

В учебном процессе изучения математики в высшей школе широкое применение находит символическая условная наглядность, являющаяся важнейшим средством приобретения знаний.

О роли наглядности в математике писал известный ученый Д. Гильберт: «В математике, как вообще в научных исследованиях, встречаются две тенденции: тенденция к абстракции – она пытается выработать логическую

точку зрения на основе различного материала и привести этот материал в систематическую связь – и другая тенденция, тенденция к наглядности, которая в противоположность этому стремится к живому пониманию объектов и их внутренних отношений» [9].

Максимальный эффект в обучении может быть достигнут только тогда, когда в существующей технологии математической подготовки специалиста [10] будут использоваться возможности левого и правого полушарий мозга.

Одним из наиболее эффективных средств развития пространственного воображения, по нашему мнению, являются информационные технологии. Компьютер служит мощным демонстрационным средством, позволяющим непосредственно наблюдать динамику протекания процессов и явлений, изучать их и вносить коррективы. Наглядности учебного материала можно достичь за счет имитационного моделирования реальных сложных процессов, связанных с появлением объекта или его описанием на экране компьютера. Таблицы, схемы и диаграммы могут изменяться в зависимости от вводимых параметров. С помощью компьютера возможно решение самых различных учебных задач, таких как выполнение вычислительных операций, анализ результатов учебных экспериментов, построение и интерпретация математических моделей физических, химических и других явлений. Графические возможности компьютера можно использовать для развития пространственного воображения при изучении динамики различных процессов и описания их функциями, при демонстрации характеристик изучаемых объектов.

Отметим наиболее существенные, на наш взгляд, преимущества интерактивной компьютерной графики как средства реализации наглядности:

– возможность создания динамических образов, иллюстрирующих математические понятия в пространстве и времени;

– возможность интерактивной работы с компьютером, когда обучаемый сам становится участником события.

Применение интерактивной компьютерной графики позволяет представить формирование большинства образов математических объектов в виде разворачивающегося во времени процесса, «от нуля» до готовой картинки, так что обучаемому дается возможность увидеть и технологию построения, и некоторые второстепенные детали, которые в готовом образе уже нельзя будет обнаружить. Часто наглядные образы формируются по желанию самого обучаемого путем введения необходимых параметров.

Как мы уже отмечали, учебно-познавательная деятельность протекает тем эффективней, чем активнее в нем участвует мышление студентов. Не память, как это зачастую бывает в реальных условиях учебного процесса, а именно мышление. Поэтому необходимо учитывать различие между пониманием алгебраических понятий и геометрических образов студентами с разным типом межполушарной организации.

При разложении всех мыслительных операций обучаемых на отдельные шаги следует уже на этапе разработки сценария компьютерной обучающей системы принять меры, способствующие развитию неалгоритмизируемой, образной составляющей мышления. Этого можно достичь, если при педагогическом проектировании компьютерного обучающего курса закладывать возможность разрешения учебных проблем, целенаправленно актуализируя творческий компонент мышления.

Как известно, функции интерактивной компьютерной графики подразделяются на иллюстративную и когнитивную [7]. Иллюстративная функция представлена в компьютерных обучающих системах в виде рисунков, карт, диаграмм, графиков, схем и анимаций. Когнитивная же функция интерактивной компьютерной графики представлена в ситуациях, когда студенты приобретают знания с помощью исследований математических моделей изучаемых объектов, причем, поскольку этот процесс опирается на интуитивный правополушарный механизм мышления, сами знания в существенной мере носят личностный характер.

С помощью реализованных компьютерных моделей в обучающих системах по математическим дисциплинам студенту предоставляются следующие возможности:

– визуализация на экране различных математических закономерностей с последующим изучением их свойств;

– конструирование разнообразных графических образов;

– создание математических моделей изучаемых процессов и явлений.

Когнитивные графические образы являются инструментальным средством исследования различных разделов математики. Известно, что основную информацию несет контур. Простые контурные представления используются для описания различных многомерных структур данных. При большой размерности используются интегральные контурные представления. Образное графическое представление информации о решаемой задаче или управляемом объекте является наиболее эффективным по выразительности и по времени восприятия. Это преимущество важно для контроля и управления сложными и критическими по времени процессами.

Так, в частности, в задаче решения уравнения Лапласа для квадрата предлагается пример (рис. 1) отображения математических объектов в виде полигональных сетей, которые обладают высоким когнитивным потенциалом.

0.0	0.309	0.587	0.809	0.951	1.0	0.951	0.809	0.587	0.309	0.0
0.309	0.468	0.628	0.763	0.852	0.883	0.852	0.763	0.628	0.468	0.309
0.587	0.628	0.696	0.763	0.812	0.829	0.812	0.763	0.696	0.628	0.587
0.809	0.763	0.763	0.783	0.802	0.81	0.802	0.783	0.763	0.763	0.809
0.951	0.852	0.812	0.802	0.804	0.806	0.804	0.802	0.812	0.852	0.951
1.0	0.883	0.829	0.81	0.806	0.806	0.806	0.81	0.829	0.883	1.0
0.951	0.852	0.812	0.802	0.804	0.806	0.804	0.802	0.812	0.852	0.951
0.809	0.763	0.763	0.783	0.802	0.81	0.802	0.783	0.763	0.763	0.809
0.587	0.628	0.696	0.763	0.812	0.829	0.812	0.763	0.696	0.628	0.587
0.309	0.468	0.628	0.763	0.852	0.883	0.852	0.763	0.628	0.468	0.309
0	0.309	0.587	0.809	0.951	1.0	0.951	0.809	0.587	0.309	0

Рис. 1. Представление графического решения в виде полигональных сетей

В следующем примере (рис. 2) предложен способ отображения математического объекта, обладающего также высоким когнитивным потенциалом, в виде сплошных цветографических изображений.

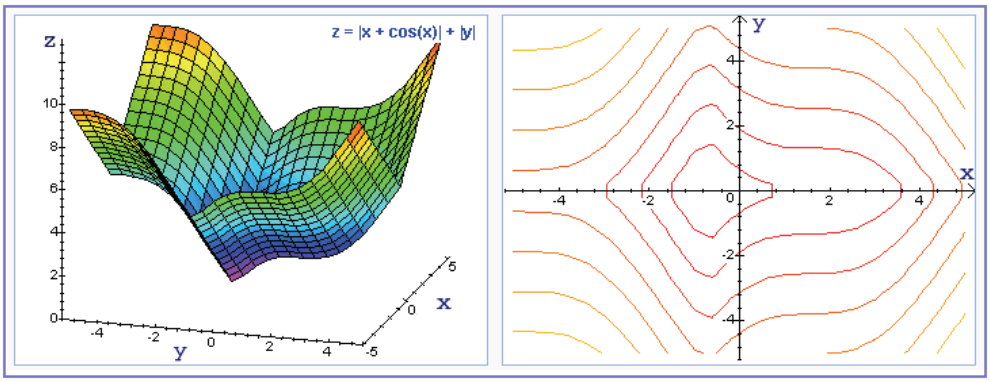

Рис. 2. Представление модели поверхности
в виде сплошных цветографических изображений

С учетом функциональной асимметрии мозга человека в левой половине визуального экрана следует располагать целостные, объединенные иллюстративные материалы, а в правой – разделенные, фрагментные, подлежащие детальному анализу. С целью активизации психических процессов восприятия и удержания внимания к информации переход к новой порции учебного материала может быть акцентирован во времени сменой цветовой палитры изображений, звуком или движением на экране.

Также необходимо отметить, что в основу функционирования визуальной среды каждого учебного элемента компьютерных обучающих систем положено использование в одном «построении» всех трех способов предъявления учебной математической информации, которые в процессе обучения рассматриваются как «относительно равноправные и постоянно действующие». Причем:

– *текст* несет не только смысловую (содержание), но значительную зрительную нагрузку (оформление);

– *рисунок* активно используется для умозрительной демонстрации свойств, связей и операций над понятиями, визуализации хода доказательных рассуждений, выявления подсказки к решению задачи;

– *формула*, являясь специфическим языком математики, позволяет ясно и компактно изложить формулировку и доказательство теоремы, которые в словесном изложении могли бы занять не одну бумажную или «экранную» страницу.

Таким образом, максимально тесная временная и пространственная связь рисунка, текста и формулы в среде обучения считается важным условием визуализации учебного математического материала в компьютерных обучающих системах.

Феномен функциональной асимметрии человека, по нашему убеждению, не может быть понят вне общих законов эволюции неживой и живой природы. Объясняющая его теоретическая концепция представляется нам такой, что она должна опираться на фундаментальные законы природы, включать в себя существующие гипотезы как частные составляющие и давать ответы на многочисленные вопросы, остающиеся открытыми. Сам подход к этой проблеме выводит обсуждение происхождения природы функциональной асимметрии человека за рамки медицины и биологии. Проблема имеет междисциплинарный характер.

Список литературы

1. **Аршавский, В.** Различия, которые нас объединяют: этюды о популяционных механизмах межполушарной асимметрии / В. Аршавский. – Рига : Пед. центр «Эксперимент», 2001.
2. **Брагина, Н. Н.** Функциональные асимметрии человека / Н. Н. Брагина, Т. А. Доброхотова. – М. : Медицина, 1981.
3. **Доброхотова, Т. А.** Принципы симметрии-асимметрии в изучении сознания человека / Т. А. Доброхотова, Н. Н. Брагина // Вопросы философии. – 1986. – № 7.
4. **Щекин, Г. В.** Асимметрия мозга и психологические особенности человека / Г. В. Щекин. – Киев : Межрегион. заочн. универс. управл. перс., 1992.
5. Психология и психоанализ характера. Хрестоматия по психологии и типологии характеров. – Самара : Издательский дом «БАХРАХ-М», 2000.
6. **Хон, Р. Л.** Педагогическая психология: принципы обучения : учеб. пособие для высшей школы / Р. Л. Хон. – М. : Академический проект: Культура, 2005.
7. **Поспелов, Д. А.** Фантазия или наука: на пути к искусственному интеллекту / Д. А. Поспелов. – М. : Наука, 1982.
8. **Владимирский, Б. М.** Компьютерные учебники: анализ конструкции и психофизиологические требования информатики / Б. М. Владимирский // Компьютерные инструменты в образовании. – 2000. – № 1.
9. **Гильберт, Д.** Основания геометрии / Д. Гильберт. – Л. : Сеятель, 1923.
10. **Попов, Н. И.** Руководство к решению задач по теории вероятностей и математической статистике для психологов : учеб. пособие / Н. И. Попов. – Йошкар-Ола : Марийск. гос. ун-т, 2006.

Попов Николай Иванович
кандидат физико-математических наук, доцент, декан физико-математического факультета, Марийский государственный университет (Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола)

E-mail: popovnikolay@yandex.ru

Popov Nikolay Ivanovich
Candidate of physical and mathematical sciences, associate professor, dean of the faculty of physics and mathematics, Mari State University (Republic of Mari El, Yoshkar-Ola)

Токтарова Вера Ивановна
кандидат педагогических наук, заместитель декана физико-математического факультета, Марийский государственный университет (Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола)

E-mail: toktarova@yandex.ru

Toktarova Vera Ivanovna
Candidate of pedagogic sciences, deputy dean of the faculty of physics and mathematics, Mari State University (Republic of Mari El, Yoshkar-Ola)

УДК 378

Попов, Н. И.

Функциональные асимметрии человека и психолого-педагогические особенности усвоения математической информации / Н. И. Попов, В. И. Токтарова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 139–146.

УДК 51:371.383

Н. В. Наземнова

АНАЛОГИЯ В ОБУЧЕНИИ УЧАЩИХСЯ ПРИЕМАМ РАСПОЗНАВАНИЯ ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

Аннотация. При решении задач посредством аналогии старшеклассники овладевают умениями формулировать некоторые обобщенные задачи, осваивают приемы познавательной самостоятельной деятельности, и, следовательно, у них формируются действия по распознаванию образа на уроках геометрии в старших классах.

Ключевые слова: аналогия, распознавание, образ, геометрия.

Abstract. Solving problems by means of analogy senior pupils get their skills to formulate general problems and master the methods of cognitive activity. Therefore they are forming their activities to recognize the image on geometry lessons in senior forms.

Keywords: analogy, recognition, to recognize, image, geometry.

Важным компонентом становления учащихся как личности является метод формирования у них действия по распознаванию образа. Образ – это результат и идеальная форма отражения предметов и явлений реального мира в сознании человека. Распознавание образа осуществляют через ощущения, которые являются результатом воздействия данного объекта на органы чувств через восприятие, как непосредственное чувственное отражение действительности в сознании, через представление как воспроизведение в сознании ранее изученного, через суждение как форму мышления, представляющую собой сочетание понятий, из которых одно определяет и раскрывает содержание другого, через умозаключения как вывод из каких-нибудь суждений.

К основным методам формирования действия по распознаванию образа относятся: аналогия, сравнение, обобщение, конкретизация. Аналогия как метод формирования действия по распознаванию образа характеризуется тем, что из сходства двух объектов в нескольких признаках и при наличии у одного из них дополнительного признака делается вывод о наличии такого же признака у другого объекта. Вывод по аналогии является предположительным и подлежит последующему обоснованию. Аналогию как метод обучения можно использовать на этапе введения нового понятия и прогнозирования его свойств, а также способов при обучении решению задач, доказательству теорем.

В процессе обучения математике учителю следует приобщать учащихся к самостоятельному проведению умозаключений по аналогии. Применение аналогии является одним из эффективных приемов, способствующих формированию действия по распознаванию образа у учащихся. Этот метод приобщает детей к такому виду деятельности, который называют исследовательским. Кроме того, широкое применение аналогии дает возможность более легкого и прочного усвоения школьниками учебного материала, так как часто обеспечивает мысленный перенос определенной системы знаний и умений от неизвестного объекта к известному. Необходимо широкое и систематическое использование аналогии как приема обучения математике, что неоднократно подтверждалось методистами В. А. Гусевым, М. И. Зайкиным, С. Н. Дорофеевым, О. В. Мантуровым, В. А. Селютиным.

Термин «аналогия» происходит от греческого *analojia* – соответствие, соразмерность. У древних математиков он применялся к отношению между числами. Так, Аристотель дает такое определение аналогии: «…под аналогией я разумею тот случай, когда второе относится к первому так же, как четвертое к третьему. Однако здесь следует заметить, что аналогия у Аристотеля носит значительно более общий характер, чем равенство числовых отношений. Говоря о применении аналогии в обучении школьников математическим методам распознавания геометрических образов, можно выделить аналогию: 1) в изучении десятичных дробей и натуральных чисел; 2) между свойствами алгебраических дробей и обыкновенных дробей; 3) между свойствами геометрической и арифметической прогрессий; 4) в изучении свойств фигур на плоскости и свойств фигур в пространстве, например в изучении треугольника и тетраэдра, параллелограмма и параллелепипеда, прямоугольника и прямоугольного параллелепипеда и т.п. Следует отметить, что такое представление о роли аналогии в обучении математике сильно ограничивает ее возможности, особенно применение аналогии в контексте обучения учащихся решению задач. Так, решение одной задачи может быть использовано в решении другой задачи, аналогичной первой, т.е. имеющей с первой сходные условия или заключения. Для этого каждый шаг решения одной задачи «переносится» на решение другой, т.е. конструируется по аналогии с каждым шагом решения одной задачи каждый шаг решения другой, ей аналогичной.

Школьные учебники математики, алгебры и геометрии имеют широкие возможности для формирования приема аналогии в изучении математики.

Рассмотрим несколько задач, позволяющих описать общую характеристику приема аналогии и выделить действия, его составляющие.

В качестве примеров приведем формулировки двух задач на доказательство:

1. Докажите, что медианы треугольника пересекаются в одной точке и в точке их пересечения делятся в отношении 2:1, считая от вершины.

2. Докажите, что медианы тетраэдра пересекаются в одной точке и в точке их пересечения делятся в отношении 3:1, считая от вершины.

Рассуждения в доказательствах приведенных задач 1 и 2 опираются на аналогию между треугольником и тетраэдром.

Обычно, когда говорят об аналогии в различной методической литературе, ее связывают с фигурами на плоскости и пространстве, между тем аналогия широко может применяться не только при решении задач на доказательство, вычисление или построение, но и при изучении свойств геометрических фигур.

Например, изучение свойств параллелепипеда значительно облегчается, если использовать следующие аналогии с параллелограммом:

1. Квадрат диагонали прямоугольника равен сумме квадратов двух его измерений	1. Квадрат диагонали прямоугольного параллелепипеда равен сумме квадратов трех измерений
2. Диагонали прямоугольника равны	2. Диагонали прямоугольного параллелепипеда равны
3. Противоположные стороны параллелограмма суть равные отрезки	3. Противоположные грани параллелепипеда суть равные параллелограммы

4. Диагонали параллелограмма в точке их пересечения делятся пополам	4. Диагонали параллелепипеда в точке их пересечения делятся пополам
5. Противоположные углы параллелограмма равны и т.д.	5. Противоположные двугранные углы параллелепипеда равны. Противоположные трехгранные углы параллелепипеда не равны и т.д.

Использование аналогии при решении стереометрических задач значительно упрощает поиск плана решения, ведь чертеж к стереометрической задаче, в отличие от чертежа к планиметрической задаче, меньше помогает в осознании задачной ситуации. Убедимся в этом на примере задачи: в данный шаровой сектор впишите куб так, чтобы четыре его вершины находились на сфере, а другие четыре – на конической поверхности. Другое дело – ее аналог: в данный сектор впишите квадрат так, чтобы две его вершины находились на окружности, а другие две – на прямых, содержащих образующие сектора. Анализ задачи-аналога приводит к способу ее решения – использование гомотетии с центром в вершине сектора. Остается провести аналогичные рассуждения в контексте данной задачи, при этом надобности в чертеже уже нет. Анализируя деятельность по применению приема аналогии в различных задачных ситуациях, дадим его общую характеристику.

Характеристика приема: перенесение некоторого знания, полученного из рассмотрения какого-либо объекта, на другой объект, т.е. если у объектов *A* и *B* некоторые признаки (отношения) одинаковы, и объект *A*, кроме того, обладает еще одним признаком (отношением), то делают вывод о том, что объект *B* обладает этим признаком (отношением).

Необходимо отметить, что вывод по аналогии может быть истинным и ложным.

Пример

Площадь любого треугольника выражается формулой Герона

$$S = \sqrt{p \cdot (p-a) \cdot (p-b) \cdot (p-c)}\ .$$

Изыскивая формулы для вычисления площади четырехугольников, мы можем задаться вопросом: верна ли аналогичная формула для четырехугольника?

Исследование этого вопроса показывает, что для четырехугольников, вписанных в окружность (и только для них!), справедлива следующая формула для вычисления площади:

$$S = \sqrt{(p-a) \cdot (p-b) \cdot (p-c) \cdot (p-d)}\ .$$

Оказалось, что здесь полная аналогия не имеет места.

Отправляясь далее от обнаруженной аналогии в формулах, можно выяснить причину этой аналогии: существует связь между треугольником (многоугольником, который всегда можно вписать в окружность) и четырехугольником (не всяким, а только таким, который можно вписать в окружность).

Итак, существенным признаком, объединяющим треугольник и четырехугольник (в смысле общности формулы Герона), является возможность вписать их в окружность.

Однако аналогия имеет большое значение для дальнейших исследований возможных объективных связей, помогает объяснить в какой-то мере ис-

комые свойства и признаки, наводит на догадки, правильность или ошибочность которых проверяется доказательством.

Полезны специально подобранные упражнения в применении метода аналогии. Применение аналогии распадается на следующие действия: а) построение аналогов различных заданных объектов и отношений; б) нахождение соответствующих элементов в аналогичных предложениях; в) составление предложений или задач по аналогичным данным; г) проведение рассуждений по аналогии.

В школьном курсе геометрии абсолютное большинство стереометрических фактов излагается без установления внутрипредметных связей с аналогичными планиметрическими фактами. Это есть следствие линейного построения курса геометрии. Целесообразно же на основе линейно концентрической организации курса увязать эти плоскостные и пространственные темы. Сейчас школьные учебники по геометрии ориентированы на аксиоматическое и силлогистическое изложение. Целесообразна трансформация линейного построения содержания школьного курса геометрии в линейно-концентрическое, что дает возможность проводить глубокие сравнения, широкое обобщение, выдвигать гипотезы и предположения, переносить знания, умения и навыки в новую ситуацию, переосмысливать с новых, более общих позиций, уже ранее изученный материал. Большую роль при этом будут играть аналогии, интуитивные рассуждения, позволяющие приобщить учащихся к исследовательской деятельности. Наряду с полезной ролью, которую играет формирование действия по распознаванию образа, они же могут приводить отдельных учащихся, которые не усвоили или формально усвоили учебный материал, к грубым ошибкам.

Так, учитель, рассматривая вопрос об окружностях, вписанных в четырехугольник, предлагает учащимся сделать предположение: всегда ли возможно в четырехугольник вписать окружность?

Найдутся учащиеся, которые по аналогии с треугольником сделают поспешное умозаключение: «В четырехугольник всегда можно вписать окружность».

Практически установив, что в некоторые четырехугольники невозможно вписать окружность, учитель далее выясняет, в какие четырехугольники можно вписать окружность, т.е. переходит к доказательству теоремы о признаках описанного четырехугольника.

Необходимо требовать от учащихся постоянно обосновывать выполняемые математические операции с ссылками на определение, теоремы, формулы, чтобы добиваться сознательного и прочного усвоения материала. При решении упражнений необходимо руководствоваться принципом «Сначала правило, потом действие. Без правила нет действия!». В процессе преподавания надо не только подчеркивать истинные аналогии, но и отличать ложные, разрушать их с целью предупреждения возможных ошибок. Насколько важна аналогия в математике, можно судить по следующему высказыванию известного польского математика Стефана Банаха: «Математик – это тот, кто умеет находить аналогии между утверждениями; лучший математик – тот, кто замечает аналогии теорий; но можно себе представить и такого, кто между аналогиями видит аналогии». Таким образом, умозаключения по аналогии являются умозаключениями вероятности. Для того чтобы выяснить достоверность или ложность вывода по аналогии, необходимо дополнительно исследовать этот вывод.

Умозаключение по аналогии рассматривается в единстве с процессом доказательства его истинности. Здесь в теснейшем переплетении и во взаимосвязи встречается индукция и дедукция. В умозаключении по аналогии прежде всего используется **индукция**, ибо переход от первого предмета ко второму (от треугольника к тетраэдру, от окружности к сфере) состоит в установлении связей между частными свойствами. В то же время умозаключение по аналогии тесно связано с дедукцией, ибо истинность вывода по аналогии устанавливается **дедуктивным доказательством**. При использовании аналогии совершается сложный мыслительный процесс, в котором применяются в единстве приемы **анализа и синтеза**.

Пример

а) Какой из всех прямоугольников, вписанных в данный треугольник, имеет наибольшую площадь? (Основание прямоугольника находится на основании треугольника, а две вершины его на боковых сторонах треугольника.)	б) Какая из всех прямых треугольных призм, вписанных в данных тетраэдр, имеет наибольший объем? (Три вершины призмы расположены на боковых ребрах тетраэдра, а основание призмы находится на основании тетраэдра.)

Решение: (б) Проведем высоту тетраэдра $AA'' = h$ (рис. 1).

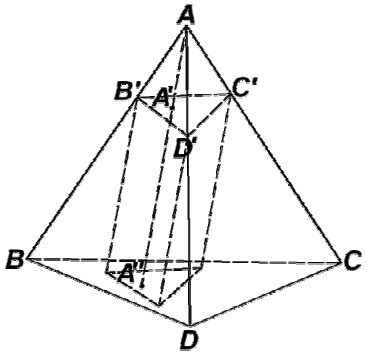

Рис. 1

Пусть $A'A'' = x$ – высота призмы.
Тогда

$$\frac{S_{B'C'D'}}{S_{BCD}} = \frac{(AA')^2}{(AA'')^2} = \frac{(h-x)^2}{h^2}.$$

Найдем объем призмы:

$$V_1 = x \cdot S_{B'C'D'} = x \cdot \frac{(h-x)^2}{h^2} \cdot S_{BCD}.$$

Это выражение представим так:

$$V_1 = \frac{1}{2h^2} \cdot S_{BCD} \cdot \left[2x(h-x)(h-x)\right].$$

Сумма переменных множителей, заключенных в скобки, постоянна:

$$2x + (h - x) + (h - x) = 2.$$

Поэтому, согласно известной теореме, произведение будет максимальным при равенстве множителей:

$$2x = h - x; \; x = \frac{h}{3}.$$

Итак, наибольшим объемом обладает призма, имеющая основание – треугольное сечение тетраэдра на высоте от основания тетраэдра.

Подставим значение x в выражение для объема призмы, получаем

$$V_1 = \frac{1}{2h^2} \cdot S_{BCD} \cdot \frac{8h^3}{27}; \; V_1 = \frac{4}{27} \cdot h \cdot S_{BCD}.$$

Учитывая, что объем тетраэдра $ABCD$ равен

$$V = \frac{1}{3} \cdot h \cdot S_{BCD},$$

получаем

$$V_1 = \frac{4}{9} \cdot V.$$

Итак, в статье представлен достаточный материал об аналогии как методе формирования действия по распознаванию образа в геометрии старших классов. Рассматриваются задачи, позволяющие описать общую характеристику приема аналогии и выделить действия, его составляющие.

Список литературы

1. **Далингер, В. Л.** Об аналогиях в планиметрии и стереометрии / В. Л. Далингер // Математика в школе. – 1995. – № 6. – С. 16–21.
2. **Доровеев, Г. В.** О составлении циклов взаимосвязанных задач / Г. В. Доровеев // Математика в школе. – 1998. – № 6. – С. 34–35.
3. **Дорофеев, С. Н.** Основы подготовки будущих учителей математики к творческой деятельности : моногр. / С. Н. Дорофеев. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2002. – 218 с.

Наземнова Наталья Владимировна
кандидат педагогических наук, старший преподаватель, кафедра высшей и прикладной математики, Пензенский государственный университет

Nazemnova Natalya Vladimirovna
Candidate of pedagogic sciences, senior lecturer, sub-department of higher and applied mathematics, Penza State University

E-mail: math@pnzgu.ru

УДК 51:371.383

Наземнова, Н. В.

Аналогия в обучении учащихся приемам распознавания геометрических образов / Н. В. Наземнова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 147–152.

УДК 371.2

Т. Г. Ивошина, Л. В. Шварева

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ КАК ИСТОЧНИК САМОИЗМЕНЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы формирования ученика как субъекта учебной деятельности. Предметом внимания в первую очередь являются педагогические условия, способствующие формированию учебной самостоятельности школьников в образовательном процессе.

Ключевые слова: педагогические условия, формирование, субъект учебной деятельности, учебная самостоятельность.

Abstract. This article is focused on the problems of student formation as a person of school activity. Also there is a subject dealing with pedagogical requirements promoting formation of school self-dependence in educational process.

Keywords: pedagogical requirements, formation, a person of school activity, school self-dependence.

В целях определения путей решения проблем формирования учебной самостоятельности школьников нам необходимо провести специальный анализ психолого-педагогических механизмов становления субъекта учебной деятельности. Важность такой задачи определяется также установками концепции модернизации российского образования (период до 2020 г.) на развитие у школьников способности самостоятельно создавать средства и способы достижения своих целей, строить и преобразовывать собственную жизнедеятельность, быть ее подлинным субъектом [1]. По заключению ряда ученых, «именно эта способность позволяет человеку самоопределяться в жизненном мире, включаться в существующие и творить новые виды деятельности и формы общения с другими людьми» [2]. Поэтому проведенные соответствующие исследования требуют изменения и уточнения наших представлений о субъекте учебной деятельности и о его сознании.

Понимание человека как субъекта учебной деятельности вообще традиционно для отечественной науки, несмотря на десятилетия «обезличивания» психологии, когда приоритет отдавался изучению индивидных качеств и познавательных психических процессов человека. В советской психологии проблема субъекта, хотя и не была доминирующей, однако всегда рассматривалась как важная методологическая проблема в трудах Б. Г. Ананьева, К. А. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинского [3–5].

Истоки разработки понятия «субъект учения» намечены еще в трудах Н. А. Менчинской. Последние соображения состоят в следующем. Понятия «человек», «личность», «индивидуальность» должны остаться в том контексте, в тех парадигмах, в которых они существуют. Для понятия субъекта в нашей науке необходимо найти ту парадигму, в которой оно может функционировать, иметь свое содержание и разрабатываться далее. Та особая активность, которую мы называем субъектной, не совпадает с личностной, хотя и связана с ней [6, с. 47].

Изучение становления ребенка как субъекта учебной деятельности, способного и склонного к самостоятельному изменению своих знаний и умений, велось в нескольких направлениях.

В рамках культурно-исторического подхода (Л. С. Выготский, Л. И. Божович, Д. И. Фельдштейн и др.) ребенок выступал как субъект жизнедеятельности и развития. Это подтверждается тем, что в центре изучения всегда стояли потребности ребенка, его активность, взаимодействие с окружающими.

Среди многообразия подходов к определению понятия субъекта С. Л. Рубинштейн предполагает выделение следующих субъектных характеристик:

– субъект предполагает объект;

– субъект общественен по форме (средствам, способам) своего действования (познавательного или практического);

– общественный субъект имеет и конкретную индивидуальную форму реализации; коллективный субъект представлен в каждом индивиде, и наоборот;

– сознательно регулируемая деятельность всегда субъектна, в ней субъект и формируется сам;

– субъект индивидуальной деятельности – сознательно действующее лицо;

– субъектность определяется в системе отношений с другими людьми, это активность, это пристрастность;

– субъектность есть неразложимая целостность общения, деятельности, самосознания и бытия;

– субъектность есть динамичное начало, становящееся и исчезающее, не существующее вне самого взаимодействия (межличностного, социального, деятельностного);

– субъектность есть категория интерпсихологическая [7].

Все эти характеристики в явной или свернутой форме проявляются в субъектах образовательного процесса. Педагог и ученик вместе представляют совокупный субъект образовательного процесса. Специфика субъекта образовательного процесса отражает формирование субъекта в системе его отношений с другими. Каждый индивидуальный субъект включен одновременно в разные коллективные субъекты.

При этом теоретики образования отмечают, что открытие себя как субъекта впервые происходит в учебной деятельности, где «становление человека как субъекта приобретает осознанный и целенаправленный характер» [8, с. 39].

Научные позиции А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина, П. Я. Гальперина, С. Л. Рубинштейна также не представляют «деятельность как бессубъектную. Ведь она принадлежит именно ему, субъекту, выражая его свободную волю, целесообразные устремления и креативный потенциал, его способность со знанием и со смыслом относиться к реальному миру, активным началом в котором является он сам» [9, с. 60].

Согласно В. Я. Ляудису, формирование учебной деятельности – это прежде всего «процесс формирования субъекта этой деятельности – это проблема развития личности как субъекта этой деятельности» [10, с. 103]. По мысли Д. Б. Эльконина «учебная деятельность – деятельность по самоизменению». В ней ребенок сознательно ставит цели и задачи самоизменения и творчески достигает их. Организовать ее – основная и наиболее сложная методическая задача учителя. Поэтому в понимании учебной деятельности заложен ее субъективный характер [11, с. 245].

Позиция школьника, по словам Б. Д. Эльконина, не просто позиция ученика, посещающего школу и аккуратно выполняющего предписания учителя и домашние уроки, а позиция человека, совершенствующего самого себя [12, с. 65]. В исследованиях В. В. Репкина было показано, что деятельность имеет место только в том случае, «если ребенок является субъектом, действующим осознанно и ответственно, а значит – свободно. Он делает не потому, что учитель так сказал, а потому, что ему это надо. Следовательно, понятия «учение» и «учебная деятельность» не совпадают» [8].

Однако термин «субъект деятельности» в массовом употреблении обозначает носителя некоторой активности, что далеко не тождественно понятию «субъектность», способности самостоятельно строить свое поведение и (или) образование [13]. Следовательно, для правильного построения педагогического процесса принципиальное значение имеет выяснение условий, при которых у обучающихся возникают познавательная потребность, желание активно работать, самостоятельно действовать. В связи с этим ученые подчеркивают значимость совместно организованных действий для нормального развития детей (А. А. Бодалев, В. В. Давыдов, Д. Б. Эльконин, Х. И. Лийметс, В. В. Репкин, Г. А. Цукерман).

Важную роль характера взаимодействия в учебном процессе отмечает Н. Ф. Виноградова. Она подчеркивает, что учебную деятельность нельзя считать синонимом учения и обучения, которые включены в любые виды деятельности (игра, коммуникация, труд и др.), так как главным ее дидактическим достоинством является изменение характера взаимоотношений обучаемого и обучающего, где «качество (и по большому счету смысл) учения определяется особенностями учебного делового сотрудничества» [14].

Так, согласно ее мнению, репродуктивное сотрудничество приводит к приобретению, расширению, запоминанию предъявляемой информации. Сотрудничество, построенное на поиске и исследовании, обеспечивает развитие таких мыслительных операций, как сравнение, анализ, обобщение, формирует основы теоретического мышления; обеспечивает процесс интериоризации знаний. Творческий характер сотрудничества приводит к получению эффекта и импровизации, развитию самостоятельности и инициативности, творческого осмысления учебной задачи.

В деятельностной теории первичной признается коллективная форма деятельности, конкретизируется, что на основе совместной деятельности возникает индивидуальная деятельность многих субъектов.

В связи с этим В. В. Давыдов и В. В. Рубцов (1995) отмечают, что воспроизведение индивидом общественно заданных образцов действия происходит в форме сотрудничества и взаимного общения при осуществлении общезначимой деятельности [13].

С точки зрения Г. А. Цукерман, встреча учителя и ученика – не сентиментальное событие, достойное лишь умиления. Построение места этой встречи – едва ли не главное в труде педагога. «Но где это место можно обнаружить (расчистить от мусора) в плотной ткани школьной жизни? Часто в триаде «ученик, учебный предмет, учитель» последний выступает на стороне предмета. Двое на одного – это многовато (да еще и родителей зовут на помощь). И дело даже не в молодости (или слабости) ученика… Дело в том, что учитель и предмет противостоят ученику, порой, как пока еще чуждые ему силы. Значительно полезнее и эффективнее, не говоря уж о человечности,

иная позиция… Есть два субъекта знания, между которыми происходит диалог, разговор (договор, уговор)… «Обыгранный» в совместном разговоре (в действии) предмет становится достоянием ученика и его союзником. Знание предмета становится его функциональным органом…» [15, с. 117].

Однако, по мнению Г. А. Цукерман, без обучения детей самим способам взаимодействия «учебная форма сотрудничества вырождается во внеучебные» [15, с. 117].

Ш. А. Амонашвили в своей работе проводит мысль о необходимости создания благоприятных условий для развития детей. Он объясняет причину появления конфликта между двумя субъектами образования несовпадением стремлений школьника и целей педагога. По его мнению, над школьником довлеют актуальные потребности: то, что ему хочется сделать в данный момент, кажется ему справедливым, и он вправе сразу же реализовать свою потребность. Но у педагога свои намерения в связи с обучением и воспитанием ребенка, и он считает себя обязанным незамедлительно выполнять их. Эти намерения, зафиксированные в учебно-воспитательных программах, учебниках, гарантируют отдаленное будущее ребенка. Таким образом, педагог, руководствуясь благими намерениями будущего, приступает к воспитанию и обучению школьника. Однако школьник, подчиняясь своим сиюминутным потребностям, ухитряется ускользнуть из-под влияния педагога. Вот и возникает конфликтная ситуация: дети не хотят обучаться и воспитываться, а педагоги не могут отложить эти процессы на потом. Как быть?

Ответом на поставленный вопрос служат положения теории учебной деятельности, разработанные в трудах Д. Б. Эльконина (1971, 1998) и В. В. Давыдова (1986, 1996). Исходным определяется тезис о том, что учебная деятельность формирует у учащихся сами процессы возникновения и развития основных способов воспроизводящей деятельности – «умения учиться» и мыслить самостоятельно. Учитывая сказанное, В. В. Репкин отмечает необходимость организации условий, при которых учитель и ученик действуют вместе, решая одну задачу; «учитель не учит в прямом смысле этого слова, а организует обстоятельства, в которых ученик должен использовать все совместные «наработки» и далее осуществить самостоятельный поиск». Автор специально отмечает, что партнером учителя является не ученик, а учащийся. «Это «ся» в своей первозданной функции – учащий себя. Не учитель учит ученика, а ученик – сам себя. А миссия учителя заключается только в одном – помочь ему учить себя» [8].

Решение проблемы Г. А. Цукерман видит выполнимой через заповедь «не вреди». По ее мнению, воспитание ученика, способного к самоопределению и самоизменению возможно при построении такой образовательной среды, которая распахивает перед растущими людьми веер равнодостойных направлений самоизменения, а не зомбирует один, единственно верный, «научно обоснованный» путь, который лишь для некоторых окажется подлинным, собственным [16].

В диссертационном исследовании В. К. Буряк отмечается, что при изложении учителем нового материала, когда учащиеся получают информацию преимущественно в готовом виде, степень их активности в мыслительной работе невелика. Поэтому у учеников далеко не всегда возникает потребность в приобретении новых знаний и в обосновании способов их использования. У них не вырабатываются навыки учебного труда творческого характера, не

стимулируется стремление к поискам, изобретательству, рационализаторству. Высокий уровень креативности школьников проявляется в умении самостоятельно находить в окружающей жизни проблему, строить план ее решения и осуществлять его. Учащиеся способны не только решать субъективно новые, т.е. новые только для них, познавательные задачи, но и добывать объективно новые, еще неизвестные науке знания. Они могут включаться в настоящую научно-исследовательскую, рационализаторскую, конструкторско-изобретательскую деятельность, имеющую не только учебное, но и научно-практическое значение. Включаясь в поисковую ситуацию, ученик приучается видеть диалектику изучаемого курса, перспективу предстоящих занятий. Благодаря этому он чаще прибегает к собственным соображениям, использует фантазию, выдвигает самостоятельные гипотезы [17].

Прежде всего, по мнению В. П. Зинченко, в ситуации педагогического общения необходимо отойти от неправомерного вопроса: кто в ней главный, кто ведущий? Какова позиция педагога, помогающего человеку приобретать живое знание, т.е. строить свой собственный образ мира и своего места в нем? В. П. Зинченко выделяет две противоположные педагогические позиции: «При формирующей (эгоцентрической) позиции педагог «вчитывает», «вписывает» себя в ученика, при личностно-ориентированной (эксцентрической) – вычитывает из ученика и принимает его в себя» [18, с. 17].

В контексте такого анализа учебная деятельность должна определять тот тип учебного взаимодействия, который может быть признан ведущим для психического развития личности. Взаимодействие и сотрудничество предполагают наиболее высокий уровень активности личности, как учителя, так и ученика, богатство и разнообразие их взаимосвязей, отношений, порождаемых процессом достижения целей совместной учебной деятельности. Специфика такого образовательного процесса в реципрокности (взаимодополняемости, взаимоосуществляемости) этих двух линий: развитие ученика предполагает постоянное саморазвитие педагога, которое есть условие развития ученика.

Некоторые ученые обращают внимание не только на способ взаимодействия учителя с учащимися, но и учащимися между собой [19]. Исследование сотрудничества школьников в учебной деятельности демонстрирует, что ученики начинают комфортнее чувствовать себя в школе, меняется характер их взаимоотношений. Одновременно они приобретают способность адекватно оценивать свои и чужие возможности, умение строить свое поведение с учетом позиций других людей. Именно поэтому в педагогической практике одна из центральных задач учителя – организация сотрудничества детей. Однако, по мнению Г. А. Цукерман, без обучения детей самим способам взаимодействия «учебная форма сотрудничества вырождается во внеучебные». Для построения форм учебного сотрудничества, по мнению Г. А. Цукерман, необходима педагогическая работа в трех направлениях:

1) сотрудничество со взрослым в ходе решения задач, блокирующих репродуктивный способ действий и побуждающих к поиску новых способов действия и взаимодействия;

2) сотрудничество со сверстниками, требующее координации предметных позиций участников совместной работы;

3) сотрудничество с самим собой – фиксирование, анализ и оценка изменения своей точки зрения в ходе приобретения знаний [15].

В ряде работ Г. А. Цукерман (1983, 1992, 1996) проводится мысль о влиянии сотрудничества на процесс формирования субъекта учебной деятельности. Кооперация со сверстниками оказывается промежуточным звеном между этапом совместного действия со взрослым и самостоятельным действием ребенка.

Соглашаясь с позициями авторов, мы признаем, что усвоение с точки зрения деятельностного подхода предполагает определенную степень самостоятельности и инициативности (т.е. субъектности) ребенка, который первоначально может усвоить нечто новое только в совместной деятельности со взрослым и сверстниками. Поэтому важная роль в формировании учебной самостоятельности школьников принадлежит педагогу, владеющему технологией поэтапного формирования учебной самостоятельности. Подобная технология представлена в системе развивающего обучения. Необходимо иметь в виду, что, в отличие от традиционного обучения, в развивающем обучении одна из важнейших задач учителя – способствовать процессу самостоятельного выделения учеником принципов функционирования изучаемого объекта [20, с. 155].

В исследованиях, проводимых под руководством В. Т. Кудрявцева, было показано, что отсутствие актуально проживаемой ребенком перспективы развития, переживания школьного «бытия» как со-бытия (термин В. И. Слободчикова) во всей его полноте и уникальности постепенно «компенсируется» ужесточением классной дисциплины, контроля со стороны учителя, диктатом отметки, формализацией школьных процедур и т.д.). Потому и стремление учиться часто пропадает не в начале подросткового возраста, что психологически закономерно, а уже в младшем школьном. Уходит, так и не родившись, смысл учения. Не рождается и его субъект [21, с. 31].

В. Я. Ляудис ведет линию, заданную В. Т. Кудрявцевым. Он заключает, что организация процесса усвоения в традиционной системе образования узаконила преимущественно один тип учебного взаимодействия в качестве ведущего. Это такое взаимодействие, где резко разведены и поляризованы позиции учителя и ученика. Активность последнего регламентируется в узких рамках имитации действий учителя, подражания задаваемым образцам. Учебное взаимодействие по типу имитации порождает и соответствующую форму усвоения опыта – репродуктивную, которая характерна для всех этапов обучения – от начального до конечного [10].

А. Г. Асмолов, анализируя подходы к разработке стандартов в истории образования, пишет о том, что репродуктивный характер взаимодействия прочно вошел в отношения учащихся и учителей. Он приводит в качестве примера систему Я. А. Коменского, где школа была придумана как фабрика усредненного ученика и урок – как дискретная форма передачи знаний. «Учитель как лектор передает знания, ученик воспринимает. Учитель сверху, ребенок внизу. И этот ком катится, и это до сих пор, то есть еще одна система отношений» [22].

Следует признать то обстоятельство, что определенная система межличностных отношений, в которую включена учебная деятельность, сообщает учению те или иные объективные характеристики, детерминирует определенные возможности и границы порождения психических новообразований в процессе учения. «Образование – это ведь совершающееся посредством обучения и воспитания формирование субъекта» [7].

Субъект есть источник активности, источник деятельности. Деятельность – это способ существования субъекта, и ни в какой иной форме, кроме деятельности, он не существует. Таким образом, субъект есть осуществленная форма существования деятельности, потенциальная деятельность. Понятие деятельности и субъекта теснейшим образом взаимосвязаны [8].

Итак, проблема становления самостоятельной личности (или субъекта) сложна и требует дополнительных исследований. Мы принимаем, что учебная самостоятельность формируется только в деятельности, если ребенок является субъектом собственной деятельности, собственной учебной деятельности. Однако необходимость формирования учебной самостоятельности как источника самоизменения школьника в свою очередь требует, во-первых, осознания педагогами, да и отдельным учеником, ее общей значимости, а во-вторых, определенной соответствующей трансформации системы образования. Для становления школьника как субъекта деятельности необходимы специальные педагогические условия, которые потребуют изменения содержания учебной программы, пересмотра подходов к преподаванию и подготовки квалифицированных педагогов, владеющих технологией формирования учебной самостоятельности школьников.

Список литературы

1. URL: http://pedsovet.org/content/view/5054/249/
2. **Слободчиков, В. И.** Генезис рефлексивного сознания в младшем школьном возрасте / В. И. Слободчиков, Г. А. Цукерман // Вопросы психологии. – 1990. – № 3. – С. 25–35.
3. **Абульханова-Славская, К. А.** О субъекте психической деятельности / К. А. Абульханова-Славская. – М. : Наука, 1973. – 287 с.
4. **Ананьев, Б. Г.** Избранные психологические труды : в 2 т. / Б. Г. Ананьев. – М. : Педагогика, 1980. – Т. 1. – 232 с.
5. **Брушлинский, А. В.** Проблемы психологии субъекта / А. В. Брушлинский. – М. : ИП РАН, 1994. – 109 с.
6. **Менчинская, Н. А.** Проблемы учения и умственного развития школьника / Н. А. Менчинская // Избранные психологические труды. – М. : Педагогика, 1989.
7. **Рубинштейн, С. Л.** Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М., 1976. – 416 с.
8. **Репкин, В. В.** Развивающее обучение и учебная деятельность / В. В. Репкин. – Рига, 1997.
9. **Ивошина, Т. Г.** Психология подростковой школы: гипотезы и основания / Т. Г. Ивошина. – Пенза : Пенз. гос. технол. академия, 2005.
10. **Ляудис, В. Я.** Структура продуктивного взаимодействия / В. Я. Ляудис. – М., 2007.
11. **Эльконин, Б. Д.** Избранные психологические труды / Б. Д. Эльконин ; под ред. В. В. Давыдова, В. П. Зинченко. – М., 1989.
12. **Эльконин, Б. Д.** Психология обучения младших школьников / Б. Д. Эльконин // Избранные психологические труды. – М., 1989.
13. **Ивошина, Т. Г.** Психологические условия становления форм субъектности в учебной деятельности подростков : автореф. дис. … д-ра псих. наук / Ивошина Т. Г. – М., 2006.
14. **Виноградова, В. Н.** Примерные программы общего образования – путь реализации государственных образовательных стандартов второго поколения / В. Н. Виноградова // Педагогика. – 2009. – № 5.
15. **Цукерман, Г. А.** Обучение, творчество и понимание как синонимы / Г. А. Цукерман // Вопросы психологии. – 1999. – № 2.

16. **Цукерман, Г. А.** От умения сотрудничать к умению учить себя / Г. А. Цукерман // Психологическая наука и образование. – 1996. – № 2. – С. 27–42.
17. **Буряк, В. К.** Формирование исследовательских навыков учащихся : автореф. дис. … канд. пед. наук / Буряк В. К. – М., 1994.
18. **Зинченко, В. П.** Живое знание / В. П. Зинченко. – Самара : Психологическая педагогика, 1997.
19. **Загвязинский, В. И.** Противоречия процесса обучения / В. И. Загвязинский. – Свердловск, 1971.
20. **Кудрявцев, В. Т.** Научная конференция по проблемам РО / В. Т. Кудрявцев // Вопросы психологии. – 2009. – № 1.
21. **Кудрявцев, В. Т.** Субъект деятельности в онтогенезе / В. Т. Кудрявцев, Г. К. Уразалиева // Вопросы психологии. – 2002. – № 2.
22. **Асмолов, А. Г.** Системно-деятельностный подход к разработке стандартов нового поколения / А. Г. Асмолов // Педагогика. – 2009. – № 4. – С. 18–22.

Ивошина Татьяна Георгиевна
доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии, Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского

E-mail: itg_didakt@rambler.ru

Ivoshina Tatyana Georgievna
Doctor of psychology sciences, professor, head of sub-department of psychology, Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky

Шварева Любовь Васильевна
старший преподаватель, кафедра психологии, Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского

E-mail: lvshvareva@gmail.com

Shvareva Lubov Vasilyevna
Senior lecturer, sub-department of psychology, Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky

---

УДК 371.2

Ивошина, Т. Г.

Педагогические условия как источник самоизменения школьников / Т. Г. Ивошина, Л. В. Шварева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 153–160.

УДК 796+372

А. А. Пашин

СТРУКТУРНО-ДИНАМИЧЕСКИЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБЪЕКТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ К ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ

Аннотация. В статье представлен анализ структурно-динамических и типологических характеристик отношения к физической культуре и спорту.

Ключевые слова: физическая культура и спорт, отношение к физической культуре и спорту, типы отношения, параметры и компоненты отношения.

Abstract. In article presents the analysis of the structural-dynamical and typical characteristic of the relation to the physic culture and sport.

Keywords: physic culture and sport, the relation to the physic culture and sport, types of the relation, parameters and components of the relation.

В существующем мире трудно найти какую-либо деятельность, так или иначе не связанную с физической культурой, поскольку каждый субъект деятельности – человек – является носителем ценностей физической культуры (физических и духовных), и они опосредованно или непосредственно отражаются в предметах деятельности. Это в первую очередь относится к оздоровительной деятельности, так как ее цели и содержание, связанные с формированием здоровой, всесторонне развитой личности, совпадают с целью физического воспитания в школе и других учебных заведениях: содействие всестороннему развитию личности посредством формирования физической культуры личности. И оздоровительная деятельность, и деятельность по освоению ценностей физической культуры направлены на преобразование самого человека и в рамках учебных заведений немыслимы вне физического воспитания, представляющего в его современном понимании процесс формирования физической культуры личности или культуры здоровья. Оздоровительные ценности физической культуры так или иначе включают в себя все ее ценностное содержание. Это и ценности интеллектуального характера: знания о средствах и методах физического и духовного совершенствования человека как основы организации здорового образа жизни, и умения и навыки по практической реализации этих знаний, и опыт по формированию потребностей и мотивов ценностного отношения человека к своему здоровью, социально-психологических установок на занятия физкультурно-спортивной деятельностью, и лучшие образцы этой деятельности, отражающие личные и общественные идеалы, и т.д. [1, 2].

В процессе освоения ценностей физической культуры удовлетворяется потребность человека в двигательной активности, осваиваются и совершенствуются нормы и правила личной гигиены, рационального питания, межличностного общения, методики закаливания и саморегуляции, познаются и на своем опыте осознаются законы биологического развития, т.е. идет развитие и совершенствование основных компонентов здорового образа жизни, формируется здоровый стиль жизни.

Все это объясняет выбор физической культуры и спорта в качестве основной сферы деятельности по формированию ценностного отношения к

здоровью и готовности к здоровому образу жизни и обусловливает необходимость исследования субъективного отношения учащихся к этим сферам культуры общества.

Методологической основой исследования субъективного отношения к физической культуре и спорту является концепция субъективных отношений личности, согласно которой действия и поступки человека обусловлены сложившейся у него системой субъективных отношений к объектам и явлениям окружающего мира, обеспечивающей продуктивность какой-либо деятельности [3–5].

В целях исследования нами был разработан тест «Индекс отношения к физической культуре и спорту», который состоит из трех субтестов. В первом, где определяется доминантность отношения к физической культуре и спорту, учащимся предлагалось проранжировать девять инструментальных ценностей, являющихся компонентами здорового образа жизни: «личная гигиена», «физическая культура и спорт», «правильное питание», «способность контролировать свои эмоции (психическая саморегуляция)», «культура общения», «духовность», «распорядок дня», «медицинское обслуживание», «отношения с противоположным полом». Ранг, который получает такая ценность ЗОЖ, как «физическая культура и спорт», является показателем доминантности отношения к ней.

Второй субтест для определения интенсивности отношения к физической культуре и спорту, построенный по принципу альтернативных ответов, представляет собой модификацию теста С. Д. Дерябо, В. А. Ясвина «Индекс отношения к здоровью» и позволяет определить интенсивность отношения к физической культуре и спорту по следующим компонентам: перцептивно-аффективному, когнитивному, практическому и поступочному [6].

Перцептивно-аффективный компонент отражает степень отношения к физической культуре и спорту в эмоциональной сфере, т.е. насколько человек чувствителен к различным событиям в мире спорта, насколько он восприимчив к эстетическим аспектам физической культуры и спорта, способен получать радость от занятий физическими упражнениями и т.д.

Когнитивный компонент показывает, в какой степени проявляется отношение к знаниям в сфере физической культуры и спорта, насколько человека интересуют знания теории и методики физического воспитания и спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры, пассивен или активен он в своих интересах.

Практический компонент измеряет, в какой степени проявляется отношение человека к практическим занятиям физической культурой и спортом, насколько он готов включаться в занятия физическими упражнениями.

Поступочный компонент показывает, насколько человек своими поступками, совершаемыми в соответствии с его отношением к физической культуре и спорту, старается изменить свое окружение, повлиять на отношение окружающих к физической культуре и спорту, привлечь их к занятиям физическими упражнениями.

Показатель интенсивности получается путем суммирования баллов по четырем шкалам. Он показывает, насколько сформировано отношение к физической культуре и спорту, с какой силой оно проявляется.

Третий субтест, предназначенный для определения ведущего типа мотивации в отношении к физической культуре и спорту, является модификаци-

ей теста, разработанного нами для исследования ведущего типа мотивации в отношении к здоровому образу жизни, с выделением тех же типов – эмоционально-эстетического, практического, познавательного и этического (прагматического) [7]. Из 12 пар ответов (варианты А и Б) учащимся предлагалось выбрать наиболее приемлемый для них вариант действия. Предпочитаемый вид деятельности позволяет судить о характере мотивации поведения в сфере физической культуры и спорта.

Всего в исследовании отношения к физической культуре и спорту приняли участие более 900 учащихся общеобразовательных школ г. Пензы. Проанализируем структурно-динамические характеристики субъективного отношения к физической культуре и спорту. Поскольку в оценке субъективного отношения к физической культуре и спорту наибольший интерес представляет такой параметр, как интенсивность, то вначале мы рассмотрели изменения структуры интенсивности отношения в динамике его развития. Для этого из числа обследуемых учащихся 4–11-х классов (n = 922) были выделены три условные группы. В «среднюю» вошли те, чьи показатели интенсивности отношения к физической культуре и спорту находились в интервале $M \pm 1{,}5\sigma$; в группу «фанатов» – те, чьи показатели превышали $M \pm 1{,}5\sigma$; в третью группу вошли те, чьи показатели были ниже, чем $M - 1{,}5\sigma$. Учитывая то, что средний показатель интенсивности отношения к физической культуре и спорту учащихся 4–11-х классов пяти школ г. Пензы, обследованных в 2008–2009 учебном году составил ($M \pm m$) = 44,43 ± 0,338, то в первую (среднюю) группу вошли учащиеся, набравшие от 30 до 50 баллов (n = 701); в группу «фанатов» – те, чей показатель интенсивности ≥ 60 баллов (n = 113); в группу «равнодушных к физической культуре и спорту» вошли учащиеся, набравшие ≤ 29 баллов по шкале интенсивности (n = 108).

Структура компонентов интенсивности отношения к физической культуре и спорту в группах с различным уровнем его развития представлена на рис. 1.

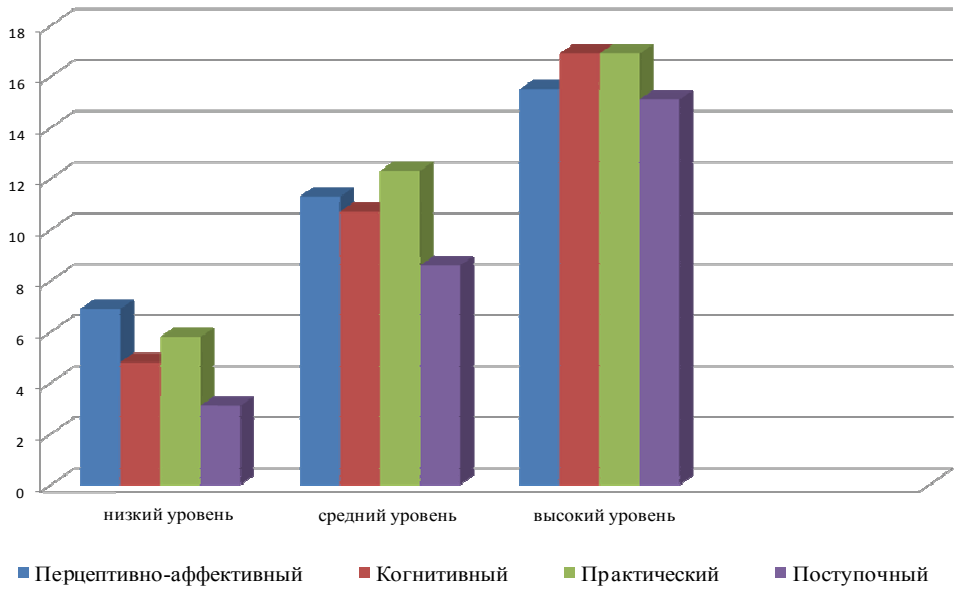

Рис. 1. Структура компонентов интенсивности отношения к физической культуре и спорту в группах с различным уровнем его развития

Как видно из диаграммы, в группе «равнодушных к физической культуре и спорту» максимальный уровень характерен для перцептивно-аффективного (эмоционального) компонента – 6,95. Уровень практического (5,8), когнитивного (4,8) и особенно поступочного (3,1) компонентов значительно ниже.

Таким образом, при низком уровне отношение к физической культуре и спорту носит в основном эмоциональный характер при низкой потребности в практических занятиях, слабой познавательной, организаторской и соревновательной активности.

В группе со средним отношением к физической культуре и спорту максимальное значение имеет уже практический компонент, по сравнению с уровнем предыдущей группы он вырос на 6,5 баллов. На втором месте – перцептивно-аффективный компонент, его прирост – 4,4 балла. Далее следуют познавательный и поступочный компоненты интенсивности, однако их прирост значительно более заметен (соответственно 5,9 и 5,5 баллов). Отношению свойственен практический характер. Когерентность, как и в группе с низким уровнем отношения к физической культуре и спорту, находится на невысоком уровне – 3,7.

В группе «фанатов» структура продолжает качественно изменяться: ведущими становятся когнитивный и практический компоненты, перцептивно-аффективный опускается до третьего места, далее следует поступочный компонент, который наряду с когнитивным при переходе от средней к высокой интенсивности имеет наибольший прирост (6,5 и 6,2 балла соответственно). Структура интенсивности отношения к физической культуре и спорту становится высоко когерентной (k = 1,85), т.е. все компоненты интенсивности хорошо сбалансированы. В группе фанатов отношение начинает носить познавательно-практический характер, проявляющийся не только в практической, но и в организационной пропагандистской деятельности, что позволяет говорить об этическом характере отношения (табл. 1).

Таблица 1

Значения средних показателей компонентов субъективного отношения к физической культуре и спорту в группах с различным уровнем интенсивности этого отношения

Интенсивность, $M \pm m$	Компоненты интенсивности отношения				Когнитивность
	перцептивно-аффективный	когнитивный	практический	поступочный	
Низкая (n = 108) 20,54 ± 0,435	6,93 ± 0,246	4,76 ± 0,286	5,77 ± 0,227	3,08 ± 0,227	3,85
Средняя (n = 701) 42,83 ± 0,174	11,25 ± 0,90	10,68 ± 0,108	12,34 ± 0,084	8,56 ± 0,108	3,78
Высокая (n = 113) 64,40 ± 0,221	15,5 ± 0,092	16,9 ± 0,112	16,9 ± 0,074	15,1 ± 0,166	1,80

Показатели, приведенные в табл. 1, свидетельствуют о том, что при развитии отношения от низкого к высокому уровню качественно меняется его

структура: эмоции постепенно утрачивают свое главенствующее значение, и в характеристике отношения ведущую роль приобретают другие компоненты. Развитие отношения от низкого к среднему уровню детерминируется прежде всего практическим компонентом, а переход от среднего к высокому определяется прежде всего познавательным и поступочным компонентами. При высоком уровне интенсивности отношение носит познавательно-практический характер, ему также присущи интерес, осознание значимости физической культуры и спорта для достижения необходимого уровня физической подготовленности и здоровья, что выражается в агитационной пропагандистской деятельности, т.е. этическом типе деятельности в сфере физической культуры и спорта.

Парные межгрупповые сравнения показали, что различия между средними показателями по соответствующим шкалам в группах с низкой, средней и высокой интенсивностью статистически значимы при $p < 0{,}01$ по t-критерию Стьюдента.

Таким образом при развитии отношения к физической культуре и спорту меняется его качественная структура, увеличивается когерентность компонентов его интенсивности.

Кроме субтеста по интенсивности, тест «Индекс отношения к физической культуре и спорту» включает в себя и субтест по доминантности. Параметр доминантности описывает отношения по оси «значимое – незначимое». Чем большую роль в жизни человека занимает отношение к физической культуре и спорту, тем более высокое место оно занимает в иерархии других отношений, тем более оно доминантно.

Исследование доминантности отношения к физической культуре и спорту у 922 учащихся 4–11-х классов выявило положительную динамику этого показателя по мере увеличения интенсивности отношения. В группе с низкой интенсивностью отношения к физической культуре и спорту показатель доминантности составил $4{,}61 \pm 0{,}113$, в группе со средней интенсивностью – $7{,}07 \pm 0{,}048$, в группе с высокой интенсивностью – $8{,}45 \pm 0{,}073$. Все межгрупповые различия статистически достоверны при $p < 0{,}01$ по t-критерию Стьюдента. Следует отметить однонаправленность динамики параметров доминантности и интенсивности отношения к физической культуре и спорту, что свидетельствует о возрастании роли сознательной регуляции по мере его развития.

В возрастной динамике соотношение процентных показателей количества подростков с высоким и низким уровнем интенсивности представлено на рис. 2.

Как видно из графика на рис. 2, с 4-го по 6-й класс, а также в 10–11-х классах количество детей с высоким уровнем интенсивности отношения к физической культуре и спорту превышает количество школьников с низким уровнем, и обратный характер соотношения наблюдается в 7–9-х классах.

Не трудно предположить, что наиболее высокая интенсивность отношения к физической культуре и спорту – у подростков 4–6-х классов и у юношей и девушек – выпускников школы. Очевидно, что в 7-х и 9-х классах будут отмечены минимальные значения интенсивности, поскольку в этом возрасте более всего школьников с низким уровне интенсивности отношения к физической культуре и спорту.

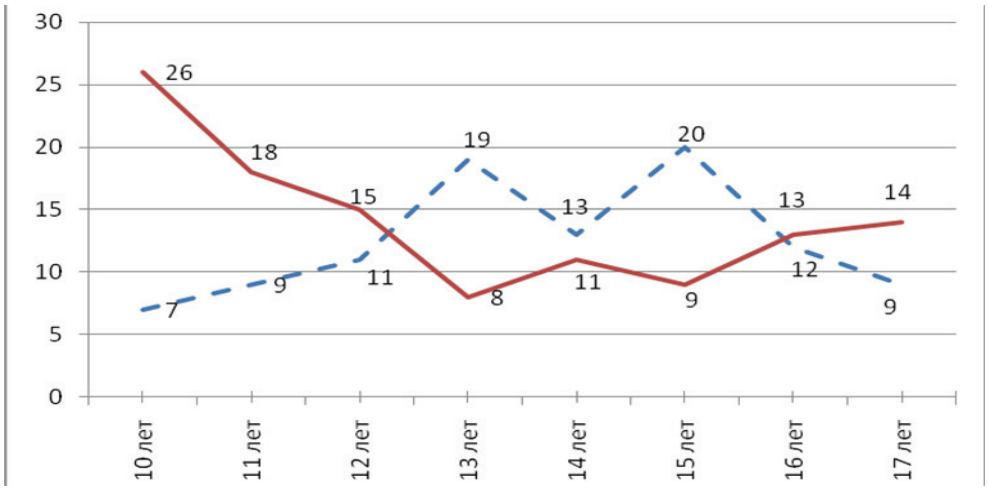

Рис. 2. Возрастное соотношение количества школьников:
▬▬ – с высокой интенсивностью отношения к физической культуре и спорту;
---- – с низкой интенсивностью отношения к физической культуре и спорту

Следует отметить, что, говоря о низком уровне отношения к физической культуре и спорту, который отмечается у 10–12 % всех школьников, мы подразумеваем удовлетворительный уровень.

Очень низкий, неудовлетворительный уровень, когда показатель интенсивности $< M_{ер} - 2\sigma$, отмечен нами только у 2–3 % школьников. Но даже у этих школьников не зафиксировано отрицательного отношения к физической культуре и спорту. Говорить об отрицательной модальности можно лишь в том случае, когда интенсивность отношения не превышает трех баллов. Такой результат зафиксирован нами только в одном случае из 922 (≈ 0,01 %).

Анализ структуры предпочтений какого-либо типа деятельности в сфере физической культуры и спорта позволяет судить о превалировании в мотивационной сфере личности школьника мотивов определенного типа: практических, эмоционально-эстетических, познавательных, этических (прагматических), т.е. о мотивационной направленности или определенном типе отношения к физической культуре и спорту.

В табл. 2 представлена структура мотивационной физкультурной направленности школьников с различным уровнем интенсивности отношения к физической культуре и спорту.

Как показали результаты тестирования среди школьников с низким уровнем интенсивности отношения к физической культуре и спорту ($M \leq 29$), более половины (52,8 %) составляют те, у которых ведущим типом мотивации, определяющим направленность и тип отношения, является эмоционально-эстетический. Школьников с познавательным типом – 13,8 %, с практическим и этическим (прагматическим) – по 16,7 %.

Среди школьников со средним уровнем интенсивности ($29 < M < 60$) резко снижается количество школьников с эмоционально-эстетическим типом отношения к физической культуре и спорту (с 52,8 до 23 %). В то же время более чем вдвое увеличивается процентный показатель учащихся с практическим типом (с 16,7 до 34,2 %), значительно возрастает доля этического типа (с 16,7 до 25,4 %), менее значимо – доля учащихся с познавательны типом мотивационной направленности в сфере физической культуры и спорта.

Таблица 2

Структура мотивационной направленности в сфере физической культуры и спорта школьников с различным уровнем отношения к физической культуре и спорту

Интенсивность	Мотивационная направленность, % учащихся			
	эмоционально-эстетическая	познавательная	практическая	этическая (прагматическая)
Низкая $n = 108$	52,8	13,8	16,7	16,7
Средняя $n = 701$	23,1	17,4	34,2	25,4
Высокая $n = 113$	13,2	24,8	35,4	26,6

В группе с высокой интенсивностью отношения к физической культуре и спорту больше всего тех, кто получает удовольствие от занятий физическими упражнениями или каким-либо видом спорта, – 35,4 % (практический тип отношения). Более четверти (26,64 %) составляют те, кто занимается физкультурой и спортом ради здоровья, высокого уровня физической подготовленности, всестороннего физического развития, ради высокого спортивного результата (этический, прагматический тип отношения к физической культуре и спорту). Практически столько же (24,8 %) учащихся кроме практических действий интересуются основами теории и методики физического воспитания, для них физическая культура и спорт – это в первую очередь способ и средство познания себя и окружающего мира, возможность овладения новыми знаниями и умениями.

И наконец, 13,2 % учащихся с высокой интенсивностью имеют эмоционально-эстетический тип отношения в сфере физической культуры и спорта. Их объединяет восприятие красоты и гармонии тел спортсменов, выразительности движений, драматургии спортивной борьбы, желания личного совершенствования культуры движений и телесного образа.

Анализируя результаты исследования отношения к физической культуре и спорту можно выделить четкую тенденцию уменьшения количества школьников с эмоционально-эстетическим типом мотивации по мере роста интенсивности отношения к физической культуре и спорту и увеличения с практическим, познавательным и этическим типом, а также снижение роли перцептивно-аффективного компонента в структуре интенсивности отношения и возрастание значения когнитивного, практического и поступочного компонентов интенсивности отношения к физической культуре и спорту.

Для установления взаимосвязи отношения к здоровью и отношения к физической культуре и спорту нами было проведено исследование, в котором приняли участие около 100 школьников, учащихся 5–11-х классов (по 14 мальчиков и девочек в каждом возрасте), которые с временным интервалом в семь дней выразили свое субъективное отношение к этим компонентам культуры. Анализ результатов исследования показал, что «здоровье» в иерархии жизненных ценностей значительно выше, чем «физическая культура и спорт» (коэффициенты доминантности соответственно составили 5,26 и 3,94 по семибалльной шкале). Коэффициент корреляции Браве – Пирсона, равный ±0,337, свидетельствует, что как ценности «здоровье» и «физическая культура и спорт»

в сознании школьников взаимосвязаны и взаимообусловлены, т.е. более высокому уровню доминантности отношения к физической культуре и спорту соответствует более ценностное отношение к здоровью.

То же можно сказать и об интенсивности отношения к здоровью и отношения к физической культуре и спорту (коэффициент корреляции равен +0,368), но с той лишь разницей, что в абсолютных значениях интенсивность отношения к физической культуре и спорту во всех компонентах (аффективно-перцептивном, когнитивном, практическом и поступочном) значительно выше, чем интенсивность отношения к здоровью.

Аналогичные исследования субъективного отношения к физической культуре и спорту и к здоровью, в которых приняли участие более 90 студентов первого курса ПГПУ им В. Г. Белинского, также выявили достоверность корреляционных связей показателей параметров ($r = 0{,}341$) по доминантности и ($r = 0{,}348$) по интенсивности.

Анализ мотивационно-типологических характеристик отношения к здоровью и отношения к физической культуре и спорту показал, что в 88 % случаев ($n = 188$) тип мотивационной направленности в сфере физической культуры и спорта и в сфере здоровья совпадают.

Отмечая общие тенденции в структурно-динамических и мотивационно-типологических характеристиках отношения к здоровью и отношения к физической культуре и спорту, можно сделать вывод, что физическая культура и спорт являются той сферой, где наиболее целесообразно формировать и развивать ценностное отношение к здоровью.

Список литературы

1. **Столяров, В. И.** Социология физической культуры и спорта : учеб. / В. И. Столяров. – М. : Флинта ; Наука, 2004. – 400 с.
2. **Лубышева, Л. И.** Социология физической культуры и спорта : учеб. пособие / Л. И. Лубышева. – 2-е изд., стереотип. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 240 с.
3. **Бехтерев, В. М.** Личность и условия ее развития и здоровья / В. М. Бехтерев. – СПб. : Изд-во СПб ун-та, 1905. – 110 с.
4. **Лазурский, А. Ф.** Очерк науки о характерах / А. Ф. Лазурский. – Пг., 1917. – 386 с.
5. **Мясищев, В. Н.** Личность и неврозы / В. Н. Мясищев. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1960. – 224 с.
6. **Дерябо, С.** Отношение к здоровью и здоровому образу жизни: методика измерения / С. Дерябо, С. Ясвин // Директор школы. – 1999. – № 3. – С. 7–16.
7. **Пашин, А. А.** Отношение учащихся к здоровью / А. А. Пашин // Физическая культура в школе. – 2008. – № 8. – С. 23–24.

Пашин Александр Алексеевич
кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра физического воспитания,
Пензенский государственный
педагогический университет
им. В. Г. Белинского

Pashin Alexander Alekseevich
Candidate of pedagogic sciences,
associate professor, sub-department
of physical training, Penza State
Pedagogical University
named after V. G. Belinsky

E-mail: pollylina@mail.ru

УДК 796+372

Пашин, А. А.

Структурно-динамические и типологические характеристики субъективного отношения к физической культуре и спорту / А. А. Пашин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 161–169.

УДК 378.016=20

Г. В. Вишневская

УПРАВЛЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТОЙ СТУДЕНТОВ-ЗАОЧНИКОВ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме управления самостоятельной работой студентов-заочников неязыкового вуза в процессе изучения иностранного языка в условиях дистанционного образования. Проводится анализ и обоснование методологических и технологических аспектов управления самостоятельной работой студентов как системы структурированных управленческих компетенций субъектов дистанционного образовательного процесса.

Ключевые слова: самостоятельная работа, студент-заочник, дистанционное образование, технологии управления.

Abstract. The article is devoted to the problem of correspondence students' independent work management in the process of studying a foreign language by means of distance teaching. Analysis and basing of methodological and technological aspects of students' independent work management as a system of structural managerial competences of distance teaching process' subjects is done.

Keywords: independent work, a correspondence student, distance teaching, management technologies.

Рост интеллектуального потенциала является основным фактором развития цивилизации, движущими силами которого выступают наука и образование. Значение образования как важнейшей составляющей формирования нового качества экономики и общества в целом постоянно изменяется. Эти изменения связаны с историей развития социально-экономических процессов в обществе, которые имеют конкретные закономерности, определяющие появления новых требований к личности человека.

Современный этап развития нашей страны требует создания условий достижения нового качества профессионального образования при его соответствии актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства на основе модернизации образовательного процесса в вузах.

Развитие системы образования, популярность и актуализация высшего образования предъявляют повышенные требования к качеству подготовки дипломированных специалистов. От современного высшего учебного заведения требуется внедрение новых подходов к обучению, обеспечивающих наряду с его фундаментальностью развитие коммуникативных, творческих и профессиональных компетенций, потребностей в самообразовании на основе потенциальной многовариантности содержания и организации образовательного процесса [1].

Существенно, что характер взаимодействия субъектов образовательной деятельности в этом процессе определяется, с одной стороны, принципами управления и организации процесса обучения, а с другой – результатами действий ее субъектов.

Механизм управления самостоятельной работой студентов в процессе их профессионального обучения основан на опыте разработки и внедрения инновационных подходов в образовании. При этом образовательное про-

странство, в котором взаимодействуют студент и преподаватель, характеризуется комплексными условиями организации учебного процесса, в том числе его уровнем автоматизации.

Новой образовательной парадигме соответствует дистанционная модель образования, особенностью которой является индивидуализация обучения. В связи с этим представляется актуальной разработка и последующее исследование оптимальных и универсальных методов, приемов, технологий, необходимых для успешного функционирования дистанционной модели образования, и возникает вопрос о методологических и технологических аспектах управления самостоятельной работой студентов как системы структурированных управленческих компетенций субъектов дистанционного образовательного процесса.

Целостность формирования познавательной активности и самостоятельности студентов-заочников, а следовательно, их готовности к самостоятельной работе по иностранному языку, зависит от эффективной организации процесса обучения, чему способствует, по нашему мнению, внедрение дистанционной технологии, завоевывающей в мире все большее внимание (А. А. Андреев, О. В. Виштак, А. А. Кашаев, Е. С. Полат, О. К. Филатов и др.).

Существуют различные мнения ученых относительно взаимосвязи дистанционного и заочного обучения.

Мы разделяем мнение специалистов (Ю. Ю. Григорьева, И. Г. Кревский, М. Б. Стрюков и др.), считающих, что дистанционной является не форма получения образования, а технология обучения. Под дистанционными образовательными технологиями понимаются технологии, реализуемые в основном с применением информационных и телекоммуникационных технологий при опосредованном (на расстоянии) или не полностью опосредованном взаимодействии студента и преподавателя. Это совокупность технических средств и учебного материала, которая образует единое целое благодаря единству выполняемой ими задачи развития знаний, умений и навыков в данной предметной области.

Согласно действующим нормативным документам, эти технологии (кейсовая, телекоммуникационная, интернет-технология, технология гипертекста и т.д.) могут использоваться в рамках существующих форм получения образования, предусмотренных законодательством (очная, очно-заочная, заочная, экстернат), как самостоятельно, так и в сочетании с традиционными образовательными технологиями.

На рис. 1 и 2 представлены схемы традиционного заочного обучения и дистанционного обучения с использованием инновационных образовательных технологий, предложенные Е. В. Александровой [2].

Из данных схем видно, что при использовании дистанционных образовательных технологий изменяются связи между студентами и преподавателем, который превращается в соучастника образовательного процесса наряду со студентами, в противоположность классической схеме, где преподаватель играет доминирующую роль.

В настоящее время в дистанционном образовании, в частности, при обучении иностранному языку, широко используются традиционные регламентированные формы обучения (лекции, семинары, консультации, экзамены, самостоятельная работа и т.д.), специфика которых проявляется в частоте их применения в учебном процессе и преимущественном использовании тех-

нических средств и новых информационных технологий (компьютерные обучающие программы, видео- и аудиолекции, деловые игры, тестирования, аудиотренинги, логические схемы базы знаний и т.д.).

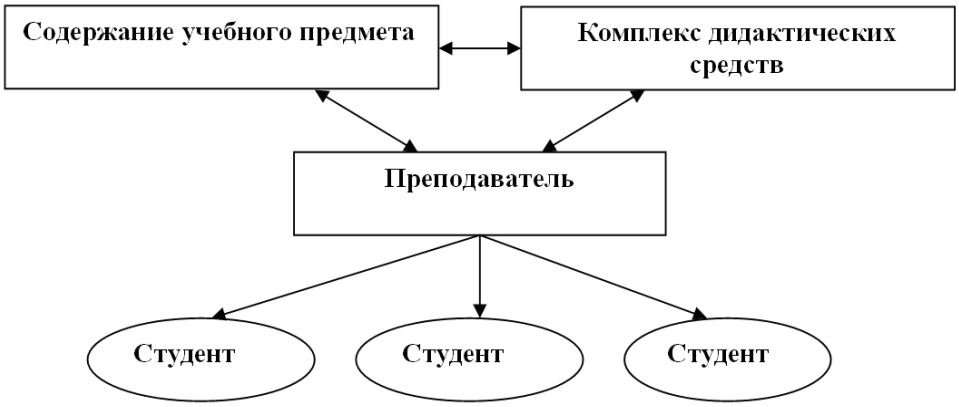

Рис. 1. Схема традиционного процесса обучения в системе заочного обучения

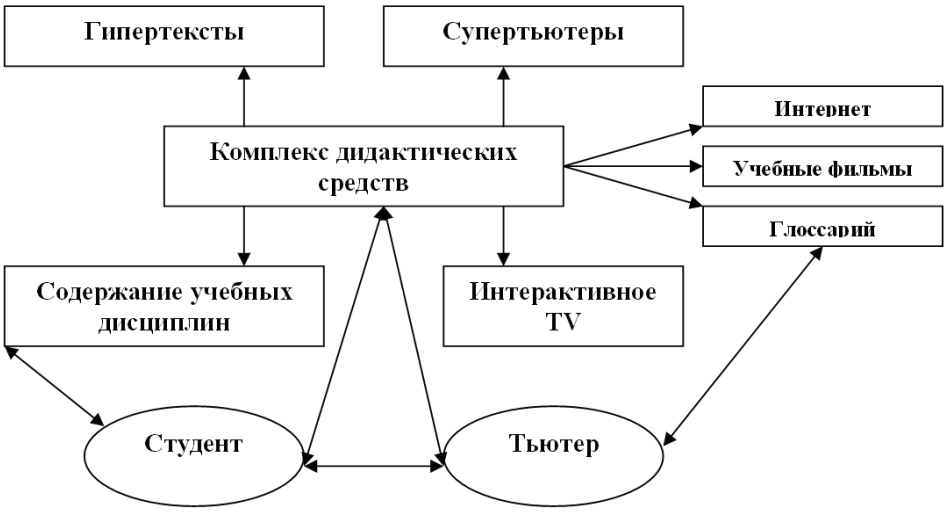

Рис. 2. Схема инновационного обучения
с использованием дистанционных образовательных технологий

Дистанционное обучение – следствие процесса информатизации общества, развития компьютерных телекоммуникаций. В центре процесса дистанционного обучения находится самостоятельная познавательная деятельность обучаемого, самообразование. Без формирования у студентов навыков самостоятельной работы, учебных умений, учебной компетенции нельзя создать у них необходимые предпосылки для самостоятельной работы, постоянного самообразования. Самостоятельную работу мы рассматриваем как динамичный процесс, складывающийся из множества задач, подчиненных конечной цели обучения, сформулированной в программе.

Технология дистанционного обучения предполагает самостоятельное изучение учебных дисциплин, в том числе иностранного языка, с помощью различных средств и форм обучения: слайд- и видеолекций, индивидуальных

компьютерных тренингов, кейс технологий, интернет-технологий, ЕШКО (Европейская школа корреспондентского обучения) и т.д.

Самостоятельная работа студентов-заочников по иностранному языку при дистанционном обучении, как правило, осуществляется без непосредственного участия преподавателя. Она способствует формированию самостоятельности, творческого отношения к труду, познавательной активности. При самостоятельной работе студенты опираются на свои знания, умения, опыт в изучении предмета.

Успешность и качество дистанционного обучения, самостоятельной работы в большей мере зависят от эффективности организации учебного процесса и методического качества используемых учебно-методических материалов, специально разработанных для самостоятельного изучения.

Большая часть самостоятельной работы студентов-заочников в условиях дистанционного образования связана с работой на компьютере. Использование компьютерной программы по иностранному языку видоизменяет, моделирует учебную деятельность, способствует повышению ее интенсивности и эффективности, ускоряет процесс усвоения, сокращает затраченное время (например, использование электронного словаря, грамматического справочника); изменяет последовательность действий студента, замещает одни функции другими, т.е. перестраивает всю структуру поведения.

При работе на компьютере внимание студентов фокусируется на основных вопросах и моментах, которые выделены другим цветом, шрифтом, курсивом, нестандартными приемами (подчеркивание, стрелки, звуковое сопровождение).

Другим эффективным способом управления вниманием является введение различных по характеру заставок (вербальных и кинетических), оперативный ввод ответа и рейтинговая оценка выполнения (например, в программе «REWARD InterN@tive» по английскому языку) [3].

Применение текстовой, статичной и динамичной информации, графики, мультипликации вызывает интерес и позволяет создать языковую среду обучения. Визуализация звучащей речи позволяет корректировать навыки аудирования и произношения, что дает возможность студенту увидеть на экране сходства и различия в звучании эталона и его собственной речи.

Сочетание зрительного и звукового рядов, использование видеофрагментов при обучении аудированию делает процесс изучения иностранного языка увлекательным и продуктивным, создает атмосферу познавательной активности.

Многие исследователи (Е. С. Полат, Е. В. Филимонова, Е. И. Дмитриева, М. В. Моисеева, А. Ю. Уваров) отмечают перспективность дистанционного обучения для изучения иностранного языка. Дидактические возможности телекоммуникационного межличностного общения позволяют погружать студента в реальную языковую среду через общение с носителями языка, приобщать его к языковой предметно-коммуникативной деятельности через парную и групповую работу, через участие в совместных телекоммуникационных проектах.

Обучающие иностранному языку программы, рассчитанные на самостоятельную работу, используются либо как компьютерная поддержка базовому курсу, проводимому преподавателем, либо автономно. При разработке комплексных заданий для самостоятельной работы с применением средств

мультимедиа важно учитывать то, что, поскольку студенты выполняют учебные задания самостоятельно, в их содержании должны прослеживаться функции преподавателя по управлению процессом усвоения знаний [4].

Являясь субъектом образовательного процесса в условиях дистанционной формы обучения, студент участвует в организации собственной учебно-познавательной деятельности по изучению иностранного языка, сам создает условия для своего дальнейшего развития. Поэтому для координации когнитивной деятельности обучающихся педагогу необходимо знать, как студент определяет задачи своей работы и какие цели ставит в процессе ее выполнения.

Достижение гарантированного качества усвоения содержания обучения при планировании и использовании педагогических приемов по интенсификации обучения в зависимости от когнитивных способностей студента является одной из главных задач современного профессионального образования. Ее решение целиком и полностью зависит от понимания того, что образовательное пространство студента формируется как результат взаимодействия двух сопряженных, взаимосвязанных подсистем (преподавание и учение, воспитание и самовоспитание), приводящих к повышению творческого потенциала саморазвивающихся подсистем и обеспечивающих их переход от развития к саморазвитию. Повышение творческого потенциала обучающегося лежит в основе всех интенсивных образовательных технологий, в том числе и технологий управления самостоятельной деятельностью студентов.

Эффективность применяемых технологий управления самостоятельной деятельностью студентов зависит от многих факторов, в том числе и от восприятия обучающимися самостоятельной работы как активной формы усвоения знаний, умений, навыков и развития способностей студентов-заочников.

В практике дистанционной формы подготовки высококвалифицированных профессионалов с успехом практикуется активное применение, наряду с традиционными, инновационных технологий управления самостоятельной работой студентов-заочников в процессе их изучения различных дисциплин [5]:

– технология развивающего обучения, технология целевой интенсивной подготовки специалистов;

– технология логико-эвристического проектирования профессионального образования;

– технология проектирования систем интенсивного обучения, технология контекстного обучения;

– технология позиционного обучения;

– технология санкционирования студентов;

– технология сотрудничества в учебном процессе;

– технология личностно ориентированного обучения;

– технология комплексного применения ЭВМ.

Эффективная реализация технологий управления самостоятельной работой студентов-заочников в условиях дистанционной формы образования возможна только в педагогических условиях, формирующих потребность в получении знаний и осознанность их необходимости. Тенденции развития педагогических технологий напрямую связаны с гуманизацией образования и внутренними психическими процессами студента, способствующими самоактуализации и самореализации его личности.

Каждая составляющая педагогической технологии оптимизирует образовательных процесс, если имеет соответствующие психологические обоснования и практические выводы, и использует широкий спектр средств, обеспечивающих наглядность, запоминание, освоение учебной информации.

Педагогические технологии управления самостоятельной работой студентов-заочников в процессе профессионального обучения в условиях дистанционного образования, а также методики формирования профессиональной компетенции позволяют таким образом организовать учебный процесс, чтобы максимально выполнить задачу, поставленную перед профессиональным образованием сегодня, – подготовить высококвалифицированного специалиста.

Список литературы

1. **Яхина, Е. П.** Автоматизированная дидактическая система как модель дидактического обеспечения дистанционного обучения / Е. П. Яхина // Телекоммуникации и информатизация образования. – 2005. – № 2. – С. 43–45.
2. **Александрова, Е. В.** Повышение качества подготовки студентов заочной формы обучения на основе инфокоммуникационных технологий в техническом вузе : дис. … канд. пед. наук / Александрова Е. В. – Самара, 2005. – 180 с.
3. **Железнякова, Г. А.** Моделирование самостоятельной работы студентов в условиях дистанционного обучения / Г. А. Железнякова // Телекоммуникации и информатизация образования. – 2005. – № 2. – С. 59–61.
4. **Колесова, Т. В.** Мультимедиа как средство интенсификации самостоятельной работы студентов в неязыковом вузе : дис. … канд. пед. наук / Колесова Т. В. – Йошкар-Ола, 2004. – 240 с.
5. **Усманов, В. В.** Интенсивные технологии управления самостоятельной работой студентов в процессе их профессионального обучения : дис. … д-ра пед. наук / Усманов В. В. – М., 2006. – 339 с.

Вишневская Галина Владимировна
кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы и психологии, филиал Российского государственного социального университета (г. Пенза)

Vishnevskaya Galina Vladimirovna
Candidate of pedagogic sciences, associate professor, head of sub-department of social work and psychology, affiliated branch of Russian State Social University (Penza)

E-mail: assol@pnz.ru

УДК 378.016=20

Вишневская, Г. В.

Управление самостоятельной работой студентов-заочников в условиях дистанционного образования / Г. В. Вишневская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (16). – С. 170–175.

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области истории, философии, филологии, педагогики, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows версий не выше 2003.

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru, дискета 3,5", CD-диск) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах.

Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Тип файла в электронном виде – RTF.

Статья **обязательно** должна сопровождаться индексом УДК, краткой аннотацией и ключевыми словами **на русском и английском языках**.

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисуночными подписями.

Формулы в тексте статьи выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], …). Номер источника указывается в квадратных скобках. В списке указывается:

- для книг – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц;
- для журнальных статей, сборников трудов – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, выпуск, страницы;
- для материалов конференций – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание наименования программы, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

К материалам статьи **должна** прилагаться информация для заполнения учетного листа автора: фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, адрес, контактные телефоны (желательно сотовые), e-mail.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается.

Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.